

И. Л. МАЯК

РИМЛЯНЕ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Издательство
Московского университета

И. Л. МАЯК

РИМЛЯНЕ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Издательство
Московского университета 1993

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Н.А. Чаплыгина*,
кандидат исторических наук *Н.А. Трухина*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Маяк И.Л.

М39 Римляне ранней Республики. — М.: Изд-во МГУ,
1993. — 160 с.

ISBN 5-211-02050-2

На фоне захватывающего изложения истории знаменитых патрицианских и плебейских родов показано формирование римского республиканского строя и гражданской общины. Монография сочетает свойства теоретического исследования, учебного пособия и увлекательного путешествия в мир античной жизни.

Для специалистов и широкого круга читателей.

М $\frac{0503010000 - 077}{077(02) - 93}$ 65 - 93

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-211-02050-2

©И.Л.Маяк, 1993

Древний Рим является символом величия государства. Среди римлян было множество замечательных людей, отличившихся в разных сферах деятельности. Имена некоторых из них стали нарицательными. Достаточно вспомнить, что человека, обладающего даром оратора, называют Цицероном, а всесторонне одаренного - Цезарем. Ведь, по словам его биографов, Цезарь не только прославился как полководец, и как государственный муж, и как писатель, но мог одновременно заниматься разными делами, например диктовать сразу несколько писем. Упомянем еще сподвижника императора Августа, знаменитого Цильния Мецената, который оказывал покровительство талантливым поэтам, откуда пошел термин "меценатство". Перечисленные примеры можно продолжить, ведь римская история чрезвычайно протяженна во времени и в пространстве. Ее условное начало относится к 754/753 гг. до н.э., а конец - к 476 г. н.э. События римской истории развивались с определенного момента на просторах Европы, Азии и Африки от Гибралтара до Евфрата и от Северного моря до Нильских порогов. Тут жили римляне и римские подданные, борясь за кусок хлеба, за почетные должности, за воинскую славу, - с их талантами, страстями и коварством. Это была эпоха Римской империи, переплавившей в конце концов в единое гражданство италийцев, греков, сирийцев, придунайских даков и т.д. Все они стали творцами великой средиземноморско-римской культуры и передали достижения античного мира последующим поколениям, вплоть до нас с вами.

Значение античной цивилизации огромно. Оно так органично вошло в жизнь современного человека, что мы уже не задумываемся над тем, что в точных и естественных, как и гуманитарных, науках, в архитектуре и изобразительном искусстве, литературе и театральной деятельности мы во многом обязаны античному обществу, которое около двух тысяч лет тому назад превратилось в римское.

Не стоит, однако, полагать, что богатством римская культура обязана только масштабам и синкретизму имперской эпохи. Важное место в создании ценностей античной цивилизации занимает тот небольшой народ, который основал город Рим и гордо называл себя римским народом. В его долгой истории исключительное значение имеет эпоха Ре-

спублики, причем особую роль римляне сыграли в период ранней Республики (конец VI - IV в. до н.э.).

История Рима изучается со времен Средневековья, но особенно плодотворно - с XIX в. во всех, прежде всего европейских, странах. Накопилась масса книг, посвященных различным сторонам жизни древних римлян, так что можно подумать, что все уже известно и современному историку остается только пересказывать труды своих предшественников. Но это далеко от истины. Одно оказалось неосвещенным, а другое - спорным. Так, несмотря на почти необозримую научную литературу, характер раннереспубликанского общества спорен, он определяется по-разному. Различно судят и о знакомых всем со школьных лет патрициях и плебейх. И тут мы неминуемо сталкиваемся с вопросом, насколько нам дано понять римлянина, жившего так давно, уловить побудительные причины поступков отдельного человека и целой государственной общины.

Какими же объективными данными для этого мы располагаем, иными словами - на каких источниках мы в своих суждениях можем основываться? Для историка вопрос об источниковой базе - всегда краеугольный. Современная наука выработала источниковедческий принцип, суть которого в комплексном и критическом использовании всех имеющихся разнородных памятников. Это позволяет, с одной стороны, проверять их данные, а с другой - более полно и адекватно освещать изучаемое явление.

Как это ни покажется странным, копилка источников истории ранней Республики беднее не только по сравнению с поздней Республикой и Империей, но и с более ранними, царским и доцарским, периодами; она меньше пополняется новыми материалами. Поэтому ученые стали позднее отходить от гиперкритического, присущего первой половине XX века, отношения к письменным памятникам, чем это могли себе позволить историки, изучавшие древнейший Рим.

Главные источники по интересующей нас эпохе представлены сочинениями античных авторов, живших как минимум на триста лет позже. Это в первую очередь связное, анналистическое изложение событий, выполненное знаменитыми уже в древности историками - Титом Ливием, писавшим на латинском языке, и Дионисием Галикарнасским, писавшим на греческом. Оба восхваляют римское прошлое, оба хорошо его знают. Ведь они пользуются трудами своих предшественников, не дошедшими до нас, и документами. Просвещенные римляне и греки интересовались личностями своих славных предков. На этой основе развился биографический жанр в литературе. Чрезвычайно важно в плане наших интересов параллельное жизнеописание знаменитых римлян и греков, с их сопоставлениями, составленное беотийским греком Плутархом. Надо заметить, однако, что не только историки и

биографы сохранили память о временах и людях ранней Республики. Много мы находим и в различных произведениях Цицерона, особенно в трактатах "О государстве", "О законах", и у историков, посвятивших свои труды поздней Республике и Империи, - Тацита, Аппиана, Аврелия Виктора и т.д., и у таких энциклопедистов, как Варрон, Плиний Старший. Первый из них оставил трактат "О сельском хозяйстве" и "О латинском языке" (все остальное сохранилось в отрывках), а второй - "Естественную историю", целый комплекс книг, содержащих сведения исторического, географического и этнографического характера. Благодаря потребности римлян в высшем риторском образовании в начале императорского времени составлялись сборники для будущих ораторов, содержавшие рассказы о неординарных ситуациях, поступках людей. Они принадлежат перу Валерия Максима и Авла Геллия. Неоценимое значение в качестве источников имеют античные толковые словари Феста и Павла Диакона, где даны объяснения древним институтам, ставшим непонятными.

Уже этот беглый перечень нарративных памятников говорит о том, что о ранней Республике написано было много и не так уж мало сохранилось. Но не все стороны жизни одинаково интересовали античных авторов. Они не задавались целью разъяснить нам то, что было понятно им самим и стало чуждо человеку нового времени. Их интересовала преимущественно политическая история Рима. К тому же тексты лакунированы.

Сведения античных авторов в совокупности составляют костяк античной традиции о раннереспубликанском Риме. Они дополняются данными памятников римского права. Удалось по цитатам у античных писателей восстановить не только отдельные законы, принятые римлянами, но даже датируемый серединой V в. до н.э. сборник - так называемые "Законы XII таблиц". Документальный характер имеют другие юридические тексты, сохранившие ранние правовые нормы, - "Институции", т.е. учебник права, написанный знаменитым юристом Гаем (II в. н.э.), а также "Институции" и "Дигесты", т.е. юридические казусы и комментарии к ним, вошедшие в Корпус универсального права, изданный по воле византийского императора Юстиниана.

Вопиющей бедностью отличается эпиграфическое наследие ранней Республики, что стоит в противоречии с развивавшейся грамотностью среди римлян. Но оно может быть объяснено тем, что римляне использовали для надписей недолговечные, непрочные материалы - дерево, крошащийся камень, и много позднее стали пользоваться мрамором. Это обстоятельство заставляет историков каждую древнюю надпись ценить "на вес золота". Таким бесценным подарком для ученых явилась находка в 1978 г. в районе античного города Сатрик в Лации надписи конца VI в. до н.э.¹ с именем одного из консулов первого года

Республики, Публия Валерия Попликолы. Она не только показывает деяния этого римского героя и его положение в обществе, но имеет и более широкое значение: подтверждает другие данные античной традиции об этом далеком времени. Конечно, кроме надписей, современных ранней Республике, имеются поздние, однако повествующие о римской древности. Но и тут об изобилии, а часто и полной сохранности, говорить не приходится. Важное место среди них занимают так называемые фасты. Это в первоначальном значении – религиозный календарь. Его начали составлять еще при царях жрецы-понтифики, определявшие дни, удобные (*dies fasti*) или неудобные (*nefasti*) богам для совершения разных дел в соответствии с представлениями римлян о нормах божественного права (*fas*). На основе этих фастов в период Республики возникли списки должностных лиц, прежде всего консульские фасты, а также триумфальные – перечень триумфов. Сами античные писатели I в. до н.э. считали, что в эти списки попадали иногда ложные сведения от тех, кто хотел приукрасить своих предков. Однако Сатриканская надпись реабилитировала наиболее древнюю часть консульских фастов, что повышает доверие к римской анналистике, на фундаменте которой строились все исторические сочинения античности.

Не слишком балует нас своими материалами и археология. Остатков памятников раннереспубликанского времени немного. Рим в течение веков перестраивался, следуя новым потребностям и архитектурным модам растущего города. Нельзя забывать и о том, что ранний, во многом деревянный, Рим неоднократно горел. Пожар 390 г. до н.э. уничтожил почти весь город. Здания восстанавливались зачастую в прежнем виде. Но от исходного состояния сохранились в лучшем случае только фундаменты. Так случилось с древнейшими сооружениями Форума, храмом Диоскуров, прекрасные колонны которого относятся уже к началу нашей эры. В позднем исполнении предстает перед нами часть изящной колоннады храма Сатурна, построенного в 479 г. до н.э. у подножия Капитолия. Западнее Сатурнова святилища сохранились подземные, датируемые V в. до н.э., ветви главного сточного канала Форума – Великой клоаки, сооруженной еще в конце VII в. до н.э. и действующей до настоящего времени. На многих улицах исторического центра вечного города высятся и сейчас фрагменты оборонительной стены IV в. до н.э., воздвигнутой на месте построенной при царе Сервии Туллии и разрушенной напавшими на Рим галлами. За ее пределами на Марсовом поле в 436 г. до н.э. был построен храм Аполлона. С ним связано одно из немногих археологических открытий последних лет, освещающих период ранней Республики. Ориентация этого строения отличается от других, более ранних и поздних зданий внутренней зоны Рима, но совпадает с ориентацией так называемых септов (*saepa*,

septa) - оград, деливших площадь для проведения голосований в народном собрании. Значит, 436 г. до н.э. является *terminus, ante quem*, т.е. датой, до которой пользовались упомянутой ориентацией. А ведь Марсово поле стало территорией для народных собраний в VI в. до н.э. при Сервии Туллии, который ввел новый их вид - собрания по центуриям. Центуриатные собрания стали играть существенную роль в политической борьбе ранней Республики. Таким образом, археологическое показание септов подтверждает рассказы античных авторов об интенсивной внутренней жизни Рима V в. до н.э. и роли в ней центуриатных собраний, или комиций.

Итак, как бы ни были немногочисленны эпиграфические и археологические данные, они удостоверяют в главных чертах античную традицию и позволяют отвергнуть свехкритический взгляд на нес, утвердившийся в науке к началу XX столетия. Однако новое отношение к античной традиции о раннем Риме не избавляет нас от критики ее. Необходимо помнить, что традиция дошла до нас в сочинениях довольно поздних античных авторов. И даже самые образованные из них, самые осведомленные писали языком своего времени, пользовались обычной для них терминологией, употребляли слова в привычном для себя значении. Не забудем, что слова живут долго и в ходе истории порой меняют свое содержание. В наше время это положение легко проиллюстрировать использованием слов "левый" и "правый". Во-первых, надо иметь в виду, что уже в предшествующий период эти прилагательные приобрели значение "прогрессивного" и "консервативного" и, таким образом, получили смысл, дополнительный своему первоначальному. Со временем "левый" стал пониматься как революционный, а "правый" - даже как реакционный, контрреволюционный, буржуазный. Теперь же в качестве политических характеристик эти слова наполнились новым, прямо противоположным содержанием. Подобную метаморфозу испытали и слова "знатный", "знать". В самом деле, "знатная дюярка" в официальном лексиконе или "партийная знать", встречающаяся в лексиконе обывающем, мало похожи на своих придворных предшественников. То же происходило порой и в Древнем Риме. Действительно, исключительно эрудированный философ и юрист Цицерон (Сис. г.р. II, XII, 23) называет оптиматами древнейших сенаторов царской эпохи, Ромулов Рим - государством. Очень подробно излагавший историю раннего Рима Дионисий (VI, 95), передавая условия Кассиева договора (496 г. до н.э.), указал, что в нем латинам даровалась исполития, т.е. равенство прав. Однако, по справедливому замечанию Л.Амиранте², это заключение Дионисия ошибочно, потому что он писал в эпоху, когда уступка римского гражданства стала инструментом римской политики, означала привилегию, свидетельствовала о добром отношении римлян к иностранцам, отдельным людям или

целым общинам. И это обычное для его времени положение Дионисий перенес на начало V в. до н.э., когда между римлянами и латинами существовали взаимные отношения *commercii* и *conubii* и даровать их в качестве привилегии было незначительно, почему они практически в договоре и не упоминаются. Еще больше внимания требуют в этом смысле сочинения императорского времени, в том числе юридические. Это применительно к Гаю настойчиво постулировал такой авторитет, как Серрао³. Он показывал, что Гай оценивал в своем учебнике категорию *in mancipio* с помощью распространенного в его время института рабства (*servorum loco* - 1,123 и 138, 117 и 120), тогда как в древности *personae in mancipio* отличались от рабов (*servi*). Тит Ливий, которого нельзя заподозрить в незнании римской истории и политической терминологии, анахронистически употребляет термин "комиции". Рассказывая о предложении плебейского трибуна 472 г. до н.э. Волерона, он говорит, что оно состояло в том, чтобы перенести избрание плебейских магистратов из центуриатных комиций в трибутные (Liv., II, 56,2). Однако трибутные комиции появились лишь после закона Гортензия 287 г. до н.э. и действовали в Ливиево время. Здесь знаменитый ритор изменил исторической точности, отнеся к древности более поздний институт, используя слово "комиции" в современном ему значении.

Показателен и пример Макробия. Он назвал царя Тарквиния Приска "принцепсом" (Sat., I,6,11), в то время как принцепсами уже именovali правителей ранней Империи.

Все это обязывает историка учитывать словоупотребление античных писателей, порой модернизовавших свое прошлое. Однако подчеркнем, что современная источниковая база позволяет более детально, а стало быть, и более адекватно судить о римлянах ранней Республики.

-----
¹ Peruzzi E. On the Satricum Inscription // *La parola del passato*, 1978, f. 182. P. 346-350; Pallottino M. Lo sviluppo socio-istituzionale di Roma arcaica alla luce di nuovi documenti epigrafici // *Studi Romani*, 1979, XI. P. 12-14.

² *Amirante L. Famiglia, Libertà, città nell'epoca decemvirale // Società e Diritto nell'epoca decemvirale*. Napoli, 1988. P. 83.

³ *Serrao F. Replica // Società e Diritto*. P. 139-140.

ОТ ЦАРЕЙ К КОНСУЛАМ

Ранняя Республика - это время глубокой древности, но вовсе не начало римской истории. И чтобы понять жизнь интересующей нас эпохи, необходимо кратко остановиться на римских первоистоках. Благодаря прогрессу в области археологии, эпиграфики и лингвистики наши знания простерлись до неведомых ранее временных пределов¹. Выяснилось, что человек обосновался на месте Рима задолго до традиционной даты его возникновения (754-753 гг. до н.э.). Оставляя в стороне пещерных людей каменного века, заметим, что поселенцы Лация, т.е. латины, которых римляне считали своими предками, в эпоху бронзового века (вторая половина II тысячелетия до н.э.) встретились здесь с разными переселенцами. Сначала это были греки-ахейцы, попытавшиеся колонизовать южные римские холмы, а потом и троянцы, в которых римляне видели своих прародителей наряду с латинами. Об этом рассказывалось в красивой легенде, канонизированной по воле основателя Римской империи Октавиана Августа, в талантливом исполнении Вергилия, автора "Энеиды". Герой этой поэмы, троянец Эней, основал, правда, не Рим, а город Лавиний, названный им в честь жены, латинской царевны. Оттуда выселился Асканий-Юл, сын Энея от первой жены-троянки, и построил город Альбу-Лонгу. Дальние потомки Аскания-Юла, близнецы Ромул и Рем, явились основателями Рима. Конечно, божественное происхождение, равно как и другие фантастические детали их жизни (например, вскармливание волчицей), не признаются современной наукой, но они находят объяснение, а деятельность этих героев рассматривается как воспоминание об истинных исторических процессах, происходивших в Лации раннего железного века, т.е. в первые столетия I тысячелетия до н.э. Ромул считается первым царем, его правление открывает так называемую царскую эпоху в римской подлинной, а не сказочной истории². Цари правили с VIII по конец VI в. до н.э. За это время произошло много событий. Постепенно из объединения разрозненных поселков на холмах вырос город, общество из родоплеменного стало классовым, царская власть из власти первобытных вождей развилась до единоличной, тиранической, римляне из членов гентильных, т.е. родовых, подразделений превратились в граждан государства, первоначальная культура Рима поднялась до уровня цивилизации.

Именно в царскую эпоху были заложены фундаменты важнейших общественных и управленческих структур, а также идейной, в том числе религиозной, сферы, на которых строился республиканский Рим.

В Риме поздней Республики и ранней Империи - назовем его классическим Римом, потому что в это время замечательно расцвела типично античная римская цивилизация, - существовали символы древности. Так, в качестве знака незапамятных времен называлось имя Фавна, вождя и прародителя мифического племени фавнов, обитавших некогда в Лации. Но наиболее близким и любимым героем был Ромул. Ему приписывалось не только основание великого Города, не только объединение латинской общины на Палатине с сабинской, владевшей холмами Виминалом и Квириналом, что нашло отражение в известной легенде о похищении сабинянок, но и создание всех общественных единиц первобытного Рима. Из такой атрибуции можно, однако, извлечь вполне достоверное рациональное зерно: латинские поселенцы Палатина, как и родственные им сабины, жили родовым строем, подразделяясь на племена-трибы, фратрии-курии и роды (gentes). Управление этой общиной было классически первобытным, трехчленным. Во главе стояли сенат, совет старейшин, куриатные комиции, т.е. народное собрание по куриям, и выборный царь (rex). Уже при первых царях римляне не отличались первобытным равенством. Куриатное собрание не допускало участия женщин, а было лишь сходкой взрослых мужчин, реальных или бывших (по возрасту!) воинов, а баланс сил явно склонялся в сторону царя. Наряду с гентильными общинами появлялись территориальные, соседские. Все свидетельствовало о процессе разложения первобытнообщинного строя.

Латинские писатели рисуют римлян воинственным народом, что вполне соответствует стадии их общественного развития. Задиристыми и воинственными выглядели уже юноши-близнецы, легендарные Ромул и Рем, легко вступавшие в драку с соседями, а порой и между собой. Жертвой такого поведения пал Рем, убитый то ли самим Ромулом, то ли одним из его друзей. После похищения сабинянок Ромулу пришлось вести настоящую войну, начатую против римлян Акроном, царем Ценины, в отмщение за умыкание девушек. Война открылась поединком вождей - Акрона и Ромула. Ценинец пал в битве, и Ромул устроил по этому поводу первый триумф. Он срубил и обтесал большой дуб и повесил на него оружие сраженного Акрона. Нарядившись и надев на распушенные волосы лавровый венок, он с победной песней во главе войска направился в город и торжественно посвятил вражеские доспехи Юпитеру. Этой чести впоследствии удостоивались лишь полководцы, собственноручно убившие вражеского вождя.

После Акрона против Рима выступили другие города Лация, но тоже были побеждены. При этом и ценинцы, и жители близлежащих латин-

ских городов вынуждены были переселиться в Рим, а их земли получили римляне. Это вызвало негодование соседних сабинян и новую войну, ознаменованную драматическими эпизодами - предательством римлянки Тарпеи, польстившейся на золотые браслеты, которые сабиняне обычно носили на левой руке, беззаветной смелостью юноши Курция, молитвой Ромула, просившего Юпитера остановить панически бегущее римское войско, спасшей римлян. В память об этом был воздвигнут храм Юпитера-Статора (Остановителя). Завершились эти бурные события вмешательством юных жен, прекративших кровопролитие: с мольбами и младенцами на руках стали они между своими мужьями и родителями и примирили их. С той поры, согласно традиции, жители Палатина и северных сабинских холмов объединились в одну общину, которая управлялась двумя соправителями - Ромулом и сабиняном Титом Тацием вплоть до гибели последнего. Все это время римляне не переставали воевать. Сначала с латинским городом Фидены, а потом, в пору случившегося мора, - с нападшими на Рим латинами-камерийцами. Римляне, конечно, всех одолели, их земли захватили и часть уцелевших неприятелей переселили в Рим; а на покоренные земли стали выселять безземельных римлян.

Усиление Рима встревожило этрусков из богатого города Вейи. Но война стоила им многих жертв и потери земель за Тибром в пользу Рима.

Раньше приобретенными землями распоряжался сенат, теперь же Ромул сам стал наделять ими не только курии, где они делились между родами, но и отдельных воинов по своему усмотрению, за что и был убит сенаторами. Припомнили ему и создание отряда телохранителей-целеров, и самостоятельное ведение суда, что делало его независимым от родовой знати. Разумеется, тут же была сотворена легенда о том, что Ромул вознесся на небо и его стали почитать под именем бога Квирина. В Риме установилось междуцарствие, т.е. правление отцов-сенаторов, которым полагалось предложить нового царя.

Следующий царь, Нума Помпилий, был приглашен из сабинского города Курес. Он не воевал и новых земель не приобретал. Но действовал как и Ромул, укреплял царскую власть, стараясь, однако, не ссориться с родовой знатью. Нума распустил отряд целеров, зато создал ремесленные и новые, не связанные с родоплеменным строем, жреческие коллегии, чем централизовал свою власть.

Ранние цари в рассказах античных писателей наделены поочередно определенными этническими и нравственными чертами. Мирного сабинянина Нуму сменил воинственный Тулл Гостилий латинского происхождения, который все искал повода к большой войне. А маленькие стычки между соседями происходили в Лации постоянно. Это были грабительские набеги с угоном скота. И вот случился взаимный захват

овец и коров у римлян и альбанцев, жителей римской метрополии. Тулл Гостилий потребовал через послов удовлетворения, получил отказ и объявил альбанцам войну. Последние вторгаются в римские пределы, в пяти милях от Города разбивают лагерь и окружают его рвом, который по имени альбанского правителя стал называться Клуилиевым и просуществовал несколько столетий. Вскоре царь Клуилий умирает и в Альбе остается вместо него диктатор, Меттий Фуфетий, который пытается образумить Тулла, чтобы не допустить взаимного истребления двух родственных народов на глазах их могущественного противника, этрусского города Вейи. Тулл смиряется. Оба вождя соглашаются решить дело поединком, которым принято начинать битву. Обе стороны выделяют по трое братьев-близнецов, Горациев и Куриациев, родственных между собой, потому что их матери были сестрами. Ведь в Лации существовало тогда право взаимных браков. При первом же столкновении все трое альбанцев оказались ранеными, а двое римлян - убитыми. Оставшийся в живых применяет китрый маневр: он отступает и поочередно убивает догоняющих его теряющих силы альбанцев. Таким образом римляне одержали верх и заключили мир с Альбой. С ликованием встретили римляне победителя - Горация. Но сестра его, просватанная за одного из Куриациев, стала оплакивать своего жениха. Тогда возмущенный герой заколол сестру. За это юноша подлежал казни. Но по совету Тулла он обратился к народу. И народ, тронутый горем отца, простившего своего сына, оправдал его.

Однако мир с Альбой оказался недолгим. Римская анналистическая традиция обвиняет в этом альбанца Меттия Фуфетия, нарушившего договор и подстрекавшего против римлян соседей фиденатов, среди которых были и римские колонисты. За такое вероломство Тулл четвертовал Меттия, Альбу повелел разрушить, а альбанцев переселить в Рим, причислив роды Юлиев, Сервилиев, Геганиев, Куриациев и Клелиев к родам отцов-сенаторов. Заметим, что разрушение Альбы в первой половине VII в. до н.э. подтверждено археологами.

Увеличение населения за счет альбанцев укрепило Рим в военном отношении. Тулл тут же начал войну с сабинянами и выиграл ее. Но за этим последовали страшные знамения: на Альбанской горе шел каменный дождь, а с вершины слышался громовой голос, повелевавший переселенным альбанцам усилить внимание к религиозным обрядам. К тому же пришло моровое поветрие. Но ничто не укротило воинственного духа царя, пока он сам не заболел. Тогда он обратил свои мысли к благочестию, но не сумел должным образом устроить жертвоприношений, чем и разгневал, по преданию, Юпитера. Тулл был поражен молнией и спорел вместе с домом, который построил для себя на Целийском холме. Отметим, что и третий царь расширил римские земли и упорядочил обряды, исполнявшиеся жрецами-фециалами. В их риту-

алах - следы глубочайшей первобытности. Но по одной из версий традиции, коллегия фециалов была заимствована еще Нумой у соседнего народа - эквикулов. Она ведала правилами объявления войны и заключения мира. Тулл же, вероятно, уточнил нормы заключения договоров. Таким образом, он утвердил значение царя в сакральной сфере.

Посмерти Тулла Гостилия вновь было установлено междуцарствие. Назначенный сенаторами интеррекс (междуцарь) созвал народное собрание, на котором царем был избран внук сабиняна Нумы Анк Марций. Судьба ведет его по уже проторенному пути. Он уделяет особенное внимание фециальному праву и вместе с тем упорно и удачно воюет с латинами. Ему удается продвинуть римское господство к югу, завладеть устьем Тибра, где добывалась соль, перебросить свайный мост на правобережье реки и, таким образом, закрепить за собой холм Яникул. Анк побеждает в боях жителей латинских городов Политория, Теллен, Фиканы и более северного Медуллии, города разрушает, земли захватывает, а большую часть их жителей переселяет в Рим. Для обитания им определяется Авентинский холм и близ него - долина Мурции. Эти деяния Анка Марция нашли не только археологическое, но и лингвистическое подтверждение. Ученые обнаружили в языке классических римлян слова из древнего лексикона как южного, так и северного Лация. Они могли утвердиться в римской языковой среде только в условиях массового обитания употреблявших их людей, что вполне соответствует преданию о политике четвертого царя. Население Рима заметно возросло. Масса новых римлян стала называться плебсом.

Со смертью Анка Марция кончилось правление латино-сабинских царей. Сыновья его еще не достигли взрослости, и царский трон достался некоему Лукумону, переселившемуся из этрусского города Тарквинии. Согласно легенде, его переезд в Рим сопровождался чудесным и многообещающим знамением. Когда Лукумон на повозке достиг Яникула, над ним распростер свои крылья орел, снял с него шапку, покружился в клюве с ней над ездоком и вновь надел ее ему на голову. Жена Лукумона, Танаквиль, искушенная в гаданиях, немедленно истолковала это событие как предвестие великой судьбы мужа. Вдохновленный ее предсказанием, он энергично обустроивается в Риме, завязывает дружбу с многими римлянами и добивается знакомства с царем. Богатый и мудрый Лукумон входит в доверие к Анку Марцию и становится по завещанию опекуном его детей. Зная о расположении к нему в обществе, Лукумон обратился к народу с просьбой о царской власти и был избран царем под именем Луция Тарквиния, которому впоследствии было придано прозвище Приска (Древнего). Правление Тарквиния Древнего внесло много нового в римскую жизнь. Он побеспокоился о создании социальной опоры. С этой целью он увеличил сенат на 100 человек, которые были названы "отцами младших родов" и числены

к патрициям. Вероятно, эти новички частично были этрусками, а частично происходили из римских плебеев. Тарквиний много воевал с латинами и сабинами и значительно расширил римские пределы. Рим обогатился новыми землями и новыми союзниками из числа латинских городов. Для успеха военных акций царю нужно было укрепить управление войском. Ведь оно продолжало комплектоваться по куриям и было подвластно родовой знати. Стараясь преодолеть ее влияние, Тарквиний попытался было увеличить число всаднических подразделений. Но тут выступил славный авгур, т.е. специалист по птицегаданиям, Атт Навий и объявил, что без проведения их никаких новшеств вводить нельзя. Насмехаясь над авгуром, царь бросил ему в лицо: посмотри-ка по птицам, сбудется ли то, что я задумал. Атт Навий, совершив гадание, ответил, что сбудется. На это Тарквиний сообщил, что он задумал, чтобы жрец рассек бритвой каменный оселок. К удивлению всех, Атт тотчас же совершил это, и посрамленному царю пришлось оставить прежнее число подразделений, увеличив только число всадников в них. Так повествует легенда. Оставив в стороне ее занимательные подробности, можно сказать, что проект Тарквиния означал поиски расширения социальной опоры за счет молодежи и укрепления царской власти путем создания неподконтрольных родовладыкам войсковых единиц.

Тарквиний начинает новую архитектурно-строительную политику, многое заимствуя у более культурных этрусков. При нем возводятся городские укрепления, осушается с помощью отводных каналов болотистая низина, закладываются основы храма Юпитера на Капитолии и Большого цирка. Вещественные следы этой деятельности видны в Риме и сейчас.

В противовес укреплению власти Тарквиния в Риме и в Лации пошатнулся его авторитет в семье. Недовольны им были сыновья Анка Марция. Ведь он, хоть и по воле народа, фактически отстранил их от трона. Дело осложнялось еще и тем, что в царском доме подрастал родившийся от пленной латинской царицы мальчик. Сын поверженного царька и матери-пленницы, он занимал рабское положение, отчего и мог получить свое имя - Сервий (*servus* по-латыни раб). Однако и ему, как некогда Тарквинию, боги дали чудесное знамение: голова спящего ребенка вдруг запылала, а потом пламя само погасло, не повредив мальчику. Сведующая в гаданиях царица Танахвиль истолковала знамение как знак богов о великом будущем Сервия. С этого времени она приблизила к себе его мать и обе они стали воспитывать и холить ребенка. Сервий рос умным и образованным, пользовался уважением и сенаторов и народа, так что царь счел его достойным руки своей дочери. Это окончательно отдалило сыновей Анка от царской власти, и они организовали покушение на Тарквиния. Находчивая Танахвиль,

скрывая безнадежное положение царя, возлагает на Сервия обязанность по управлению Римом до выздоровления Тарквиния. Она несколько дней даже утаивает его кончину, чтобы упрочить положение Сервия, который прекрасно справляется с данными ему полномочиями и завоевывает авторитет у римлян. Наконец объявляют о смерти Тарквиния. Сенат соглашается на введение Сервия на царство. Он первым без избрания в народном собрании становится царем, отстранив от власти не только сыновей Анка Марция, которым пришлось уйти в изгнание, но и сыновей убитого Тарквиния.

Кроме этой римской версии легенды существует еще этруская. По ней Сервий отнюдь не мирно получил власть от Тарквиния, а участвовал в походе нескольких этрусских кондотьеров против Рима и союзных ему этрусских городов. В одном из вариантов этрусской версии Сервий именуется Мастарной. Возможно, однако, что это не имя собственное, а название должности, сопоставимое с латинскими словами *magistratus* и *magister*. Но это не значит, что Сервий был обязательно этруском. Он мог быть и латином, но состоять в союзе с теми этрусскими центрами, которые выступали против коалиции других поддерживаемых Римом этрусских городов.

Как бы то ни было, Сервий царствовал в Риме (578-535 гг. до н.э.) и был выдающимся правителем. При нем завершились те общественные и политические процессы, которые привели Рим от разлагавшегося первобытного строя к государству и цивилизации. В античной традиции запечатлен портрет Сервия Туллия как великого реформатора и народолюбца. Деятельность этого царя признается современной наукой исторически достоверной.

Подобно всем своим предшественникам, Сервий стремился ограничить влияние родовой знати в обществе и добился этого. За ним числятся важнейшие установления. Во-первых, он поделил всю римскую территорию на 4 городских и 16 сельских округов, которые назвал трибами. Поскольку принадлежность к этим округам приобрела для людей большое значение, принадлежность к трем древним племенным трибам перестала приниматься во внимание. По территориальным округам Сервий установил ежегодную перепись населения. Технически это выглядело так: каждый человек - мужчина, женщина, ребенок - вносил в казну соответствующую плату по месту своего проживания, делался взнос и за родившегося и за умершего. Таким образом учитывалась динамика населения по полу и возрасту. Собранные взносы составляли часть общеримской казны. А главная ее часть состояла из налогов. Налоговые взносы в каком-то виде собирались и раньше. Но Сервий Туллий сделал их регулярными и дифференцированными. Для учета доходов он провел цензовую реформу. Главы всех римских семей, будь то коренные жители, или потомки латинов, насильственно переселен-

ных на Авентин, или добровольные пришельцы, должны были явиться к царю и под присягой сообщить о состоянии своей семьи, о том, сколько земли, скота, рабов и прочего добра они имеют, какие доходы получают. В зависимости от имущества римские мужи зачислялись в цензовые разряды (впоследствии их стало шесть). В соответствии с уровнем достатка люди, уже независимо от принадлежности к родам и куриям, призывались в армию. Самые богатые формировали тяжело вооруженную пехоту и кавалерию, менее состоятельные - легко вооруженные отряды; бедные освобождались от военной службы, поскольку не имели средств для экипировки. Эти люди назывались "пролетариями", так как все их достояние заключалось в потомстве (по-латыни *proles*).

Войско делилось на центурии, т.е. на отряды в идеале из ста человек. Но фактически в центурии богатых воинов было гораздо меньше ста, а в пролетарской центурии - намного больше. Это имело огромное значение для внутренней жизни Рима, потому что Сервиева центурия была не только воинской, но и голосующей единицей.

Оставив за собраниями по куриям решение лишь некоторых, связанных с религиозными установлениями, вопросов, Сервий Туллий перенес все важнейшие дела в собрания по центуриям. Таким образом, он ввел новый вид народных собраний - центуриатные комиции. Поскольку центурий состоятельных разрядов было много больше, чем центурий, включавших людей победнее, голосование всегда оказывалось в пользу богатых, хотя и не обязательно родовитых.

После ценза были проведены очистительные священнодействия и установлен пятилетний срок для следующего ценза.

Создав новое войско вместо прежних родовых ополчений, Сервий укрепил свою власть и принизил родовую знать, которая этим ополчением командовала. А чтобы еще больше подавить ее, царь провел серию земельных конфискаций и наделил землей бедняков. Его демократический облик связывается в традиции с учреждением праздника Сатурналий. Они справлялись в течение недели в декабре после жатвы, когда можно было отдохнуть и повеселиться. Посвящались они богу Сатурну, который, по древним поверьям, прибыл из Греции, когда в Италии правил Янус (оба были потом обожествлены). Сатурну приписывается усовершенствование земледелия, за чем последовало всеобщее благоденствие, "золотой век". В память о нем во время Сатурналий пировали все вместе без разбора - и богатые, и бедные, и свободные, и невольники и господа даже прислуживали своим рабам.

Сервий удачно воевал, приобретая для Рима новые земли. Уделял он внимание и городскому благоустройству. Площадь города была расширена, возведены мощные укрепления - вал, ров и оборонительная стена, воздвигались храмы. Один из них был построен на Авентине за пределами городской стены и посвящен Диане - любимой общелатин-

ской богине, имевшей знаменитое святилище у Немецкого озера близ города Ариция. Строительство храма в плебейском районе означало благосклонность к плебеям и было заявкой Сервия на господство в латинском мире. Начали также сооружать храмы древнему женскому божеству Матери Матуте и богине удачи - Фортуне. Форум замаскировался, дома вытеснили с улиц хижины. Рим становился настоящим городом, а Сервий из племенного вождя превращался в царя государства. Кем бы ни был Сервий по происхождению, правление его включено в традиции этрусской династии. Усиливаются контакты с этрусками. При раскопках храма Матуты найдена плоская фигурка из слоновой кости в виде льва с этрусским именем ее владельца, написанным по-этрусски, датированная VI в. до н.э. Именно с этого времени распространяется в Риме этрусская культура - язык, религиозная литература, гадания по внутренностям животных (гаруспицина), керамика; цари облачаются в этрусские одежды, украшают в торжественных случаях голову короной, восседают на тронах.

Но и у мудрого Сервия семейные дела были далеки от благополучия. Став царем с согласия отцов-сенаторов, он лишил царства молодых Тарквиниев, сыновей Тарквиния Древнего. Стараясь смягчить ситуацию, царь женил их на своих дочерях, из которых одну в соответствии с ее характером звали Туллией Кроткой, а другую - Туллией Свирипой. Случилось так, что последняя досталась мягкому по характеру Аррунту Тарквинию, а кроткая - горячему и властолюбивому Луцию. Младшая, Свирипая Туллия, презирая своего Аррунта и свою кроткую сестру, потянулась к Луцию и заразила его своим страстным безрассудством. Они организуют убийство своих опостылевших супругов и вскоре сочетаются браком. Но ненасытной Свирипой Туллии этого мало, и она подстрекает мужа к захвату власти у ее собственного отца Сервия. Обуреваемый жадой царства, Луций Тарквиний начинает действовать. Он напоминает сенаторам о своем царском происхождении, жалуется на Сервия, подкупает юношей подарками. Его влияние в обществе растет. Выбрав подходящий момент, Луций с вооруженным отрядом врывается на Форум, занимает царский трон и велит собрать сенаторов в здание сенатских заседаний, так называемую курию. Когда люди в страхе собрались, молодой Тарквиний разражается гневной речью против Сервия, обвиняя его, человека рабского происхождения, в ущемлении прав достойных граждан, в том, что перевалил на них бремя повинностей и лишил их в пользу оборванцев завоеванной земли. Тут неожиданно появляется сам царь Сервий и обращается к наглецу с вопросом, что все происходящее значит. Курия наполняется приверженцами зятя и тестя, с криком сбегается встревоженный народ. Тогда молодой и сильный Тарквиний хватается за старика и сбрасывает его с лестницы курии, а сам возвращается к сенаторам. Несчастный Сер-

вий едва дыша пытается дойти до дому, но погибает от рук преследователей, посланных Тарквинием. Тем временем появляется на Форуме Свирепая Туллия, вызывает мужа из курии и первая называет его царем. Затем она на колеснице отправляется восвояси и, не задумываясь, велит вознице переехать труп своего отца. С тех пор это место в Риме называется Преступной, или Проклятой, улицей.

Так Луций Тарквиний начал царствовать, не избранный народом и не утвержденный сенатом. Его нрав и деяния обеспечили ему прозвище Гордого, или Спесивого (*superbus*). Вопреки первоначальному заигрыванию с сенаторами, он обрушил на головы патрициев страшные репрессии, собственной персоной творя суд, окружая себя телохранителями. Одних он уничтожал как явных недоброжелателей, других - из подозрения в нелояльности, третьих - польстившись на их богатство. В результате число сенаторов уполовинилось. Ни сенат, ни народное собрание не созывались. Все вершилось волей царя, который советовался только со своими близкими. Вокруг него сгруппировались содалы, т.е. сподвижники, преимущественно из числа его родственников, объединенные клятвой верности.

В противоположность террористическому режиму, установленному им в Риме, Тарквиний поначалу упрочил союзные отношения и дружбу с городами Лация. Он даже выдал свою дочь замуж за Октавия Мамиллия, правителя города Тускул, возглавлявшего союз латинских городов. Но в планах римского царя было выдвигание Рима на первое место в этом союзе, даже подчинение латинов. В устах античных писателей эта тема звучит как рассказ о вероломстве Тарквиния.

Издревле существовавший в Лации союз кроме святилища Дианы у Немейского озера имел еще общий сакральный центр - рощу у Ферентинского источника близ Альбанского озера. И Тарквиний, согласно преданию, приглашает туда латинских правителей для обсуждения общих дел. Все собираются, но римский царь заставляет себя ждать до вечера. Это особенно возмутило Турна Гердония из Ариции, который высказался против римлянина и покинул собрание. Но Тарквиний обратил праведный гнев Турна против него самого, объявив латинским предводителям, будто Турн замыслил всех их погубить. Чтобы эта ложь выглядела правдоподобно, Тарквиний с помощью арицийцев, противников Турна, подкупил его раба, который позволил ночью внести в покой своего господина груды мечей. Это подброшенное оружие Гордый царь и предъявил ворвавшимся вместе с ним в дом Турна латинам. Те вознегодовали и, не выслушав Турна, заковали его в цепи и утопили в Ферентинском источнике.

После этого Тарквиний возобновил договор с латинскими городами и даже начал создавать общее римско-латинское войско, чему никто не решился перечить. Укрепив свои позиции, римский царь перешел к

новой провокации. В античной традиции он признается как талантливый полководец. Он удачно воюет с вольсками в Южном Лацио и захватывает Свессу Помецию. Но в войне с Габиниями терпит неудачу и применяет новую хитрость, подсылая к габинцам своего младшего сына Секста как перебежчика, якобы обиженного на отца за его жестокость и самоуправство. Юношу в Габинях пожалели, поверили ему, дали прибежище и сделали своим военачальником. Ожидая распоряжений от отца, Секст послал к нему вестника. Осторожный царь не промолвил ни слова, однако, гуляя по саду с присланным от сына человеком, стал сшибать палкой головки самых высоких маков. Секст правильно понял задание - истребить глав габинского государства и приступил к делу. Уничтожив местное правительство и обогатившись за счет убитых и изгнанных, Секст сдал Габин римскому царю. Эта победа обеспечила Риму заключение мира с соседними эквами и дружественного договора с этрусками. Отношения с последними были очень важны для Рима.

Этрурия (совр. Тоскана), лежавшая за Тибром, подобно Лацио, не представляла собой политического единства. Ее богатые города входили в священную лягу, так называемый Союз двенадцати городов, хотя практически их было больше. Этруски славились не только развитым сельским хозяйством, но и ремеслом и кораблестроением. Среди этрусков были превосходные керамисты. По всему Средиземноморью имели хождение изготовленные ими так называемые буккерные вазы, т.е. сосуды с рельефными изображениями, зачастую в виде фантастических животных. Особое значение для этрусков имело то, что на их территории, на острове Ильва (Эльба) добывались металлы - и цветные и железо. Это позволило им развить оружейное дело и художественную металлообработку. Разнообразие производственных возможностей стимулировало развитие торговли, в том числе и заморской, даже с далеким Карфагеном (совр. Тунис). Совсем недалеко от Рима в этруском порту Пирги карфагеняне основали свою торговую факторию. Они прочно обосновались там. Действительно, в храме, посвященном неким этруском Тефарием Велланой богине-покровительнице, в посвяtitельном тексте она названа двойным именем - этрусской Уни и карфагенской Астарты. Кроме того, этот посвяtitельный текст на трех золотых пластинах написан на двух языках - этруском и пунийском, которым пользовались карфагеняне. Благодаря союзу с этрусками римляне также втягивались в сферу международной торговли. Об этом свидетельствует заключение I римско-карфагенского договора, текст которого цитировал в своей "Всеобщей истории" греческий историк II в. до н.э. Полибий.

Укрепив международное положение Рима и обогатившись военной добычей и конфискованным имуществом своих реальных и мнимых противников среди римлян, Тарквиний приступает к украшению Го-

рода. Прежде всего он достраивает на Капитолии начатый при Тарквинии Древнем храм Юпитеру. Для этого расчищается площадка и сносятся старые святилища других богов, кроме святилища бога Термина, разрушить которое не позволили результаты птицегаданий. Капитолийский храм строится по этрусскому образцу разделенным колоннадами на три отсека, целлы, - для Юпитера, его божественной супруги Юноны и для Минервы. Декоровка в виде многоцветной коропластики поручается иностранному специалисту. Ближайший к Риму этрусский город Вейи был признанным художественным центром. Он славился школой ваятелей, и отсюда был приглашен такой знаменитый скульптор, что древние римляне, не имевшие обыкновения называть имена художников, сохранили в веках его имя - Вулка. Он изваял для храма изображение Юпитера на квадриге, т.е. на колеснице, запряженной четверкой коней, и поместил его в центре фронтона, на его вершине. Кроме строительства этого престижного здания были предприняты работы по усовершенствованию подземных крытых каналов для стока нечистот, действующих в Риме и поныне, по благоустройству Великого цирка, расширялось мощение улиц. Осуществление такой грандиозной программы требовало не только денег и творчества художников, но и больших усилий подсобных рабочих и строителей. Для этого Тарквиний использовал труд простолюдинов, городского плебса. При исполнении этой повинности плебеи получали от царя какое-то довольствие, но роптали от тяжести труда. Чтобы предупредить недовольство, Тарквиний стал выселять безземельных плебеев в завоеванные им города - Сигнию и Цирцею, где они получали землю и избегали нужды. Таким образом, царь учитывал настроение простонародья, составлявшего основную массу воинов и строительных рабочих. В этом состоял его социальный маневр.

Зато с патрициями, державшимися за свои родовые связи, он не церемонился. Совершенно распустились и беззастенчиво своевольничали царские сыновья. Между тем Тарквиний, в надежде на богатую добычу, начал войну с Ардеей, но приступом ее не взял и перешел к осаде. Свободные от боев царские наследники с друзьями проводили время в лагере, развлекаясь попойками. От нечего делать все они похвалялись достоинствами своих жен и решили проверить их поведение. Они снялись с лагеря и, вскочив на коней, помчались к домам спорщиков. Царских невесток они застали пирующими в кругу своих подружек, а Лукрецию, жену племянника царя, молодого Тарквиния Коллатина, - вместе со служанками прядущей шерсть. Победительницей в этом конкурсе добродетели оказалась на свою беду она. Красота и скромность Лукреции воспламенили Секста Тарквиния. Тайно покинув лагерь, он приехал к ней и, угрожая мечом и позором, обесчестил ее. Лукреция посылает за отцом и мужем. Встревоженные, в сопровождении

нии друзей - Публия Валерия и Юния Брута - они прибывают к ней в городок Коллацию близ Рима. Несчастливая женщина рассказывает о случившемся, просит покарать прелюбодея и, не в силах пережить поругания, закалывает себя на глазах у всех. Брут вынимает из ее тела окровавленный нож и клянется избавить Рим не только от Тарквиния с его гнусной кликой и преступными детьми, но вообще от царской власти.

Весть о гибели Лукреции распространилась и по Коллации и по Риму, живо вспомнилось чудовищное кощунство свирепой Туллии, жестокости царя. Римляне стали вооружаться и стекаться под знамена Юния Брута - начальника царских телохранителей. Так, организаторами и главной силой в борьбе с тираном оказались патриции, отождествлявшие себя с "народом" (*populus*) и поведшие за собой плебейское простанародье. Под воздействием призывов Брута римляне решили отобрать власть у Тарквиния и прогнать его со всем семейством из Рима. Когда спесивый царь отправился из лагеря в Рим для подавления восстания, ворота города ему не отворили и объявили об изгнании. Пришлось Тарквинию с двумя сыновьями удалиться к этрускам в город Цэре, а третий сын, Секст, решил обосноваться в Габиях, которые рассматривал как свою вотчину, но был там убит натерпевшимися от его произвола жителями. Лукреций, отец погибшей, в качестве префекта города, назначенного на эту должность еще Тарквинием Гордым, собрал центуриатные комиции и провел выборы должностных лиц. Так в 509 г. до н.э. была установлена в Риме республика, во главе которой оказались патриции.

-----
¹ Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983.

² История Европы. Т.1. М., 1988. С. 182-199.

РИМ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ И ЕГО ГЕРОИ

Начало Республики было ознаменовано переходом к выборной коллективной власти должностных лиц - магистратов именно из числа патрициев. Трудно точно определить, каким магистратом сразу заменили царя¹. Ясно только, что часть его религиозных обязанностей перешла к жрецу, который назывался "царь священнодействий" (*rex sacrorum*). Но он, несмотря на свой величественный титул, отнюдь не стал главой религиозной жизни и даже находился в подчинении у верховного понтифика, возглавлявшего понтификальную коллегию.

Некоторые немецкие ученые XIX в. (В.Инэ, А.Швеглер, Ю.Белох) представляли себе переход к республиканской форме через выборную единоличную диктатуру. Итальянский исследователь начала нашего столетия Г. Де Санктис высказал мнение о том, что сперва была установлена коллегия из трех предводителей-преторов. Впоследствии же эта коллегия разделилась, два претора стали военачальниками, а третий - городским претором-судьей. В середине нашего столетия глава шведской школы романистов К.Ханелл выдвинул оригинальное положение о том, что еще в царскую эпоху в качестве эпонимных магистратов, по которым назывался год, в Риме появились консулы. Они и возглавили потом республиканскую администрацию. В новой трактовке этот тезис прозвучал у итальянского исследователя наших дней С.Мадзарино. Уже правление Сервия Туллия открыло путь к переходу от царской власти к магистратурам, ведь Сервий был (как мы упоминали) Мастарной, т.е. магистратом. Именно в это время и произошло снижение царской власти до уровня царя священнодействий. Тарквиний Гордый, по мысли Мадзарино, попытался было вернуться к полноте царства. В борьбе с единовластием в Риме все же формировалась коллективность магистратуры. Постепенно магистратуры теряли пожизненный характер и становились годичными. Процесс этот характерен для всей среднеиталийской койнэ (общности), т.е. для латинов, этрусков и умбров. Другой крупный итальянский исследователь Ф. Де Мартино, в общем, тоже считает этруских царей в Риме магистратами, в отличие от древних латинских царей, вождей родовых федераций.

Однако существует в науке представление, которого придерживался гигант романистики Т.Моммзен. Он принимал данные античной традиции о том, что царская власть была заменена в Риме двумя консулами. Не греша против истины, можно констатировать, что очень скоро по установлении Республики именно так и произошло (Cic. r.p. II, XXXI, 53; Liv. I, 60,3; Dionys. IV, 76, 1; V, 1,1; Plut. Popl., 1; Flor. I, III, 9,2). Вероятно только, что в первый момент два верховных должностных лица назывались преторами, а потом были переименованы в консулов. Этот термин до сих пор сохраняется в дипломатической номенклатуре. Однако содержание полномочий существенно изменилось. Римские консулы в количестве двух избирались из патрициев в центуриатных комициях сроком на один год. Каждый из них обладал равной верховной военной властью (*imperium*) во время похода, а также судебскими полномочиями. Каждый командовал легионом. Но и в гражданской жизни консулы играли огромную роль, потому что имели право созывать заседание сената и народное собрание и председательствовать в них. Они же проводили ценз. Из ненависти к царской власти римляне упорно следовали принципу коллегиальности. Поэтому по смерти одного из консулов тотчас же назначались выборы нового, который в отличие от оставшегося (ординарного) получал наименование суффекта, дополнительного (*consul suffectus*). Год в Риме назывался по именам консулов, таким образом это были эпонимные магистраты.

Кто же стал в Риме первыми консулами и как их выбрали? По словам древних писателей (Dionys. IV, 84; Liv. I, 59, 7-11), Брут созвал куриатные комиции, чтобы лишить царя империя, но выборы консулов прошли в центуриатных собраниях. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин (Liv. I, 60, 3; Dionys. I,I,I). Эти люди принадлежали самой верхушке патрициев, более того - состояли в родстве с изгнанным царем. Брут приходился ему племянником как сын царской сестры, а Коллатин сам относился к царскому роду, к ветви, обосновавшейся в Коллации.

Наиболее колоритной фигурой был, конечно, Брут. Свое прозвище, означавшее "тупица", "дурень", он получил благодаря своей дальновидности и хитрости. Входя в ближайшее окружение детей Тарквиния, зная жестокость и алчность царской семьи, Брут прикинулся дурачком, отказавшись от материальных и политических притязаний. Такому глупцу можно было доверять. Поэтому царь отправил его вместе со своими сыновьями в далекую Грецию, к знаменитому Дельфийскому оракулу, чтобы получить от него разъяснение непонятного и странного знамения: из деревянной колонны выползла змея. Юноши отправились в Дельфы, а предусмотрительный Брут захватил с собой в дар Аполлону жезл из рога, внутри которого помещался невидимый золотой. Это подношение было символом истинного ума "тупицы". Выполнив поручение,

чение отца, Тит и Аррунт Тарквинии решили погадать и спросили у бога, кому из них перейдет царство в Риме. На это, как всегда, был получен загадочный ответ: "Тому, кто первым поцелует мать". Брут тотчас сообразил, что предпринять, сделал вид, что споткнулся, упал, и незаметно поцеловал землю, ибо она - общая мать всех смертных. Как видно, предсказание оракула в 509 г. до н.э. сбылось.

Брут был во всех отношениях крепким орешком, человеком нестигаемой воли и бесконечной преданности принципам. Он добился от народа клятвы, что римляне никого не сделают царем. Упрочивая республиканские устои, Брут пополнил число пострадавших от царских казней сенаторов до 300. Затем он, подстрекая престолюбивое и патрициев, добился от Тарквиния Коллатина, несмотря на его безупречную честность и искренность, отречения от консулата и добровольного удаления в город Лавиний только потому, что он носил ненавистное царское имя Тарквиния и пытался спасти своих поддерживавших царя юных родственников. С удалением Коллатина согласился даже его тесть, отец Лукреции, Спурий Лукреций, с которым он вместе искренне горевал о погибшей. Свою беспримерную суровость Брут обнаружил даже к своим детям.

Его сыновья были содалами, т.е. товарищами царских детей, привыкшими к роскоши, и участниками их лихих забав. Они примкнули к заговору золотой молодежи, поддерживавшей притязания Тарквиниев на имущество и власть. Но эти замыслы были открыты консулам разом молодых Вителлиев, пришедшихся племянниками супруге Брута. Изобличенные юноши были приговорены к казни, наблюдать за исполнением которой надлежало консулам, в том числе и Юнию Бруту. Предателей приковали к столбам, обнаженных, секли розгами, обезглавливали топорами. Брут, страдая, вынес это ужасное зрелище, не пытаясь заступиться за собственных детей и племянников. Сам Брут героически погиб в сражении с Тарквинием, напавшим на Рим с целью вернуть себе царскую власть. Имя Юниев Брутов символизировало приверженность римлян республиканизму. Образ Брута стал воплощением суровой римской добродетели.

На место Коллатина товарищем Брута по консульству был избран уже известный нам по Сатриканской надписи Публий Валерий, сын Волеза, представитель древнейшего патрицианского рода. Согласно легендам, предки Публия вошли в состав римлян с первой волной сабинян при Ромуле. Но этот патриций оставил о себе память как о демократе. Однако ранний римский демократизм - явление сложное, о чем у нас будет разговор ниже. Как борец против Тарквиниев, Валерий выражал в первую очередь чаяния патрициев, которых всячески попирали цари. Иными словами, он представлял интересы патрицианского народа (*populus*), в связи с чем, вероятно, стоит его прозвище Попли-

кола. Но Валерий действительно провел мероприятия в пользу всех граждан, т.е. и патрициев и плебеев, подчеркнув особое значение центуриатных комиций. Под его именем остались в истории важные установления, в том числе так называемый закон о провокации (*provocatio*). Это слово, вошедшее в наш язык с одиозным оттенком, в словаре римлян имело иной смысл, в том числе значение "побуждение" и "обжалование". По закону Валерия, каждый гражданин, осужденный на смерть, мог обжаловать это в народном собрании. Вместе с тем Валерию приписывается перенос римской казни в храм Сатурна. Все это объективно обозначало развитие государственного строя, утверждение верховенства коллектива граждан.

Валерий неоднократно выбирался консулом и обессмертил свое имя воинскими подвигами. Когда этруски рискнули оказать помощь Тарквинию, добивавшемуся возврата в Рим в качестве царя, Валерий организовал им отпор, за что первым в начале республики был удостоен триумфа. Согласно традиции, впервые в Риме праздновал триумф Ромул. В республиканскую эпоху этот обычай утвердился. Постепенно были установлены условия и правила проведения триумфального праздника. Решили, что полководец должен был не просто победить, а непременно расширить пределы государства и уничтожить большое число врагов (впоследствии - 5000). Триумф назначался сенатом, начинался торжественным шествием с Марсова поля через Город на Капитолий, где триумфатора встречали сенаторы. Им торжественно передавались дары и пленные как добыча. Потом совершались жертвоприношения и пиры. Во главе процессии шла обычно маршем торжественная стража - ликторы, которые несли знаки власти - связки прутьев с воткнутыми в них боевыми топорами. По-латински эти связки назывались *fascii*, что по-итальянски звучит как "фаши", откуда и происходит слово фашизм. Триумфатор въезжал в Город на колеснице, запряженной четверкой белых коней (квадриге), облаченный в пурпурную тунику и украшенный золотом плащ. Голову его венчал лавровый венок. Таким образом, триумфатор был *laureatus*. Отсюда идет современное почетное отличие и звание лауреата. Облик триумфатора, его одеяние и атрибуты заимствованы римлянами у этрусков. Согласно преданию, за триумфатором стоял раб, он держал над ним царскую корону и приговаривал, чтобы тот не зазнавался, памятуя о временности торжества. Позади колесницы шли воины, распевавшие боевые песни в честь полководца и веселые песенки, зачастую весьма фривольные, затем - печальная толпа пленных и повозки с захваченным у врагов добром.

Триумфа удостоивались и другие Валерии. Это Марк, брат первого консула Попликолы, геройски погибший в битве с коалицией латинских городов при Регилльском озере (496 г. до н.э.). Сражение было

тяжелым. Победу удалось одержать лишь с помощью всадников, которых возглавили божественные близнецы Кастор и Поллукс (или Диоскуры), привидевшиеся римлянам на поле боя. Марку приписывается учреждение в 501 г. до н.э. экстраординарной должности диктатора, избиравшегося в чрезвычайных обстоятельствах для выполнения определенного поручения сроком не более чем на шесть месяцев. Чаще всего это были обязанности главнокомандующего, но могли быть и другие важные для римлян дела, как, например, вбить гвоздь в стену храма, если отсутствовали консулы, в чьи полномочия это входило. Этот обряд извещал о начале года и вместе с тем имел магический смысл пригвождения зла.

Сын консула первого года Республики и его полный тезка, Публий Валерий Попликола получил в 475 г. до н.э. триумф за войну с извечными врагами – вейентами и сабинами, а его внук Луций Валерий Потит в 449 г. – за победу над эквами. Патриотизмом и бесстрашием отличилась и дочь знаменитого консула Валерия. Заметим здесь, что если у мужчин имелось несколько личных имен (праепотен), например Авл, Марк, Луций, Публий, а главным было родовое (гентильное) имя (потен), то женских личных имен у римлян не водилось. Дочек до замужества просто называли гентильным именем либо, когда их было несколько, порядковым числительным – Прима (Первая), Кварта (Четвертая) и т.п. Итак, в злосчастный год нападения Порсенны, царя этрусского города Клузия, куда бежали изгнанные Тарквинии, дочь Попликолы оказалась в числе заложниц у клузинцев. Обманув стражу, одна из них, по одной версии – Валерия, по другой, более распространенной, – Клелия, позвала за собой девушек, переплыла Тибр и вернула их всех по домам. Порсенна, узнав об этом, затребовал зачинщицу обратно, но, изумленный ее храбростью, заявил, что, если римляне вернут ее в Клузий, он сам ее отпустит. Обе стороны с честью выполнили условия, и Порсенна, освобождая отважную девицу, разрешил ей взять с собой тех из заложниц, кого она пожелает. Она выбрала несовершеннолетних.

В конце Священной улицы в Риме поставлена почетная статуя девы на коне. Римские писатели рассказывали, что ее воздвигли в честь Клелии или Валерии. Весьма возможно, что во главе храбрых заложниц стояла именно Клелия, а Валерия была в их числе. Можно думать, что ее имя попало на страницы популярных в Риме книг не случайно. Ведь она происходила из знатнейшего рода, которому принадлежал и знаменитый анналист Валерий Анциат. Ему, может быть, она и обязана не только сохранением ее имени, но и некоторым преувеличением ее роли в событиях. Служением отечеству прославилась и Валерия – сестра Попликолы. Именно она была инициатором обращения римля-

нок к матери и жене Кориолана с просьбой умолить его не воевать против Рима, о чем мы скажем подробнее.

Активно участвовали Валерии и в перипетиях борьбы патрициев с плебеями, стараясь смягчить эти противоречия. В этом они проявляли себя демократически в современном смысле слова.

Отторгнутые от реальной власти, сосредоточенной в руках патрициев, страдавшие от долгов, плебеи избрали оригинальный метод борьбы. В момент обострения внешнеполитической ситуации в 495 г. до н.э., когда вольское войско двигалось к Риму, плебеи отказались воевать, заявив, чтобы сенаторы сами взялись за оружие и сами бы сражались за добычу, которую всегда добывали для них простые солдаты. Консулу Сервилию с трудом удалось собрать войско, отбросить вольсков от ворот Города и даже захватить часть их земли. Но тут же римлян стали тревожить сабиняне и жившие в юго-восточном Лации аврунки. Дело осложнилось внутренними неурядицами, особенно из-за поведения другого консула, Аппия Клавдия, державшегося жесткой позиции в отношении должников. Город бурлил негодованием. В 494 г. до н.э. напряжение усилилось. Вновь избранные консулы объявили набор. Они пришли на Форум, поднялись на четырехугольное возвышение (трибунал), где стояло так называемое курульное кресло для должностных лиц, и стали выкликать по именам юношей-призывников. Но никто не отозвался. Ликторов, посланных для наведения порядка, отогнали. Между тем Рим оказался перед новой военной угрозой - коалицией эквов, вольсков и сабинян. Пришлось даже избрать диктатора - Мания Валерия, тоже сына Волеза. С трудом справились римляне с врагами, после чего Маний Валерий выступил в сенате в защиту должников, сложил с себя диктатуру и распустил войско. Простолюдины проводили его до дому с благодарностью. Все это напугало сенат. Сенаторы повели вывести воинов из Города. Это подтолкнуло плебеев на мятеж. Затевалось убийство консулов. Но от таких акций воздержались, и плебеи самовольно в качестве протеста удалились на Священную гору в трех милях от Рима за рекой Аниеном. С тех пор сецессия (удаление) из Рима стала действенной формой плебейской борьбы.

Поскольку сецессия нарушила нормальную жизнь Рима и ослабила его в военном отношении, отцы Города предприняли меры для возвращения мятежников. Античная традиция зафиксировала басню о том, как это удалось уважаемому и умному Менению Агриппе. Он рассказал плебеям, что некогда в человеческом организме не было гармонии и все его члены отказались доставлять пищу желудку. Это обернулось вредом и для рук, и для ног, и для всего тела; оно исчахло. Сравнив сенаторов с желудком, Менений Агриппа убедил плебеев пойти на примирение, и в 494 г. до н.э. была учреждена должность плебейских заступников, трибунов, которые выбирались только из числа плебеев.

Сначала плебейских трибунов было два, затем, с 471 г. до н.э., - четыре, с 457 г. - пять, а с 449 г. их стало десять. Личность плебейских магистратов была объявлена неприкосновенной, согласно священному закону (Liv. II, 33, 1-2; 58, 1; III, 30, 5; Diod. XI, 68, 7). И увеличение их числа, и расширение полномочий были достигнуты путем борьбы. Право помощи (*ius auxilii*) было доведено до права *veto* (буквально: я запрещаю), т.е. наложения запрета на любое правительственное решение, если оно шло во вред плебеям. Первоначально трибуны не допускались в сенат. Чтобы быть в курсе сенатских дебатов, они вынуждены были садиться на скамейку у дверей здания, где проходили заседания (Val. Max. 2, 2, 7). Так они получали возможность воспользоваться правом вето.

Однако в установлении должности плебейских трибунов главную роль сыграл не Менений Агриппа. Этот персонаж мог, конечно, существовать и участвовать в уговорах удалившихся из Рима плебеев. Но сомнительно, чтоб его сладкоречие оказалось столь действенным. Античные писатели передают и другую, более правдоподобную версию: именно Маний Валерий содействовал смягчению долгового вопроса, чем и вернул плебеев со Священной горы. Роль Мания Валерия в этих событиях действительно велика. Ведь в обоих вариантах предания говорится о том, что за заслуги он и его потомки были почтены особым зрительским местом в Великом цирке.

В демократическом духе действовал и другой представитель Валериев, о котором мы уже упоминали, - Луций Валерий Потит, будущий триумфатор, ставший вместе с Марком Горацием консулом 449 г. до н.э. Год этот завершил целую плеяду важнейших событий в Республике. Одним из требований плебса в борьбе за равноправие было опубликование законов. Действительно, в сфере права они чувствовали себя ущемленными. Патриции пользовались в регулировании родственных отношений собственным родовым судом, имелись судебные полномочия у консулов, а главной общеримской инстанцией был патрицианский сенат. Таким образом, властвовали в судах одни патриции. Дело для плебеев усугублялось тем, что и определение дней судебных заседаний находилось в патрицианских руках. Оно подчинялось фастам, религиозному календарю, который составлялся и хранился в тайне от всех жрецами-понтификами, происходившими только из патрициев. Плебейский трибун 462 г. до н.э. Терентий Арса внес предложение об урегулировании высшей власти и об избрании специальной комиссии для опубликования законов.

Только через десять лет удалось наконец избрать комиссию децемвиров (десяти мужей) с консульскими полномочиями. За год работы выполнить запись законов децемвиры не смогли. Вторая комиссия, в которую выбрали и плебеев, тем не менее проявила себя тиранически, не желая слагать с себя полномочий. И здесь дело без посягательства

на женскую честь не обошлось. Во всяком случае молва донесла до потомков историю о том, как один из децемвиров, Аппий Клавдий, попытался заполучить для себя девушку из плебейской семьи. Дело кончилось скандалом и кровью (Liv. III, 47-48). Это всполошило римлян и в Городе, и находившихся в лагере воинов. Они пошли в Рим и заняли Авентин, колыбель плебейского населения. Проплебейски настроенные патриции, Валерий и Гораций, потребовали от децемвиров сложить властные полномочия. Те упорствовали, и плебс, по одному варианту предания, вторично удалился на Священную гору, а по другому - остался на Авентине. Это и было второй сецессией. За воинами туда стекались, жалобно причитая, толпы горожан с женами, детьми и стариками. В обезлюдившем Городе собрался сенат. Децемвирам пришлось выслушать упреки: "Что же это за власть, за которую вы так крепко держитесь? Или вы собираетесь вершить суд над крышами и стенами? Или вам не стыдно, что ликторов на Форуме чуть ли не больше, чем остальных граждан? Что вы будете делать, если на Город найдет неприятель? Что, если плебеи, увидав, что на нас не действует их уход, вернуться с оружием в руках?" (Liv. III, 52, 6-7). Решено было отправить к удалившимся послов - Валерия и Горация. Им удалось достигнуть согласия. На условиях выдачи децемвиров, восстановления должности неприкосновенных плебейских трибунов и подтверждения закона о провокации плебеи вернулись в Город. В число десяти плебейских трибунов вошли зачинщик сецессии Луций Ицилий, а также Гай Сициний, потомок того Сициния, который во время первой сецессии стал исполнителем этой должности. Консулами же на 449 г. до н.э. выбрали Валерия и Горация. Валерию приписывается закон о том, что решения плебса, т.е. плебисциты, должны стать обязательными для всех римлян без одобрения сената. Некоторые исследователи считают это выдумкой античных авторов, потому что если даже закон и был принят, то не исполнялся.

Вся деятельность Луция Валерия носит демократический характер. При нем наконец были обнародованы законы на XII медных таблицах и восторжествовала гласность.

В паре с Валериями неоднократно упоминаются Горации. Это обстоятельство вызвало сомнения у историков прошлого века. Гиперкритики увидели в нем "прием удвоения" событий античными авторами. Однако, чтобы разобраться в сути вопроса, надо принять во внимание следующее: 1) в начале Республики фигурировало сравнительно небольшое число имен консулов и многие из них исполняли высшую магистратуру неоднократно. Рекордсменом был, конечно, Валерий Попликола, четырежды консул, но и Тит Лукреций Триципитин, и Тит Ларций Флав (или Руф), и Публий Постумий Туберт, и другие носили консульское достоинство дважды. В первое пятидесятилетие Республи-

ки круг патрициев, занимавших консулат, расширился, но все же оставался ограниченным; 2) в более позднее время, признанное историками вполне достоверным, известен двукратный совместный консулат знаменитых деятелей Гнея Помпея Великого и Марка Лициния Красса - в 70 и 55 гг. до н.э.; 3) повторное принятие в 449 г. до н.э. закона о провокации было фактически восстановлением поправленного децемвирами закона 509 г. до н.э., так же как восстановлением был и закон о должности плебейских трибунов и их неприкосновенности, что, кстати, не вызывает сомнения ученых. Таким образом, и неоднократность консульского тандема - Валериев и Горациев - не должна нас смущать. Последние функционируют в Риме уже в царскую эпоху, но в V в. до н.э. вымирают. Позднее носящие это имя плебеи происходят либо от их вольноотпущенников, либо от живших на территории Горациевой трибы, где некогда были земли этого патрицианского рода.

При царе Тулле Гостилии, согласно легенде, братья Горации были героями поединка с альбанскими братьями Куриациями. Сестра победителя, юная Горация, как мы упоминали, была убита братом, возмущенным ее горем по поводу смерти жениха - одного из Куриациев. Далее представитель Горациев фигурирует в качестве консула-суффекта - вместе с Валерием Попликолой в первый год Республики. По жребию ему досталось освящение Капитолийского храма, Валерий же при распределении обязанностей между ними должен был отправиться на войну. Его родичи очень досадовали на то, что такая честь, как освящение храма, выпала из их рук, и попытались отстранить Горация, сделав ложное сообщение о смерти одного из членов его рода. В таком случае его родственники должны были облачиться в траур и отстраниться от публичного священнодействия. Но, взяв себя в руки или не поверив печальному известию, Марк Гораций Пульвилл храм освятил.

Незаурядным юношей оказался и его племянник, Марк Гораций Коклес. Когда царь Клузия Порсенна напал на Рим, люди из окрестностей перебрались в Город. Воины окружили его стражниками. У свайного моста через Тибр, на правом его берегу, находился молодой Гораций. В момент перевеса этрусков римские воины побежали, бросая в страхе оружие. Отважный юноша, упрекая беглецов, остался у моста. Чувство стыда удержало рядом с ним еще двоих из патрицианских семей. Втроем они сдержали первый натиск врагов. Тем временем пришедшие в себя римляне стали ломать мост, чем пресекли для этрусков возможность подступить к Риму. В доспехах Гораций бросился в реку и под градом стрел переплыл ее. Благодарные римляне поставили ему статую на комиции и наградили участком земли.

Достоинным гражданином проявил себя и консул 449 г. до н.э. Марк Гораций Барбат, коллега Л. Валерия Потита. Вместе с ним он не только успешно боролся с произволом децемвиров, но и ввел хранение сенат-

ских решений в храме особо почитаемой плебеями богини плодородия Цереры. Это тоже было проплебейским актом, утверждающим гласность. В период обострения патрицианско-плебейской борьбы, как всегда, активизировались соседние племена вольсков, эквов и сабинян. Об этом доложили Риму послы из ближнего зарубежья, герники, латины, обеспокоенные приготовлениями воинственных соседей. Дать отпор сабинянам досталось по жребию Горацию Барбату (Бородатому). Вдохновленный успехами во внутренней борьбе, плебс охотно записывался в войско. Оба консула параллельно одержали победу. Сенаторы, настороженные против демократически настроенных консулов, назначили полагавшееся в их честь молебствие в один день сразу, а в триумфе им отказали. Тогда бывший плебейский трибун Луций Ицилий поставил вопрос о триумфе в комициях, и Гораций наряду с Валерием стал впервые триумфатором по воле народа.

Яркой звездой вспыхнул на римском небосклоне Гай Муций. Патрицианский род Муциев рано вымер, но воспоминание о самом замечательном его представителе сохранилось в названии Муциева луга (*Mucia prata*), что за Тибром. По словам римского историка Флора, в период борьбы с Порсенной "появились три знаменитых римских имени, три дива и чуда" (IV, 3). Между подвигами Горация Коклеса и девицы Клелии (или Валерии) стоит бессмертное геройство Гая Муция. Будучи не в силах бездействовать во время осады Рима клузинцами, этот юноша явился в сенат и просил не считать его перебежчиком, потому что собирается на великое дело, во вражеский лагерь. Получив одобрение сената, Гай с мечом пробирается в ставку Порсенны в тот момент, когда этрусским воинам раздавали жалованье. Занимались этим два почти одинаково одетых человека - царь и писец. Не зная Порсенну в лицо, храбрец по ошибке убил писца, был схвачен и доставлен грозному царю. С задиристой юношеской отвагой Гай Муций назвал себя и заявил, что за ним следуют еще триста смельчаков, готовые на все. Разгневанный царь приказал разжечь костер, чтобы подвергнуть римлянина пытке. Но тот гордо бросил ему в лицо: "Знай, как мало ценят плоть те, кто жаждет великой славы!" И сам положил свою правую руку на пылавший алтарь. Царь был потрясен стойкостью юноши, не проронившего ни слова, ни вздоха, пока обгорала его рука, велел оттащить Гая от огня и отпустил его домой. За потерю правой руки Гай Муций получил прозвище Сцевола, т.е. Левша. Заметим, что под именем Муция Сцеволы в эпоху поздней Республики и Империи известны знаменитые юристы. Но все они принадлежали плебейской ветви вымершего патрицианского рода.

В легендах, сконцентрированных вокруг борьбы с Порсенной, есть преувеличения. Но народная память римлян зафиксировала их не случайно, не ради пустого бахвальства, а потому, что в них отразился один

из кардинальных моментов всей римской истории - установление Республики.

Все выдающиеся римляне начала Республики проявляли себя и на государственной службе, и на военном поприще. Двуединность этих родов деятельности была для римлянина обязательной, ведь любой гражданин был непременно и воином. Не случайно поэтому латинское слово *virtus* (доблесть) произведено от слова *vir* (муж, мужчина) и одновременно обозначает добродетель.

В ряду добродетельных римлян нельзя не упомянуть о Фуриях. Род, носящий такое имя, подобно Юлиям, Туллиям или Мамелиям, известен не только в Риме, но и в другом месте Лация - в городе Тускул. Римские Фурии считаются одним из исконных патрицианских родов. Их представителя, Спурия легенда помещает даже в царствование Тулла Гостилия. В то время Фурии фигурируют в качестве членов жреческой коллегии фециалов. Согласно Ливию (I, 24,6), Спурий Фузий (Фурий) был назначен для произнесения клятвы при заключении договора римлян с альбанцами. Она содержала условия поединка Горациев и Куриациев, по которым граждане побежденной стороны принимали над собой власть победившей.

Исполнявший такого рода функции, как бы назначенный дежурным, фециал именовался *pater patratus* (буквально: отец-исполнитель). Он действовал в соответствии со строгой обрядностью, включавшей обязательные формулы обращений. Фециальное право, заметим, явилось истоком представлений о войнах справедливых и несправедливых, четко сформулированных Цицероном (г.р., III, 23, 38).

Историчность Спурия Фузия не безусловна. Но древняя форма его имени (Фурий - более поздняя) и связь этой личности с фециальной коллегией, тоже очень древней, подтверждают древность рода Фуриев. Уже к началу Республики относятся разные ветви этого рода - Фурии Фузы, Медуллины и Камиллы. В первой половине V в. до н.э. Медуллины занимают консульскую должность. С конца V в. выдвигаются Камиллы. Особую известность приобрел Марк Фурий Камилл, в чьей историчности ученые не сомневаются. Камилл был бесспорным рекордсменом по занятию высших магистратур в раннем Риме. Античные писатели между 401 и 384 гг. до н.э. шесть раз называют его среди консулярных трибунов, пять раз он становился диктатором и четыре раза триумфатором. Даже если цифры в чем-то преувеличены, многократность исполнения должностей Камиллом не вызывает сомнений. При этом консульской должности он никогда не занимал, что с удивлением констатировал в его биографии Плутарх (Cam. I).

Впервые Камилл обратил на себя внимание в войне с вольсками и эквами в конце 30-х годов V в. до н.э. Когда Камилл скакал впереди всех на коне, неприятельский дротик попал ему в бедро. Юноша вырвал

его из раны, продолжил бой и обратил врагов в бегство. Но особенно он прославился в войне с этрусками, с Вейями, которым помогали соплеменные им тарквинийцы. Война затянулась почти на десять лет (406-396 гг. до н.э.), и дело осложнялось тем, что воевать приходилось и с этрусками-капенатами, и с союзным этрускам фалисским городом Фалерии. Римлян пугали не только военные неудачи, но и страшные знамения. Так, в засушливую пору неожиданно вдруг поднялись воды Альбанского озера, грозя затопить окрестные селения. Истолкование чуда пришло от вейента. Римским воинам, осаждавшим Вейи, удалось заманить и захватить одного из неприятелей, оказавшегося хранителем тайны древнего предсказания. Оно состояло в том, что враги не смогут одолеть вейентов, пока не повернут разлившиеся потоки вспять или не отведут их с помощью каналов для орошения полей. Пришлось послать людей к дельфийскому оракулу для разъяснения того, как это сделать.

Совершив положенные труды и необходимые священнодействия, они стали готовиться к решительному удару по Вейям. Марк Фурий Камилл был назначен диктатором. Он произвел новый набор, призвал на помощь союзных латинов и дал обет в случае победы устроить Великие игры и освятить реставрированный храм Матери Матуты.

По дороге к Вейям Камилл разгромил фалисков и капенатов. Получив огромную добычу, он сдал большую ее часть в казну, а остальное дал воинам.

Подойдя к вражескому городу, полководец предпринял хитрый маневр: запретил стычки с вейентами и бросил все силы на подкоп городской стены. Привлеченные будущей добычей, в войско все прибывали добровольцы. В месте, далеко от подкопа, римляне пошли на приступ, чем отвлекли внимание вейентов. Те и не заметили, как враг проник в город через прорытый под стеной туннель и оказался прямо в храме богини Уни (Юнона). В предании это событие расцвечено рассказом, который считали вымыслом сами античные авторы. Римские воины будто бы вышли через подкоп наружу в тот момент, когда царь Вейев приготовился к жертвоприношению, а жрец-гаруспик² возвестил, что победу одержит тот, кто разрубит внутренности данного животного. Римляне, услышав это, схватили внутренности и отнесли их диктатору, вырвав с ними победу из рук вейентов (Liv. V, 21; Plut. Cam. 5,6). После страшной резни Камилл приказал не трогать безоружных, и этруски начали сдаваться, а воины - грабить. Богатства города и величина добычи устрешили Камилла, и он стал молиться, чтобы не слишком дорого заплатил Рим за обретенные блага. Множество горожан было пленено и продано в рабство, а вырученные за них деньги внесли в казну. Плебен, надеявшийся на долю добычи, выразили недовольство и обвинили диктатора в скупости. Когда город был опустошен, присту-

пили к обряду эвокации, т.е. к вызыванию божества покоренного города на новое место жительства. Для этого были отобраны юноши. Они омылись, облачились в светлые одежды и простерли руки к статуе Юноны со словами: "Хочешь ли, о, Юнона, перейти в Рим". И тут же многие вдруг "увидели", что богиня утвердительно кивнула головой. После этого ее с легкостью доставили в Рим и построили для нее храм на Авентине.

Римляне ликовали, триумф Камилла был неслыханно блестящим, и он тут же сложил с себя диктаторские полномочия. Однако победитель Вейев вновь навлек на себя неудовольствие плебеев, напомнив о том, что надлежало по обету отдать десятину от добычи в дар Аполлону.

На следующий год Камилл был направлен во главе экспедиции против Фалерий. И здесь он явил миру недюжинность своего таланта и благородства. Римляне осадили город, но не препятствовали выводу детей знатных фалерийцев через городские ворота для прогулок и гимнастических упражнений под присмотром их учителя. И однажды этот воспитатель привел своих подопечных и сдал их Камиллу. Добродетельный римлянин отверг предателя и отправил его, нагого, со связанными руками, обратно в Фалерии под присмотром детей, которых вооружил розгами. Потрясенные фалерийцы явились в Рим для заключения мира и уплаты денег, которые покрыли траты римлян на годовое жалование воинам.

Не забудем, однако, что события римской истории дошли до нас преимущественно в передаче пропатрициански настроенных авторов. Поэтому и перипетии жизненного пути Камилла изображены ими под углом зрения неправомочности плебейских требований и неблагодарности плебса. После беззаветного служения отечеству достойнейший из римлян был привлечен к суду, по одной версии, плебейским трибуном Луцием Апулеем по поводу вейентской добычи, по другой - из-за излишней пышности триумфа, когда он святотатственно уподоблял себя божеству. Камиллу не оставалось ничего другого, как удалиться в изгнание. Но эти злоключения только оттеняют величие героя на фоне бедственных обстоятельств, сложившихся в судьбе Рима. Ему грозила новая напасть.

Перевалившие через Альпы кельтские племена, которых римляне называли галлами по украшавшим их головы петушиным перьям (gallus - петух), стали теснить этрусков. В Рим прибыли послы из города Клузий с просьбой о помощи, напомнив римлянам, что клузинцы не поддерживали в прошедшей войне вейентов. Римляне отрядили к галлам посольство, представленное тремя сыновьями знатного Фабия Амбуста. Галлы, слыхом не слыхавшие о Риме, выслушали молодых Фабиев и согласились на мир с римлянами с условием, что клузинцы уступят им часть своих пахотных земель. Римляне спросили, по какому

это праву, но получили гордый ответ, что право галлов - в оружии и храбрости. Тогда римские послы, забыв все правила дипломатии, стали в боевой строй клузианцев, а Квинт Фабий даже убил галльского предводителя. Это заставило галлов обратить свой действительно праведный гнев против Рима. Они направили туда своих послов с требованием выдать им Фабиев как нарушителей международного права. Но знатность последних, да и возможный подкуп не позволили сделать это ни сенату, ни комициям.

Тогда-то (в 390 г. до н.э.) галлы и двинулись на Рим, разгромили римлян при Аллии и осуществили героическую охрану Капитолия. О тяготах римлян узнал весь Лаций, в том числе и город Ардея, где в изгнании находился Марк Фурий Камилл. Забыв об обидах, этот доблестный патриот обратился к ардейцам, убеждая их помочь римлянам. Ливий приписывает ему взволнованную речь, которой он стремится рассеять страх перед врагами: "Галлы, приближающиеся сюда нестройной толпой, - это такое племя, коему природой даны высокий рост и великая пылкость, но и тому и другому недостает устойчивости. Посему они выигрывают битвы скорее устрашением, чем силой" (V, 44, 4).

Убедительность слов и исключительный авторитет полководца сделали свое дело. Античная традиция содержит сведения о том, что началась консолидация сил и воодушевленных Камиллом ардеатов, и римских воинов, отступивших при натиске галлов в Вейи. По предложению центуриона Квинта Цедичия решили испросить у сената назначения полководцем Камилла. Для этого надо было совершить очередной подвиг - пробраться через вражеские заставы в осажденный Капитолий. Сделать это взялся храбрец Понтий Коминий. Он завернулся в древесную кору и бросился в Тибр. Таким живым суденышком Коминий достиг Рима и по неприступной скале поднялся на Капитолий. Разрешение сената было получено (Liv. V, 46, 11; Plut. Cam. XXV). Более того, у Ливия говорится, что куриатные комиции, созданные, вероятно, в Вейях, назначили Камилла диктатором.

Собрав войско, Камилл двинулся на Рим и освободил его от галлов. Эти обстоятельства представлены в разных версиях античной традиции. В рассказах античных писателей Камилл подоспел к тому моменту, когда римляне, откупаясь от галлов, передавали им золото. Выкуп был принесен для взвешивания, и галлы стали рукой наклонять чашу, бесчестно вынуждая римлян добавить драгоценного металла, а их вождь Бренн даже снял с себя пояс с мечом и бросил на пустую чашу весов. "Что это?" - спросил римский уполномоченный и услышал издевательский ответ Бренна: "Горе побежденным, вот что!" С тех пор эта невыносимая для римлян фраза вошла в поговорку.

Боги, конечно, не допустили такого позора для Рима. Камилл вмешался в инцидент, заявив, что договор о золоте заключили в его,

диктатора, отсутствие, значит, незаконно. Он повелел своим готовиться к бою, потому что освобождать отечество надлежит не золотом, а железом, и, воодушевив римлян, тут же разбил галлов. За это он, подобно Ромулу, был возвеличен званиями "Отец отечества" и "Второй основатель Рима". Вероятно, Риму все же откупиться пришлось, а победу над галлами следует отнести к более позднему времени. Ведь их вторжения на протяжении всего IV в. до н.э. повторялись, в том числе и при жизни Камилла. Однако это не умаляет военных заслуг полководца, которому пришлось потом победоносно воевать с эквами, вольсками, латинами и этрусками. Вместе с тем Камиллу воздавали хвалу как восстановителю разрушенного и сгоревшего Города.

Человек, столько раз занимавший высокие должности в государстве, не мог остаться в стороне от внутренней борьбы. Пером античных авторов создана картина личной вражды Марка Манлия Капитолийского, сдержавшего осаду Капитолия, к Марку Фурию Камиллу, славе которого тот якобы чрезвычайно завидовал. Но тут, скорее, усматривается политическая позиция двух героев. Если Марк Манлий действовал проплебейски и пользовался симпатиями плебса, то Марк Фурий часто вызывал недовольство плебеев, что и привело его к изгнанию. Но и вернувшись на Родину, он продолжал держаться прежней линии, пытаясь отвлечь своих вчерашних соратников в войнах от поддержки демократических законов Лициния и Секстия. Для этого Камилл применил следующий прием: в день народного собрания, на котором было назначено голосование, он в свою очередь объявил воинский набор. Плебейские трибуны угрожали ему за попытку срыва комициев высоким штрафом. И он, во избежание нового осуждения, сказавшись больным, сложил с себя в 367 г. до н.э. диктаторские полномочия.

Но спокойная жизнь была не для Камилла. Вскоре его, уже в преклонных летах, назначили диктатором на новую войну с галлами, продвинувшимися в Альбанскую область Лация. Кампания была недолгой и принесла полководцу последний триумф. Между тем Город не переставал бурлить. Наконец были приняты законы Лициния и Секстия. Они явились важной вехой в истории Рима. По этим законам вводился земельный максимум³ как в сфере частного, так и коллективного землевладения; облегчалось положение должников и плебеи допускались к консульской должности. Это заметно сказалось на социальном облике плебса, верхушка которого в главном уравнивалась с патрициями. Укрепилась база для последующего слияния их в компактный слой, спаянный общими экономическими и политическими интересами. Отстаивая свои привилегии, патриции в тот момент немедленно создали новые, доступные только им магистратуры: преторов и патрицианских эдилов. Учреждение претуры несколько уменьшило значение консулата за счет судебных полномочий. Претор считался млад-

шим коллегой консулов. Он ведал судебными делами между римскими гражданами и назывался городским претором (*praetor urbanus*); второй претор именовался peregrинским, потому что наблюдал за тяжбами между римлянами и иностранцами. Два патрицианских, или курульных, эдила были параллелью плебейским эдилам, помощникам плебейских трибунов. Эдилитет обоих родов обладал примерно одинаковыми обязанностями. Это был присмотр за состоянием храмов и организация игр. Возможно, наименование должности происходит от латинского слова храм (*aedes*).

Таким образом, законодательство Лициния и Секстия послужило развитию римского политического строя. Интересно, что Марк Фурий Камилл в качестве диктатора обязан был провести выборы новых магистратов, а также первого плебея в консулы (366 г. до н.э.). Это, однако, не кажется странным. В последние годы жизни он явно склонялся к компромиссу с плебсом. По словам Плутарха (Сам. 42), Камилл не выступал уже против законов Лициния и Секстия и даже стоял за примирение патрициев и плебеев и дал обет построить храм согласия (*Concordia*), когда это случится. Так в конце концов стяжал себе всеобщее признание граждан знаменитый Марк Фурий Камилл. Прожил он после этого недолго. На следующий год Рим охватила страшная эпидемия, унесшая множество жизней, в числе их и жизнь Камилла.

Среди патрициев были люди, обладавшие всем набором добродетелей, но оказавшиеся вне пантеона славных предков. Это прежде всего Спурий Кассий Вецеллин, единственный из известных Кассиев представитель патрицианского рода, консул 502, 493 и 486 гг. до н.э. Напомним, что после изгнания Тарквиниев Рим оказался в сложной международной обстановке. Этруски приняли сторону царя, а латины, воспользовавшись тяжелым положением римлян, перестали с ними считаться. Дело дошло до войны. По рассказам древних, победу над латинами (496 г. до н.э.) одержал при Регилльском озере Спурий Кассий. Он заключил с ними договор, названный его именем (*foedus Cassianum*). Судя по этому договору, Рим был далек от разгрома латинов, объединенных в Арицийскую федерацию, и победой в тех условиях было собственно установление мира и союза с латинами. В этом выявилось умение Спурия Кассия регулировать сложные отношения с соседями. Наиболее значительное деяние совершил он в свое третье консульство, предложив первый в истории Рима аграрный законопроект, по которому предполагался раздел общественных римских земель (*ager publicus*) пополам между союзниками и плебеями. За это на него ополчились все патриции, безраздельно распоряжавшиеся земельным фондом, и даже часть плебса, не желавшая делиться завоеванной землей с соседними общинами. Второй консул, Прокул Вергиний, выражая настроения патрициев и их сенаторской верхушки, повел злобную

агитацию против своего коллеги, будто бы добивавшегося с помощью радикального закона царской власти.

На самом же деле Кассий обнаружил большой государственный ум. Уступая часть завоеванных земель союзным герникам, он создавал из них заслон против вольсков и эквов, а идя навстречу плебеям, помня о недавней сецессии, пытался смягчить внутренние противоречия в обществе. Однако сенаторы добились своего. Как только Спурий Кассий сложил с себя консульские полномочия, он был осужден и казнен. Один античный автор говорит, что это сделал его отец. Ведь всевластие отца в семье позволяло ему и высечь и убить любого члена семейного коллектива, хотя бы и облеченного высшей государственной властью. Другие сообщают, что обвинителями его выступили должностные лица, квесторы Кезон Фабий и Луций Валерий. Кассия приговорили к смерти, а дом его разрушили. Не потому ли кончилась патрицианская ветвь Кассиев? Нельзя исключить, что у Спурия не было наследников либо их было мало и они скоро вымерли.

Не менее трагичный эпизод известен и в истории знаменитейшего рода Манлиев. Уже в V в. до н.э. в нем выделились семьи Вульсонов и Капитолинов. Прозвище (когномен) последних (по одной из версий) происходит от местоположения их дома. Особенно прославились Манлии Капитолины в IV в. до н.э. Среди них оказалась незаурядной фигура Марка Манлия. В 392 г. до н.э. он вместе со знаменитым Луцием Валерием Потитом был консулом. Они провели свой консулат не без блеска: устроили Великие игры. В Риме был обычай устраивать празднества в честь разных богов, в том числе и по обету, в связи с каким-нибудь важным событием. Праздники состояли в раннее время из состязаний колесниц или всадников в цирке. Позднее к ним присоединили другие спортивные, музыкальные и сценические состязания. Великие цирковые игры 392 г. до н.э. были обещаны во время долгой войны с городом Вейи в случае ее благополучного окончания. Сверх этого был освящен храм царицы богов Юноны.

Консулам, конечно, пришлось повоевать с эквами, но оба добились успеха, причем Валерий получил триумф, а Манлий был удостоен оаций. Это был более скромный способ отличать полководца. Получивший оацию входил в Рим пешком или на коне, а не въезжал на колеснице, одет был не наподобие царя или Юпитера, а в торжественную тогу, голову его венчал не лавровый, а миртовый венок. При этом он приносил в жертву не быка как триумфатор, а овцу. Отсюда, по мнению античных авторов, и идет название награды, так как овца — по-латыни *oves*. По мнению же других, оно произошло от удивленных и восхищенных подвигами полководца возгласов: "O!"

Однако год удачного консульства двух славных римлян кончился печальными событиями: скончался один из цензоров и оба консула

заболели. Потом это было истолковано как предвестие грядущих бед. Впрочем, небеса предупредили о них, согласно античному преданию, более явственно. Некий плебей Марк Цедиций услышал в ночи громкий голос, сообщавший, что на Рим идут галлы. Эти племена занимали обширные территории Европы к северу и северо-западу от Альп, а с V в. до н.э. - и долину реки По (Падус). В 390 г. до н.э. галлы продвинулись к югу, в Центральную Италию, в этрусские области. Напомним, что этруски обратились за помощью к римлянам, но они не сумели мирно урегулировать этрусско-галльский конфликт.

Галлы двинулись на Рим. В 11 милях от Города при речке Аллии, впадающей в Тибр, произошла битва, в которой римляне потерпели страшное поражение. С тех пор 18 июля в римском календаре называется "днем Аллии" и стало символом несчастья. Полчища варваров под водительством Бренна хлынули в Рим. Боеспособная молодежь с частью женщин и детей укрылась в крепости на Капитолии, основная масса горожан эвакуировалась через свайный мост на Яникул и далее к этрускам. Среди спасавшихся были и жрицы городского очага, весталки, уносившие римские святыни. В Городе остались лишь немногие старики, бывшие консулы и триумфаторы, решившие добровольно принести себя в жертву во имя Родины. Они облачились в парадные одежды со священными знаками отличия и воссели в своих домах на так называемые курульные кресла, украшенные слоновой костью, которые были принадлежностью высших должностных лиц. Увидевшие в обезлюдившем Городе этих величественных старцев, галлы сначала приняли их за статуи. Один из них даже потрогал Марка Папирия за бороду - бороды тогда в Риме были в обычае. Папирий ударил галла своим железом, за что и был убит первым.

Начались поголовное уничтожение стариков, разграбление домов и пожар в Городе. Затем варвары решили взять Капитолий. К неприступной крепости вела только одна тропинка на крутизне горы, по которой мог подняться лишь один человек. Ею и рискнули воспользоваться галлы. Шорох поднимавшегося как-то по склону галла разбудил гусей, посвященных Юноне, чей храм возвышался на Капитолии. Птицы загоготали и подтянули на ноги защитников во главе с Марком Манлием. Первый же галл был сражен мечом, та же участь постигла следовавших за ним. Натиск галлов был отбит. После этого Манлий, демонстрируя показное благополучие и уверенность римлян в победе, стал выбрасывать из крепости хлеб. Это было счастливой хитростью. Ведь осажденные римляне уже страдали от голода, но варвары поверили в устойчивость и безопасность их положения. Римская патрицианская историография объявила, что галлам не оставалось ничего иного, как уйти из Рима, и, хотя на самом деле римляне должны были откупиться от

галлов, это не умаляет подвига Марка Манлия, по которому его семья, согласно варианту предания, и получила когномен Капитолийской.

Герой Капитолия проявил активность и во внутренних делах. В Риме, пережившем войну и разруху, снова обострился долговой вопрос. Манлий высказался в пользу должников и даже назначил внушительную часть своих земель к продаже, чтобы на вырученные деньги оплатить долги впавших в нищету римлян. К тому же он обвинил сенаторов в утаивании средств, которые можно было пустить на помощь должникам. Диктатор вызвал Манлия за такой демократический демарш в суд. Он явился окруженный толпой плебеев. Но ни они, ни его обращение к богам, чьи храмы на Капитолии он доблестно защищал, не помогли. Диктатор, которому должны были повиноваться все и против которого даже трибунское veto не действовало, приказал заковать его и бросить в темницу. Однако атмосфера в Городе так накалилась, что сенат вынужден был освободить Манлия. Дом его превратился в штаб плебейского мятежа.

Благородный порыв Манлия и его растущая популярность привели к тому, что его обвинили, конечно же, в стремлении к царской власти. Такое обвинение стало в Риме политическим клише, которым пользовались сенаторы, беспроигрышной картой в их политической игре против демократически настроенных людей.

Опасаясь мощного плебейского движения, сенаторы вновь вызвали Манлия в суд. Даже двое плебейских трибунов ради успокоения разбушевавшихся римлян решили пожертвовать Манлием. Все было пущено в ход. Судебное разбирательство проходило в центуриатных комициях; сначала на Марсовом поле, откуда был виден Капитолий, памятник славы Манлия (Liv. VI, 29, 10), а на следующий день перенесено в другое место, не напоминавшее о его героизме. Суд с трудом вынес ужасный приговор. Героя сбросили с Тарпейской скалы и уже мертвого обесчестили: решено было, чтобы ни один патриций не жил на Капитолии, а род Манлиев навсегда отказался от имени Марк. Так заклеямили патриции отступника от их интересов.

В роде Манлиев пользовалась известностью еще семья Торкватов. Прозвище Торкват происходит от слова torques, что значит ожерелье, которое снял с поверженного в поединке галла Тит Манлий Имперюз (Gell. IX, 13, 2-3), сын Луция Манлия Имперюза. Особенно значимым в карьере последнего оказался 363 г. до н.э. Это была тяжелая пора для Рима, время страшного мора, разразившегося за два года до этого и унесшего, как мы говорили, жизнь Марка Фурия Камилла.

В борьбе с эпидемией сначала прибегли к лектистерниям, впервые проводившимся еще в 399 г. до н.э. Это был умиловляющий богов обряд. Он состоял в угощении богов. Изображение верховного божества, Юпитера, помещалось на ложе, а изображения богинь - на сидениях.

ях. Ведали таким божественным пиром специальные жрецы, эпuloны, подносявшие богам угощения. Поскольку мор продолжался, пришлось пойти на неведомое ранее: неискушенные тогда в театральной культуре римляне впервые ввели сценические игры. Пригласили актеров из Этрурии. Но все оказалось тщетно. Тогда Луция Манлия Империяза избрали диктатором для вбития гвоздя в стену храма Юпитера, чтобы пригвоздить зло. Совершив обряд, Манлий не спешил сложить с себя полномочия. Он намеревался затеять войну с герниками и начал с жестокостью принуждать юношество к вступлению в войско. Но плебейские трибуны заставили его расстаться с диктатурой и даже вызвали его за превышение полномочий в суд.

Римляне возненавидели Луция Манлия и наградили его прозвищем Империяз, т.е. "Властный", "Деспотический". Таким он и был и на государственном поприще, и на семейном. Жестокость он проявил и к собственному сыну, Титу Манлию. Это был физически крепкий, но совершенно косноязычный юноша, что отец считал за полное тупоумие. И вместо того чтобы развивать сына, приобщить его к кругу сверстников и делам Форума, Империяз сослал его в деревню на самые трудные и грязные работы, держал в скотском состоянии. Однако домашний деспот ошибся в сыне. Прослышав об обвинении отца в жестокости, в том числе и к нему самому, Тит Манлий, такой покорный дома, неожиданно проявил решительность. Он помчался спозаранку в Город, прямо к трибуну Марку Помпонию, обвинившему Империяза в жестокости, и, угрожая ножом, потребовал от него клятвенного прекращения дела отца. Помпоний с перепугу согласился. Римляне же, хоть и сожалели об упущенной возможности наказать ненавистного экс-диктатора, в полной мере оценили сыновнюю преданность Тита Манлия и доверили ему офицерский пост военного трибуна. Как раз в 362 г. до н.э. на эту должность стали впервые выбирать в народном собрании, раньше же командиров назначали консул и претор.

Живший до того в неизвестности, не имевший никаких заслуг и заклеянный отцом в качестве никчемного и глупого, Тит Манлий показал себя прекрасным воином. Об этом на разные лады рассказывают римские легенды. Отбросив разноречивые детали, можно извлечь соответствующее обстоятельствам историческое зерно. В 360 г. до н.э. в римские пределы вновь вторглись галлы. В двух милях от Города на Соляной дороге был переброшен мост через реку Аниен. Противники встали по обе его стороны. Но их борьба за мост была безрезультатной. Наконец, на мост вступил галльский богатырь и вызвал римлян на поединок. На это среди всеобщей растерянности отважился Тит Манлий. Он испросил разрешения у главнокомандующего вступить в бой с иноземным чудовищем, напомнив, что сам происходит из рода спасителей Капитолия. При этом был получен ответ: "Хвала доблести твоей,

Тит Манлий, преданности твоей отцу и отечеству! Ступай и с помощью богов докажи непобедимость римского народа" (Liv. VII, 10, 4).

И начался поединок. Громадный галл горой нависал над среднего роста Манлием. Но тот оказался сообразительным, изловчился снизу просунуть свой острый меч под щит галла и дважды нанести ему смертельный удар. Потом он снял с врага окровавленное ожерелье (torques) и надел этот трофей себе на шею. За победу Манлий, тут же прозванный Торкватом, был награжден золотым венком, а почетное прозвище было закреплено за его потомками.

После проявленного героизма и воинской смекалки перед римским "Иванушкой-дурачком" открылась блистательная карьера: трижды он назначался диктатором и трижды избирался консулом. Самым замечательным в жизни Манлия римляне считали 340 год до н.э., когда началась так называемая II латинская война (340-338 гг. до н.э.). Торкват исполнял вместе с Публием Децием Мусом обязанности консула, а среди воинов находился и его сын, тоже Тит Манлий Торкват, командовавший всадническим подразделением, турмой. Поскольку воевать приходилось с латинами, вооруженными одинаково с римлянами, говорившими с ними на одном языке и просто бывшими для многих лично знакомыми, консул во избежание ошибок запретил вступать в бой вне общего строя. Тит Манлий младший был послан на разведку. Его увидели латины, узнали, и один из них, тускуланец Гемин Месций, вызвал его на поединок. Боясь прослыть трусом, горячий юноша согласился, одержал победу и принес трофейные вражеские доспехи отцу-консулу. Но тот расценил это нарушением отеческой воли и консульского приказа, что угрожало устоям государства. Повинуясь традиции, Торкват приказал казнить доблестного послушника. По словам римского писателя Флора (1, 10, 15), расправа над ним показала, что повиновение важнее победы. Может быть, гены Империи помогли отцу пережить потерю. В войске же этот страшный случай, хоть и убавил симпатий к консулу, дисциплину укрепит.

Генеральное сражение с латинами произошло у Трифана в Южном Лации, в приморской полосе. Полная победа Манлия Торквата доставила римлянам прекрасные плодородные поля, принадлежавшие ранее кампанцам. Несмотря на славу и награды, римляне, особенно молодежь, охладели к Торквату за его жестокость к сыну.

Объединенные общим неприятием монархического правления, отнюдь не все патриции стремились к республике демократического типа. И эта, в общем-то большая часть патрициата дала своих ярких представителей.

В ряду знатных Корнелиев, Фабиев, Эмилиев и т.д. рано выделились Клавдии. Согласно традиции, они пришли в Рим из Сабинь если не в Ромулово время, то уж в конце VI в. до н.э. безусловно. Во главе их

находился представитель рода Аппий Клавдий Сабин, или Инрегилльский, с которым римляне познакомились под его сабинским именем в архаической форме - Атта Клавза. Оно подтверждает древность родоначальника римских Клавдиев.

Античное предание выводит Атта из Регилл (откуда прозвище) и рисует его могущественным и богатым человеком. Вместе с ним в Рим пришли его родичи и клиенты, т.е. включенные в род люди, искавшие покровительства, общим числом 5000 человек. Клавдии были признаны как род и причислены к патрициям. Все они получили поэтому землю близ Города за рекой Аниеном, где была образована сельская Клавдиева триба, а сам Атта-Аппий Клавдий - очень большой участок в Риме. Клавдии быстро включились в активную политическую жизнь в ранге высших магистратов и начиная с 495 г. до н.э. выказывали сую антиплебейскую позицию.

Для постоянно воюющего Рима важнейшим вопросом всегда был воинский набор. Основную часть войска составляли плебеи. Это обстоятельство взяли на вооружение плебейские трибуны. И в 482 и 480 гг. до н.э. они пытались помешать набору, если не будет проведен аграрный закон в пользу плебса. Вот тут-то и выступил один из Клавдиев, сенатор Аппий, с коварным предложением перетянуть на свою сторону кого-нибудь из плебейских трибунов, чтобы он наложил свое вето на действия коллег, и добился желаемого.

Через 10 лет антиплебейскую линию продолжил сын упомянутого выше, тоже Аппий Клавдий. Как консул 471 г. до н.э. он противодействовал закону о перенесении выборов плебейских трибунов из центуриатных собраний в собрания по территориальным округам, трибам, где преобладание плебса было безусловным. Ведь плебеев было больше, чем патрициев с их клиентами, да они и чурались этих плебейских сходов. Отношение к этому Клавдия недвусмысленно выразил плебейский трибун Леторий: не консула, утверждал он, избрали сенаторы, а палача, чтобы терзать и мучить плебеев (Liv. II, 56, 8). Взаимное негодование достигло точки кипения, упорство Аппия едва не довело до плебейского мятежа. Когда разразилась война с вольсками, воины из ненависти к консулам, особенно к Клавдию, покинули поле боя. Только избиение римских воинов вольсками заставило их начать военные действия и отбросить врагов.

На следующий, 470 год до н.э., когда выбрали новых консулов, одиозный экс-консул Аппий Клавдий был привлечен к суду за свою антиплебейскую акцию. Но он, невзирая на мольбы сената и угрозы плебеев, не желал покаяния и с непреклонностью держал речь не как обвиняемый, а как обвинитель. Суд затянулся, Аппий заболел и скончался, а по версии Дионисия Галикарнасского, он кончил жизнь самоубийством (Dyonis. IX, 54, 4: *ἑαυτὸν διεχέριστο*).

В 460 г. до н.э. среди консулов вновь предстает Клавдий - Гай, сын консула 495 г. до н.э. Аппия. На фоне привычных для Рима плебейско-патрицианских распри и угроз со стороны вольсков и эквов произошло необычное событие. Знатный патриций сабинского рода, Аппий Гердоний, с тысячами своих клиентов, рабов и каких-то изгнанников, очевидно стремившихся обосноваться на Родине, захватил ночью крепость на Капитолии. Часть плебса поддержала Гердония. Но основная масса римлян встала под начальство консулов. Один из них, уже известный нам Публий Валерий Попликова (сын), отважно повел их и прибывших к ним на помощь из Тускула латинов на захват Капитолия. Они ворвались на гору, но Валерий, шедший в первых рядах наступающих, был убит. Крепость захватили, заговорщиков во главе с Гердонием казнили.

В научной литературе⁴ высказывались разные оценки этих событий. Одни полагали, что заговор Гердония был попыткой сабинской части патрициата утвердить свое главенство в Риме, другие не без основания увидели в нем попытку Гердония установить тиранию, опираясь на недовольство низших слоев населения. Участие Гая Клавдия в подавлении движения Аппия Гердония и особенно его возмущение законом плебейского трибуна Канулея, о чем речь пойдет ниже, attestуют его последовательную антиплебейскую политику.

Наиболее рельефной фигурой среди Клавдиев V в. до н.э. был, конечно, Аппий Клавдий Красс, брат Гая, консул и член чрезвычайных коллегий децемвиров 451-450 гг. до н.э. по обнародованию законов XII таблиц. Среди узурпаторов, составлявших вторую законодательную комиссию, он выглядит особенно одиозно. Именно Аппий был инициатором поправок республиканских устоев, тайно собирал своих товарищей по децемвирату и подбивал их удерживать власть после исполнения задания. Вторые децемвиры сразу же запугали весь Рим, явившись на Форум каждый в сопровождении двенадцати ликторов. И скоро эти сто двадцать молодцов целеустремленно направили свои ошестинившиеся фации против плебеев. Защиты им искать не приходилось, деятельность плебейских трибунов была децемвирами приостановлена. Репрессивный режим действовал на общество, особенно на молодежь, разлагающе. Децемвиры окружили себя патрицианскими юнцами, соблазняя их вседозволенностью. Юноши охотно присутствовали при неправых судах и тут же, по немедленному исполнению смертного приговора, принимались растаскивать имущество казненных.

Пользуясь полной деморализацией римлян, то сабины, то эквы опустошали окрестности Города и нападали на союзных Риму латинов. Сенаторы несколько осмелели. Валерий Потит пригрозил Аппию Клавдию, собравшему сенат, обратиться за поддержкой к плебеям, а Гораций Барбат бесстрашно назвал децемвиров десятью Тарквиниями. Он

напомнил, что царя изгнали как раз Валерий и Гораций, предки храбро выступающих сегодня. После этого Аппия пробовал урезонить даже его дядя, Гай Клавдий (старший). Однако час падения узурпаторов был отдален позицией большинства патрициев, предпочитавших децемвиров плебейским трибунам. Но такое положение длилось недолго.

Поводом к взрыву против ненавистных правителей послужили два случая. Пока в Городе шло размежевание в среде патрициев, война с соседними племенами продолжалась. Плебеи под неавторитетным командованием полководцев из числа децемвиров и под воздействием агитации против них воссали неохотно. К одному из таких агитаторов подослали убийц. Эта расправа вызвала негодование всех воинов. Не меньше возмутились плебеи и вероломством Аппия Клавдия. Он воспылал страстью к Вергинии, дочери уважаемого плебея и невесте Луция Ицилия. Ее не соблазнили подарки и посулы Аппия, и тот совершенно потерял голову. Чтобы овладеть этой девушкой редкой красоты, он затеял ложное дело, подговорив своего клиента Марка Клавдия объявить ее дочерью своей рабыни. И Марк прямо на Форуме, по которому Вергиния шла в сопровождении кормилицы, при всех сделал это объявление, наложив на нее руку, т.е. тронув ее за плечо, что означало, что девушка находится в его собственности. Для доказательства своих прав на красавицу подставной рабовладелец вызвал ее в суд, где судьей "оказался" сам Аппий Клавдий. Разбирательство было отложено до прибытия отца, несшего военную службу вне Рима. Когда Вергиний вернулся в Город, он, облаченный в траур, привел свою дочь, одетую в знак печали в лохмотья, в сопровождении толпы мужчин и плачущих матрон к Аппию Клавдию. Была разыграна сцена суда и Вергиния признана рабыней. Отец отошел с ней после этого от трибунала к лавкам, находившимся тут же на Форуме, выхватил у мясника нож и вонзил его в грудь девушки.

Весть о трагедии разнеслась по Риму и достигла военных лагерей. Все плебеи и честные патриции негодовали, отказались подчиняться децемвирам, толпа сломала фасции одного из ликторов. Войско, бросив воевать с врагом, пошло на Рим, заняло Авентинский холм, а оттуда двинулось на Священную гору. Эта новая сецессия напугала сенат. Он издал постановление о ликвидации комиссии децемвиров. Республиканские устои были восстановлены, Аппия Клавдия первым вызвали на суд, а первым обвинителем был назначен Вергиний. Он предложил Аппию оправдаться хотя бы в одном преступлении - обращении свободного человека (имелась в виду его дочь) в рабство. Понимая невозможность оправдания, бывший диктатор прибег к помощи того закона о провокации, который был отменен им самим и его коллегами. Он воскликнул: "Я обращаюсь к народу". Этим он передавал свое дело в центуриатные комиции, т.е. прибег к институту демократии, против

которой боролся. До народного суда его препроводили в темницу, которую он цинично называл жилищем плебеев. Противоборствующие стороны пытались слезами и уговорами склонить на свою сторону римлян. Дядя Аппия, Гай Клавдий, порицавший племянника, тем не менее по тогдашнему обычаю оделся в траур и стал заклинать каждого встречного не позорить их род и помиловать преступника. Но печаль и слезы Вергиния и его родичей оказались для граждан убедительней. Поняв это, Аппий Клавдий покончил с собой.

В ходе IV в. до н.э. римское общество испытывает значительные трансформации. Плебеи в упорной борьбе пробивают стену патрицианского всевластия, добиваются доступа ко всем магистратурам. В основе этого лежат изменения внутри как плебейства, так и патрициата. Углубляется различие между родами и даже внутри родов между группами семей. И у патрициев и у плебеев появляются люди с общими экономическими и политическими интересами. Корпоративность родовых объединений размывается, меняется их политическая ориентация. Такое положение иллюстрируется ситуацией в патрицианском роде Клавдиев и персонифицируется в фигуре Аппия Клавдия Цэка (Слепца). Принадлежность к древнейшей знати и богатство обеспечили ему блестящую карьеру: он занимал должности диктатора, консула, претора и цензора. Последняя появилась в 444 г. до н.э. на очередном пике патрицианско-плебейского противостояния.

Опубликование законов XII таблиц было, конечно, победой плебса благодаря не только введению гласности в судебную сферу, но и официальному признанию защиты частной собственности. Это особенно выражалось в жесточайших наказаниях за кражу, а также в признании свободы завещаний. Последнее способствовало размыванию родовой собственности, что объективно ослабляло родовое единство и силу патрициев. Вместе с тем в законах XII таблиц декларировался запрет на смешанные патрицианско-плебейские браки, что делало их незаконными. Норма носила ярко выраженный антиплебейский характер. Ведь издревле римляне, латины и сабины брали себе жен невзирая на их принадлежность к тому или иному союзному городу. Можно, таким образом, думать, что подобная практика существовала и среди граждан Рима, куда входили и патриции и плебеи. Так что брачный запрет был, конечно, дискриминационной по отношению к плебеям мерой, даже если был и не нововведением, а подтверждением уже сложившегося обычая. Не случайно поэтому уже в 445 г. до н.э. плебейский трибун Канулей предложил закон об отмене запрета на смешанные браки наряду с законом о допуске плебеев к консулату.

В брачном вопросе патрициям пришлось уступить, но поползновение на консульскую должность было отвергнуто. Все же в виду подстраховки была создана новая коллегияльная магистратура, включавшая

не менее трех, а по мере надобности доходившая до шести и даже до восьми человек. Должностные лица именовались консулярными трибунами (*tribuni militum consulari potestate*). Они обладали полномочиями консулов, но не имели права на триумф и консульские знаки отличия. Консулярных трибунов избирали в центуриатных комициях из числа обеих сословных групп. Реально плебеи попали на эту должность через несколько лет после ее учреждения. В момент обострения патрицианско-плебейской борьбы выбирали не консулов, а консулярных трибунов. Практически этот институт действовал с 444 по 367 г. до н.э., когда надобность в нем отпала.

Дозволение смешанных браков и введение консуляр-трибуната повлекли за собой изобретение еще одной новой должности - цензоров, доступной исключительно патрициату. В отличие от прочих магистратов, цензоров избирали не ежегодно, а один раз в пять лет, и срок их полномочий определялся в полтора года. Их главной обязанностью было проведение ценза, т.е. распределение граждан по имущественным разрядам, а также запись их по территориальным округам - трибам. Для каждого человека это было как бы паспортизацией. После ценза проводились очистительные обряды, называвшиеся люстром (*lustrum*).

Первые цензы проводились царями, а с началом Республики - консулами. Цензура несколько сузила полномочия консулов. Ее введение можно рассматривать как известную страховку патрициев, учитывавших угрозу, нависшую над консульской должностью, в которой были сфокусированы все аспекты патрицианской власти. Линия на сокращение консульских полномочий реализовалась и в создании в 366 г. до н.э. преторской должности. Как только плебеи добились участия в консулате, патриции реваншировались, передав судебные функции новым магистратам - преторам, избиравшимся только из патрициев.

Многогранные деяния Аппия Клавдия Цэка запечатлены не только в писаниях античных авторов, но и в дошедшем до нашего времени эпиграфическом памятнике. Он относится к жанру элогиев, т.е. почетных надписей. Часть их сохранилась в копиях императорской эпохи. Такой является и надпись в честь Цэка, в которой перечисляются не только его магистратуры и успехи в качестве полководца, но выделяется строительная деятельность в период цензорства начиная с 312 г. до н.э. При нем был построен храм Беллоны, вымощена дорога от Рима до Капуи, получившая имя Аппиевой, и сооружен водопровод его имени, действующие и поныне. Завершить эти грандиозные мероприятия за 18 месяцев Аппий Цэк не успел и, нарушая закон, оставался в должности все пять лет один, так как его коллега свои полномочия сложил даже до срока. За это он подвергся нападкам плебейского трибуна Публия Семпрония. Тот обвинял Цэка в пренебрежении закона-

ми, в своевласти, припомнил злокозненность и жестокость его предков.

Но сместить с должности цензора Аппия Клавдия не удалось благодаря поддержке других, более прозорливых плебейских трибунов. В самом деле, этот мудрый римлянин провел меры, шокировавшие патрициев. Отправление древнейшего римского культа Геркулеса он передал из рук членов патрицианского рода Поттициев в руки общественных рабов. Сыновей вольноотпущенников, становившихся плебеями, он допустил к сенаторскому званию, а людям, не обладавшим земельной собственностью, которая считалась почетным видом богатства, разрешил записываться в любую сельскую трибу, в то время как ранее их записывали только в четыре городские трибы (Liv. 1, 8, 46; Cic. Or. 1, 186). Этим Клавдий Цэк усилил влияние городского плебейского элемента при решении вопросов на сходках по трибам. Затем он поручил своему секретарю из вольноотпущенников, Гнею Флавию, издавать календарь судебных дней и исковые формулы, чем ведали понтифики.

Все это аттестует демократическую направленность реформ Аппия Клавдия, в противовес традициям его рода. Ее можно объяснить тем, что цензор принадлежал той части патрициата, которая в своей хозяйственной деятельности не ограничивалась агрикультурой, но вкладывала средства в ремесленное производство и осваивала торговлю. Поэтому его интересы смыкались с интересами плебеев, даже из вольноотпущенников, занимавшихся этими отраслями экономики. Косвенным доказательством этого может служить закон Клавдия 218 г. до н.э., запрещавший сенаторам владеть кораблями большой вместимости (свыше 300 амфор). Этот закон был направлен на вытеснение сенаторов из морской торговли и на принуждение их вернуться к развитию сельскохозяйственного производства. Значит, приобщение высшего класса общества к торговым операциям зашло к началу III в. до н.э. слишком далеко; но процесс этот восходит по крайней мере к концу IV или рубежу IV-III вв. до н.э., когда жил Аппий Клавдий Цэк.

Сказанное, однако, не позволяет представить портрет Слепца полностью. Прославленный цензор был действительно разносторонне одаренным человеком. Он внес вклад в развитие юриспруденции и ораторского искусства. Его речь в сенате против заключения мира с эпирским царем Пирром, нанятым греческими городами Южной Италии для войны с Римом, вошла в римскую литературу в качестве одного из первых опытов такого рода. Речистым называл его не кто иной, как Цицерон (Вг.55). Сохранились сведения, что Цэк писал стихи и внес усовершенствования в латинский алфавит, ведущий свое начало от греческого. В раннем виде в нем сохранялась греческая буква "дзета". Аппий Клавдий вывел ее из употребления и таким образом приблизил

алфавит к нуждам латинского языка. Словом, в лице Аппия Клавдия Цэка римляне получили замечательного гражданина и деятеля культуры.

Заметный след в воспоминаниях древних римлян оставили Марции, патрицианская ветвь которых считается в исторической науке наиболее сомнительной. Впрочем, новый подход к античной традиции о царском Риме может внести в такую точку зрения известные коррективы. Ведь Марции, по легендам, ведут свое происхождение от царя Анка Марция, историчность которого теперь уже трудно отрицать. Однако здесь нужно сделать оговорку. От этого царя производили себя в период поздней Республики плебейские ветви Марциев. И это как раз можно оспаривать. По крайней мере непосредственными потомками Анка они вряд ли были, а, стремясь утвердить свою знатность, возвели себя к роду четвертого римского царя. Можно только догадываться, как возникла эта ветвь: из опустившихся до плебейства боковых потомков Анка Марция или из клиентов патрицианских Марциев, которые вошли в состав римского общества в качестве плебеев в результате своей эмансипации от патронов. В принципе римляне допускали возможность ответвления плебейских семей от первичного патрицианского родового ствола. Таким образом, нельзя зачеркнуть вероятность существования патрицианских Марциев в начале Республики. Разумеется, при этом в античных легендах о событиях, связанных с представителями этого рода, многое могло быть приукрашено и просто выдуманно. Это в первую очередь касается воспетого в традиции Гнея Марция Кориолана. Но сам образ героя, несомненно, вырос на почве реальной жизни и очень ярко отразил ее и в аспекте внешнеполитическом, и в аспекте внутренней борьбы в Риме. Античная традиция приписывает ему полусиротское детство. Он рано потерял отца, и попечение о нем легло на плечи матери - Ветурии. Но женское воспитание не убавило в нем природной мужественности. Он рос истинным римлянином, равнодушным к комфорту и к тяготам жизни, храбрым и искусным в воинском деле. В первом своем походе он участвовал совсем еще юным и тогда же проявил благородство и отвагу. Увидев, что в ожесточенной битве с латинами при Регилльском озере невдалеке от него упал кто-то из римлян, Марций заслонил его собой, яростно бросился на врага и поразил его насмерть. За это диктатор Постумий отметил его перед всеми и наградил среди немногих дубовым венком. Так награждали в Риме человека, прикрывшего собой своего согражданина.

В последующих сражениях, которые случались ежегодно, молодой Марций проявлял себя столь же доблестно и неизменно радовал мать воинскими наградами. В 493 г. до н.э. шла очередная война с вольсками. За отвагу в победоносной битве за город Кориолы он получил почетное произвище Кориолан.

Однако неустойчивость натуры Марция проявилась и в другой сфере. Он был ярким противником плебеев и трибунской власти. В 492 г. до н.э. случился сильный голод. Консулам пришлось закупить продовольствие за границей - в Этрурии, у куманских и сицилийских греков. Тогда Кориолан выступил с предложением продавать хлеб по высокой цене, если плебс не откажется от должности плебейских трибунов. Это вызвало возмущение. Трибуны подали на него в суд, но Гней Марций туда не явился и был осужден заочно. Его решение было чудовищным, он ушел в изгнание и не куда-нибудь, а к недавно побежденным врагам - вольским. Те обрадовались, приняли его и сообща стали готовиться к войне с Римом.

Повод к ней был изобретен с чрезвычайным коварством. В Риме готовились к повторению Великих игр. Повторить их пришлось в связи с необычным событием. В день их начала какой-то римлянин гнал через цирк своего раба прямо в колодцах. Вскоре некоему плебею Титу Латинию приснилось, что Юпитер выразил свое недовольство "первым плясуном на играх", т.е. зрелищем раба. Потому игры надо повторить, иначе Городу грозит опасность, о чем надлежит сообщить консулам. Латиний сробел и промолчал, а через несколько дней потерял сына. Чтобы вразумить несчастного отца, ему вновь явился бог и предупредил, что, если он не уведомит консулов, надо ждать худшего. И правда, пока Латиний медлил, его сразила ужасная болезнь. Тогда он решился, и его, немощного, родственники отнесли на носилках на Форум к высшим магистратам, которые направили его в здание сената - курию. Латиний все рассказал изумленным сенаторам, мгновенно исцелился, а сенат вынес постановление о повторении Великих игр. На это торжество собирается весь Рим и множество вольсков. Этот соседский визит на праздник был инспирирован Марцием Кориоланом и знатным вольском Аттием Туллем, оказавшим ему гостеприимство. Перед открытием игр Аттий Туллий притворно конфиденциально сообщил консулам о беспокойстве за поведение своих темпераментных и невыдержанных сограждан. Тогда сенат повелел вольским покинуть Город. По пути домой обиженную толпу встретил Аттий и стал подстрекать к выступлению против римлян.

Полководцами вольски выбрали Аттия Туллия и Гнея Марция. И вчерашний римлянин повел удачные действия против своего отечества, отвоевав союзные латинские города и передав их под власть вольсков. Вскоре он уже раскинул лагерь в пяти милях от Города и стал тревожить бывших соотечественников набегами, целеустремленно выбирая поля плебеев. Плебс настаивал перед сенатом на заключении мира. Но мирные посольства были Кориоланом отвергнуты. Тогда римские женщины умолили его мать и жену отправиться к грозному вождю. И вот уже толпа плачущих женщин во главе с Ветурией и Волумнией с детьми на

руках - во вражеском лагере. Кориолан не устоял перед ними и отвел войско от Рима. В память об этом римляне воздвигли храм Женской Фортуны.

Судьба Кориолана теряется в темноте древних преданий. По одной версии, он погиб от рук возмущенных вольсков, по другой - умер в глубокой старости, повторяя, что доля изгнанника для старика особенно горька.

Все упомянутые здесь персонажи были активными творцами римской истории. Разумеется, круг незаурядных римлян был шире. Достаточно назвать хотя бы несколько родовых имен, носители которых удерживали в начале Республики высшую магистратуру в своих руках. Это Лукреции, Постумии, Вергинии из семьи Трикостов, Эмилии Маммерки, Сервилиии, Фабии. Однако яркие индивидуальности среди них выделились позднее.

По мере знакомства с выдающимися патрициями ранней Республики читатель сталкивался и с активными деятелями из числа плебеев. Это были преимущественно плебейские трибуны. IV век до н.э. украсился плебейскими именами прославленных полководцев. Среди них известность приобрели прежде всего Деции Мусы. Их предок фигурировал уже на заре республиканской эры. Дионисий Галикарнасский (VI, 88, 4) рассказывал, что Марк Деций участвовал в I сецессии плебеев (494 г. до н.э.) и был включен в состав посольства для переговоров с сенатом. После допуска плебса к консулату к искательству этой должности подключился Публий Деций Мус. Он пришел к ней нелегким путем гражданской и воинской доблести. Сначала он проявил себя в качестве стольщика. Так называли членов комиссии из пяти человек, которую создали в 352 г. до н.э. консулы для распределения казенных денег в помощь должникам. Эти пятеро занимались порученным делом на глазах у всех, разложив документы и деньги на столах⁵, с исключительной добросовестностью. Это обеспечило им, в том числе и Децию, упоминание в анналах.

История Рима IV в. до н.э. была наполнена войнами, значительно более масштабными, чем в V в. Взаимные набеги римлян и соседних племен и даже войны с этрусками проводились в небольшом радиусе действий, недалеко от Рима, приобретенные земли локализовались в притибрской зоне. После счастливого исхода вейентской войны и злоключений с галлами в перипетиях патрицианско-плебейского противостояния закалялся характер римлян, мужала Римская республика, укреплялось международное положение Рима. Но внутренней устойчивости он мог достичь, только расширяя земельные площади и обогащаясь за счет иной добычи. Все это стимулировало военную экспансию римлян.

На юге Лаций граничил с Кампанией, самой плодородной областью Италии. Она была населена италиками-осками, главным городом которых была Капуя, и греками, основавшими здесь свои колонии - Кумы и Неаполь. На благословенные поля капуанцев и их цветущий город напали горцы племени самнитов, близких им по языку и происхождению. Римляне по просьбе богатых и изнеженных капуанцев вмешались в этот конфликт, ставший началом серии так называемых самнитских войн. Во время I самнитской войны (343-340 гг. до н.э.) и отличился Публий Деций Мус. В то время он был военным трибуном, т.е. занимал командную должность. Случилось, что консул Авл Корнелий Косс случайно завел войско в покрытые лесом горы, выбраться откуда можно было через лощину, над которой со всех сторон засели враги. Но Деций Мус заметил не занятую самнитами высоту, господствующую над всеми, с небольшим отрядом поднялся на нее и отвлек внимание неприятелей от основных консульских сил. Это позволило им уйти и спастись. После этого находчивому Децию удалось ночью спуститься со своими воинами с горы и даже разметать внезапно разбуженных и испуганных самнитов.

За этот подвиг Публия Деция щедро наградили золотым венком и сотней быков, а в придачу дали белого быка с золочеными рогами. Награждены были консулом и воины Дециева отряда. Они получили постоянное двойное жалованье, а одновременно - по две туники и по быку. Благодарное воинство вслед за консулом отметило Деция Муса. Ему преподнесли традиционный почетный венок из травы за снятие осады сначала консульские солдаты, а потом еще и члены его отряда. Несомненным признанием заслуг талантливого командира явилось то, что в триумфе, пожалованном обоим консулам за победное окончание самнитской войны, сразу за ними шел Публий Деций Мус и имя его в солдатских песенках встречалось очень часто. Но главным, конечно, было то, что его первым в роде избрали на 340 г. до н.э. консулом. Таким образом, Деций Мус стал одним из членов тех плебейских родов, которые не по происхождению, а по личным заслугам достигли высшей магистратуры. Как правило, это были заслуги военного характера. Таких людей римский высший свет именовал *homines novi*, т.е. новыми людьми, и поначалу несколько третировал их как парвеню.

В качестве консула Публий Деций сумел упрочить победу Рима в войне с латинами, о которой мы уже говорили в связи с деяниями Торкватов. Эта война явилась реакцией городов, входивших в Латинскую федерацию, на результаты I самнитской войны, которая позволила Риму заметно возвыситься над латинскими союзниками и практически подчинить себе богатую Капую. Латины заключили союз с Самнитской федерацией и, опираясь на него, потребовали от Рима вернуться к паритету с партнерами по Латинскому союзу. В Рим было отправ-

лено посольство, высказавшее даже претензии на то, чтобы один из консулов и половина римского сената избирались из латинов. Коллега Деция Муса консул Тит Манлий Торкват (старший) разразился громовой речью. Латинский уполномоченный, Анний, вне себя от возмущения бросился из храма на Капитолийский холм, где проходило заседание, упал на лестнице и разбил себе голову. Римляне истолковали это как гнев богов. Сенат и народ тотчас решились на войну. Во время похода обоим консулам, как гласит легенда, приснился одинаковый сон: величественный муж сообщил, что победа достается тем, чей полководец отдаст себя подземным богам, т.е. обречет себя в жертву. Об этом было объявлено войску, чтоб люди не испугались, потеряв в бою полководца. Укрепить боевой дух и дисциплину воинов было настоятельной необходимостью. Этой цели и служила ужаснувшая всех расправа Торквата с сыном.

Между тем предстояло очередное сражение. В соответствии с правилами консулы совершили жертвоприношение и пригласили гаруспику осмотреть внутренности заколотых животных. Жрец определил, что Манлию Торквату выпали благоприятные знамения, а в печени животного, принесенного в жертву Децием, оказался изъян. Он воспринял это как указание богов и обрек себя в жертву во имя победы в предстоящей битве.

Чтобы гарантировать осуществление предзнаменования, Деций обратился за консультацией к понтифику Марку Валерию. Тот объяснил ему, как следует исполнить ритуал. Децию надлежало завернуться с головой в тогу с пурпурной каймой, дотронуться рукой до подбородка и, став ногой на копье, призвать римских богов, а также богов пришлых, т.е. от некогда побежденных народов, равно как небесных, так и богов преисподней, даровать победу римскому народу, а врагов поработить ужасом и смертью. Затем он изрек слова заклания: "Я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними" (Liv. VIII, 9,8). После этого Деций Мус вооружился, вскочил на коня и бросился в самое пекло начавшейся битвы. В своей отваге он казался таким величественным, что неприятели цепенели от страха, а гибель его сплотила римлян и удвоила их силы и умение консула Торквата. Ведь по римским преданиям (Cic., *De div.* 24, 51; Liv. VIII, 9-10), если обреченный в жертву богам погибает, это - благо. Если же он остается жить, требуется искупление. Для этого зарывают в землю его изображение и закалывают жертвенное животное. По месту захоронения ходить запрещается. Если такое случается с полководцем, он лишается возможности приносить жертвы богам и от себя и от государства. К тому же надо следить, чтобы копье, на которое наступал при заклинании обречший себя в жертву, не попало врагам. Если же

это происходило, требовалось приношение Марсу в виде свиньи, овцы и быка.

Заметную роль играл в Риме и Публий Деций Мус, сын предыдущего, четырежды исполнявший консульскую должность, герой многих войн с самнитами, этрусками и галлами, т.е. со всеми исконными врагами римлян.

После окончания латинской войны изменилась обстановка в Центральной Италии, изменилось и международное положение Рима. Победив в 338 г. до н.э. латинов, римляне уничтожили Латинскую федерацию и на ее месте создали новую. Это был уже не союз латинских городов друг с другом, а союз Рима с латинскими городами. При этом победители с каждым из них заключили договор особого рода. Социально-политическая структура у латинов была, в общем, однотипной с Римом. Все они были античными гражданскими общинами, по римской терминологии - *civitates*. Согласно договорам, все города сохраняли полное самоуправление и наряду с этим получали в Риме определенный объем прав и обязанностей. Обязанность - по-латыни *munus*. Слово это понимается и как повинность (прежде всего воинская или материальные траты), и как почетная обязанность (исполнение магистратур). Таким образом, латинские города оказались муниципиями.

Однако жители одних стали обладателями всей полноты прав в Риме, вплоть до замещения высших должностей и зачисления в сенат, других - только имущественных, третьих - лишь части имущественных, например либо права законного брака с римлянами, либо права приобретать собственность и вести общие дела с ними под охраной римских законов. Одновременно все побежденные латины не только обязывались воевать на стороне Рима, но и приобретали возможность участвовать вместе с римлянами в основании колоний в завоеванных землях. В свою очередь эти совместные колонии превращались фактически в муниципии с имущественными правами в Риме. Статус самоуправления латинских общин, получивших имущественные права в Риме, был осмыслен римлянами как новая юридическая категория, т.е. латинское гражданство. Разнообразие условий союзнических договоров стало генеральным принципом римской внешней политики, выражавшейся в кратких словах: разделяй и властвуй (*divide et impera*).

Усилившийся Рим продолжил продвижение в Кампанию. Римляне сумели ввязаться в борьбу политических группировок в Неаполе, что вызвало II самнитскую войну (327-304 гг. до н.э.), в которой им пришлось испытать горечь позорных поражений, однако римляне умели извлечь уроки из своих трудностей и неудач. В области внутренней политики они шли по пути уступок плебсу, что положительно сказывалось на боевом духе воинов. В частности, было запрещено рабство-должничество. Римляне пошли на структурные изменения в войске,

введя новые, более легкие и маневренные войсковые единицы, манипулы, из которых стал формироваться легион. Все это дало возможность Риму победить, приобрести новые земли и основать в них колонии. В этих условиях и довелось действовать Децию Мусу сыну.

Он, как и подобало истинному римлянину, проявил себя не только на полях сражений, но и на Форуме. В бытность свою цензором (304 г. до н.э.) вместе с патрицием Квинтом Фабием Руллианом Деций Мус всячески старался смягчить периодически вспыхивавшую напряженность между патрициатом и плебсом. С этой целью он даже отступил от проведенного Гнеем Флавием, ставленником Аппия Клавдия Цэка, решения о записи городской черни для голосования в сельские трибы. Это несколько пригасило бушевавшие страсти, которые концентрировались на персоне Гнея Флавия. Патрицианская знать третировала его как выскочку, потому что он, не просто плебей, а вольноотпущенник, достиг должности курульного эдила. Античные авторы передают такой показательный случай. Однажды Гней Флавий зашел навестить своего больного коллегу и застал там знатных юношей, которые, вопреки правилам, не встали для приветствия магистрата. Тогда Флавий повелел принести ему курульное кресло, атрибут курульной патрицианской должности⁶, и восседал на нем во время визита, к досаде юных патрициев, пытавшихся его унижить (Liv. IX, 46, 9; Gell. VII, 9, 5-6).

После 367 г. до н.э., на протяжении IV в. до н.э. постепенно плебс добился доступа ко всем должностям. И все же оставалась почетная сфера, ему недоступная - политически значимые жреческие коллегии авгуров и понтификов, возникшие в незапамятные времена. В рассматриваемую эпоху они комплектовались путем кооптации исключительно из патрициев. В 300 г. до н.э. плебейские трибуны братья Квент и Гней Огульнии предложили закон, ликвидировавший неравноправие плебеев в сакральной области. Публий Деций Мус (сын) поддержал их законопроект (Liv. X, 7-9). Для убедительности он выступил с речью, одетый и стоя на копье, как его отец, когда тот обрекал себя в жертву во имя победы римского народа. При этом Мус напомнил, что плебейская жертва была принята богами, так что можно не беспокоиться, будто боги оскорбятся допуском плебеев к жреческому сану, о чем говорили патриции. В качестве аргумента Деций Мус привел еще и то, что плебеи уже участвовали в деятельности сакральной коллегии. Имелась в виду коллегия дуумвиров, которая была преобразована в коллегия децемвиров (Liv. VI, 37, 12). Коллегия из двух мужей по священным делам появилась в царскую эпоху при Тарквинии Древнем или Гордом (Liv. III, 10, 7; Gell. I, 19). Они были хранителями и толкователями так называемых Сивиллиных книг, содержавших пророчества, к которым обращались в период стихийных бедствий и политических неурядиц.

Мусу удалось убедить сенат и народ и уже на следующий, 299 г. до н.э., в понтифики были избраны, а не кооптированы плебеи. Это был замечательный успех плебса в борьбе за равенство.

Начало III в. до н.э. было ознаменовано III самнитской войной (298-290 гг. до н.э.). Фактически она велась на разных фронтах, потому что против Рима выступили этруски и галлы. И этот северный фронт был особенно опасен. На 295 г. до н.э. Деций Мус был избран на консульскую должность вместе с престарелым и уважаемым патрицием Квинтом Фабием Руллианом, в паре с которым не раз исполнял высшие магистратуры. На пути в Этрурию оба консула узнали, что полчища галлов из племени сенонов осадили римский лагерь, разбитый у Клузия. Римляне собрали консульские легионы в окрестностях города Сентин, в то время как против них объединили свои силы галлы с самнитами и этруски с умбрами. Чтобы ослабить эту коалицию, римляне отправили отряд под Клузией для разорения местности. Это заставило этрусков уйти из-под Сентина. Тогда консулы решились на битву. Согласно преданию, когда вражеские войска встали друг против друга, с горы сбежала лань, догоняемая волком. Животные мчались между неприятельскими войсками и разбежались в разные стороны: волк в сторону римлян, которые расступились, дав ему проход, а лань - к галлам, которые ее тотчас же закололи. Римские бойцы тут же восприняли это как доброе предзнаменование. Ведь именно волчица, верили римляне, вскормила своим молоком основателя Рима.

Более осторожный Фабий придерживал на своем фланге воинов, изматывая врага мелкими стычками. Он знал по опыту, что самниты и особенно галлы мощны только в начале боя и быстро теряют силы и уверенность в себе. Деций же, более молодой, чем Фабий, и очень отважный, сразу начал решительные действия. Но второго страшного натиска галльских всадников и колесниц под грохот колес их телег, тоже пущенных в бой, римляне не выдержали и побежали. Консул пытался сдержать их, но тщетно. Тогда он обратился с мольбой к своему погибшему отцу, обрек себя, как и он, на жертву и с проклятиями себе и врагам бросился в самую их гущу (Cic. Sen. XIII, 43; Flor. 1, 12, 17). Жертвенная гибель Деция Муса заставила галлов оцепенеть и вселила храбрость в консульское войско. Галлы на этом фланге были побеждены. Тело Деция едва отыскивали под грудой погибших неприятелей, и Фабий Руллиан устроил ему почетные похороны.

Так образы отца и сына Дециев Мусов вошли в портретную галерею славных римлян и наряду с патрицианскими героями явили собой образец беззаветной отваги и беспредельной любви к отечеству, образец римской доблести.

Среди так называемых новых людей в период ранней Республики римляне никогда не забывали Мания Курия Дентата, современника Деция Муса.

Род Куриев впервые упомянут античными авторами в связи с деятельностью Дентата. Его прозвище - Зубастый - происходит от слова *dens* (зуб), потому что он родился с зубами (Plin. NH., VII, 68).

Дентат трижды был консулом и полководцем в III самнитской войне и в войне с царем Эпира, знаменитым Пирром, который появился в Италии в качестве наемного военачальника италийских греков, не имевших собственных вооруженных сил.

Гражданские доблести Дентату удалось проявить в должности плебейского трибуна, когда он смело выступил против авторитетного Аппия Клавдия Цэка. Дело шло о домогательстве одним плебеем консулата, а Цэк, вопреки закону, возражал. Но Курий Дентат сумел убедить сенат заранее одобрить спорную кандидатуру. Этот случай свидетельствует не только о его принципиальности и демократизме, но, по мнению Цицерона (Вг. 14, 55), и о незаурядных ораторских данных.

Добрую память по себе он оставил проведением мелиоративных работ в Сабинской области (Cic. Att. IV, 15, 5) и строительством в бытность цензором второго (после Аппиева) водопровода в Риме. Он назывался Старым Анио - по речке, откуда отводилась в него вода⁷.

В 290 г. до н.э. уже в качестве консула Маний Курий фактически завершил блестящими победами над самнитами и сабинами III самнитскую войну (Cic. Mur. VIII, 17; XIV, 31; Vell. 1, 14; Flor. 1, 14; Eutr. II, 9).

Второе консульство Курий Дентат получил в период Пирровой войны, т.е. войны с Тарентом. Первые битвы римляне в начале этой кампании проиграли, особенно из-за того, что Пирр привез с собой невиданных до того в Италии слонов. Эта, можно сказать, новинка боевой техники пугала и людей и коней. Только после того как один простой воин Гай Нумиций, чье имя даже запечатлели древние анналы, отрубил молодому слону хобот, римляне поняли, что эти чудовища смертны, и обрушили на них стрелы и факелы.

Известно, что после первых же столкновений Рима с эпирским царем он, несмотря на свою победу, попытался было заключить мир с побежденными, а царский лекарь предлагал за деньги отравить Пирра. Но римляне повели себя гордо и достойно: Аппий Клавдий Цэк потребовал прогнать царских послов, просивших о дружбе с римлянами, а Курий Дентат, согласно Флору (1, 13), выгнал лекаря. Впрочем, Плутарх числит этот случай за Фабрицием. Сражение 275 г. до н.э. с Пирром под командованием Курия Дентата решило исход войны. По распространенной версии (Plut. Pyrr. XXIV), оно произошло при самнитском городе Малевенте (в переводе - дурной воздух), который по

случаю победы был переименован в Беневет (bene - хорошо). В настоящее время некоторые ученые полагают, что эта битва произошла в другом месте, на Арузинских полях⁸.

Наряду с тем, что Дентат был отменным гражданином и превосходным полководцем, приумножившим славу римского оружия, его отличали еще кристальная честность и искренность. Не случайно поэтому античные писатели, говоря о Мании Курии Дентате, непременно упоминали о том, что к нему явились разбитые им самниты. Они застали героя варящим себе в горшке репу. От предложения самнитов получить от них в подарок золото Дентат отказался, заявив, что предпочитает власть на теми, кто им владеет (Plut. Moral. 72, 2; Cic. Sen. (Cat. Mai.) 55, 5; Aug. Vict. vir. ill. 33; Plut. Cat. Mai. 2). В этом ответе слышится отнюдь не надменное властолюбие, а гордость за римскую доблесть и полное презрение к корыстолюбию. Не забывали древние и о том, что, став прославленным полководцем, расширившим границы римских владений, он довольствовался небольшим земельным участком и, как любой рядовой гражданин, сам его обрабатывал (Cic. r.p. III, 28, 40; Plut. Moral. 72, 1; Cat. Mai. II; Aug. Vict. vir. ill. 33).

В ряду замечательных новых людей конца IV - начала III в. до н.э. стоит Гай Фабриций Лусций (Подслеповатый), уроженец герникского города Алетрий. В ходе II Самнитской войны римский консул Квинт Марций Тремул в кровопролитных боях одолел в 306 г. до н.э. герников и получил за это триумф. Однако среди герникских городов Алетрий в числе еще двух центров в войне против Рима не участвовал. Поэтому с ними был заключен союз, по которому они сохраняли самоуправление и пользовались взаимным правом заключения браков с римлянами (Liv. IX, 43, 22). Добрососедские отношения алетрийцев с римлянами позволили Фабрицию перебраться в фактическую столицу Лация, а его ум и добросовестность в делах открыли ему доступ в римское гражданство и к почетной должности, которую он занимал дважды: консул и цензор. Исполнял он и ответственные поручения дипломатического характера. Как бы соревнуясь с Манием Курием Дентатом, он принес много пользы Риму во время Самнитской и Пирровой Войн, за что дважды получал триумф. Недаром, говоря о доблестях и честных людях, о Фабриции часто упоминали в купе с Курием Дентатом, а также с Децием Мусом (Cic. Planc. 25; Off. III, 16; Val. Max. IV, 3, 7). Симптоматично, что в античной традиции он делит с Манием Курием лавры изобличителя Пиррова лекаря. Неподкупность их буквально вошла в поговорку. Под стать Дентату Фабриций рисуется античными авторами небогатым, даже умершим в бедности, так что сенату пришлось обеспечить его дочь приданым. Ведь от отца ей в наследство не досталось ничего, кроме славного имени (Val. Max. IV, 4, 10).

Обаяние облику Фабриция придает его личное мужество, даже бесстрашие. После первого же сражения с Пирром при Гераклее (280 г. до н.э.) царь, хотя и победивший римлян, безуспешно добивался заключения мира с ними. Этому гневно воспрепятствовал Аппий Клавдий Цэк. После второй битвы при Аускуле в Апулии (279 г. до н.э.) Пирр снова оказался победителем. Но потери в его войске были столь большими, что заставили его произнести резюме, ставшее крылатой фразой: "Еще одна такая победа, и мы окончательно погибнем". В то время Фабриций лично отправился в Тарент в ставку царя для переговоров о выкупе или обмене пленными. Пирр делал ему соблазнительные предложения, переманивая к себе на службу, но Фабриций был непоколебим. Тогда царь решил запугать его и поместил у входа в посольскую палатку огромнейшего слона, встретившего появление незнакомого римлянина ужасающим ревом. Но Фабриций коротко заметил на это Пирру: "Ни вчера ты не поразил меня своим золотом, ни сегодня своим зверем"⁹. Что же касается пленных, то, по одним сведениям, они были царем отпущены вообще, а по другим - лишь на празднество Сатурналий под слово Фабриция и из уважения к нему.

Если случай со слонем скорее похож на выдумку, хоть и соответствующую характеру героя, то рассказ о пленных вполне правдоподобен. Фабриций пользовался авторитетом не только в Риме, но и среди населения других городов. Так, греческий город Фурии просил в 282 г. до н.э. помощи у римлян против теснивших их соседей - племенных общин луканов и бруттиев. Во главе войска был поставлен Фабриций. Он выполнил возложенное на него поручение, племена отогнал и при этом фактически подчинил Риму фурийцев. Но поведение Фабриция обеспечило лично ему уважение жителей Фурий, и в благодарность они поставили ему в Риме статую, о чем сообщил римский ученый Плиний (NH 34, 32), погибший в результате катастрофического извержения Везувия в 79 г. н.э.

Не могло не импонировать современникам Фабриция его умение находчиво и ясно парировать своим собеседникам. Кроме уже приведенного выше ответа Пирру известно его замечание, сделанное по поводу поражения римлян, нанесенного этим эпирским царем римскому войску под командованием консула 280 г. до н.э. Публия Валерия Левина: "Это Пирр разбил Левина, а не эпироты римлян". В этих словах слышится подбадривание и уважение Фабриция к римлянам, желание поднять их боевой дух в трудные дни неудач.

Все перечисленные здесь выходы из патрицианских и плебейских родов вершили историю ранней римской Республики, составляя наиболее действенную и вместе с тем наиболее типичную часть римского гражданства. В ходе их борьбы протекали важнейшие социально-политические процессы, сформировавшие римское республиканское уст-

ройство и тот особый вид общественно-политического бытия, т.е. римский полис, говоря греческими словами, или римскую *civitas*, выражаясь языком латинского словаря.

Появляясь на разных этапах патрицианско-плебейских противоречий, магистратуры образовали в конце концов стройную систему управления, которая служила Риму на протяжении всей Республики и использовалась в эпоху Империи. Все должности в Риме всегда оставались безвозмездными и срочными. Они подразделялись на обычные и экстраординарные. К первым относились цензоры, консулы, преторы, эдилы и квесторы, ко вторым - диктаторы и их помощники - начальники конницы, а также формировавшиеся на время коллегии децемвиров или триумвиров. Это была исполнительная власть.

Особое место среди римских должностей имел плебейский трибунат. Он относился к числу обычных, но отличался чрезвычайностью права вето и неременной плебейской принадлежностью носителей этой магистратуры.

Исключительное значение в Риме имел сенат, который в республиканское время комплектовался уже не старейшими представителями родов, а прошедшими магистратуры римлянами. По традиции, сенаторов было 300 человек. На освободившееся место цензор зачислял кого-нибудь из отслуживших почетную должность римлян, и в соответствии с этим вновь зачисленные в сенат составляли разные ранги сенаторов: квестории, претории, консулярии и цензории. Два последних ранга, т.е. из новых высших магистратур, постепенно начали составлять высшую знать, нобилитет. Список сенаторов назывался *album*, старейший из них именовался принцепсом. *Princeps* - первый - не обладал особой властью, но из почтения к его возрасту в случае, когда по очень важным вопросам шел поименный опрос, его мнение спрашивали первым.

Сенатские постановления назывались либо *auctoritas patrum*, либо *senatus consultum*. Первые хронологически предшествовали вторым, так как представляли собой решения глав патрицианских семей. Когда плебеи были допущены к магистратурам и в силу этого - в сенат, совместные постановления обозначались словами сенатского консультанта.

Власть сената была огромной, потому что он распоряжался материальными средствами Рима. В его ведении находилась казна и в его же распоряжение поступала завоеванная земля. Механизмом воздействия сената на римскую жизнь и были его постановления. С их помощью сенаторы регулировали взаимоотношения с народным собранием; законы, которые в них принимались, затем утверждались сенатским советом. Однако в 339 г. до н.э. после упорной борьбы был наконец принят закон Публилия Филона, по которому вместо сенатского утвер-

ждения решений комициев требовалось лишь предварительное согласие на них. В том же демократическом духе действовал и закон Мэния (338 г. до н.э.), предписывавший предварительное одобрение сенатом выборов должностных лиц в комициях. Внешним выражением сенатского всевластия была синтагма *senatus populusque romanus*, где сенат стоял на первом месте.

Спецификой Рима было то, что народное собрание существовало в нем в тройственном виде, а точнее - в Риме были три вида народных собраний, что отражало реальность противоборствующих социальных сил и неуклонное продвижение Рима по пути демократизации.

На протяжении рассматриваемого нами времени в Риме продолжали действовать собрания по куриям, формально утверждавшие избрание магистратов, проводившееся в собраниях по центуриям, и ведавшие сакральной сферой как на уровне семей и родов, так и на уровне римской гражданской общины. Однако реальное и все большее значение получали все-таки не куриатные, а центуриатные комиции, созданные Сервием Туллем, где избирались магистраты и, главное, принимались законы. Наконец, в начале III в. до н.э. появился третий вид народных собраний - трибутные комиции. Они выросли из сходов плебса по территориальным округам - трибам, куда были перенесены в 471 г. до н.э. по закону Публилия Волерона выборы плебейских трибунов и где принимались решения плебса, называвшиеся плебисцитами. Некоторые ученые считают 471 г. до н.э. началом действия трибутных комиций. Но это не точно. Ведь в 449 г. до н.э. был принят закон Валерия-Горация, по которому плебисциты становились обязательными для патрициев после утверждения их патрицианским сенатом. В 339 г. до н.э. законом Публилия Филона подтверждалась обязательность плебисцитов с предварительным утверждением их патрицианско-плебейским сенатом. Это ослабляло зависимость плебейских сходов от сенатской власти и действительно превращало их в народное собрание. Наконец, в 287 г. до н.э. был принят закон Гортензия, освобождавший плебисцит от мнения сената и сформировавший полностью трибутные комиции.

В рамках ранней Республики образовался римский полис, т.е. *civitas*. Категория эта в современной науке понимается и слово переводится по-разному. Большая часть историков считает полис городом-государством. И с точки зрения внешней это сомнения не вызывает. Фюстель де Куланж еще в XIX в. ввел для характеристики античных городов-государств понятие гражданской общины. С точки зрения социополитической и социокультурной характеристики полиса (*civitas*) - это более емкое определение. Но оба они все-таки грешат неполнотой: в них не учтен социально-экономический фактор. Преодоление этого недостатка было начато советскими учеными Н.А.Машкиным и

К.К.Зельным, не зафиксировавшими, к сожалению, своих мнений в печатном виде. Но их более молодые последователи - О.В.Кудрявцев и позднее Г.А.Кошеленко и др. - сформулировали высказанное ими положение. Полис, или цивитас, был определен как гражданская община с античной формой собственности.

Подчеркнем еще, что римляне ранней Республики в ходе завоеваний Итальянских областей выработали такие нормы взаимоотношений с покоренными общинами, которые составили фундамент своеобразной государственно-правовой структуры, оформившей последующее господство Рима над Италией, т.е. римско-италийского союза.

-----
¹ *De Sanctis*. Storia del Romani. I., Firenze, 1953. P. 404; *Hannell K.* Das altrömische Epouyme. Aml. Lund. 1946; *Mazzarino S.* Dalla Monarchia allo Stato repubblicano. Catania, s.a. P. 75, 175, 201, 203; *De Martino F.* Storia di Costituzione romana, I. Firenze, 1958. P. 105. sg.; *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 234.

² Гаруспики гадали по внутренностям жертвенных животных.

³ *Утченко С.Л.* Закон Лициния и Секстия de modo agrogum и его значение для истории аграрных отношений раннего Рима // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947, N 2. С. 153-162.

⁴ *Ельницкий Л.А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII-III вв. до н.э. М., 1964. Особ. с. 182-185.

⁵ Стол по-латыни - mensa. Отсюда название комиссии quinqueviri mensarum.

⁶ Некуральными были лишь должности плебейских трибунов и эдилов, занимать которые полагалось только лицам плебейского статуса.

⁷ Front. aq. 1,6; *Кнабе Г.С.* Древний Рим. История и повседневность. М., 1986. С.33.

⁸ Fior. XIII, 11. Это указание принято Гансом Георгом Гунделем (см.: *Curlius, 7.* - Der kleine Pauly. Lexicon der Antike in fünf Bänden. B.I. Munchen, 1979. S. 1345).

⁹ *Плутарх.* Изречения царей и полководцев. 73.2. / Перевод М.Н.Боровского. // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

НАРОД И ГРАЖДАНСТВО

Как же появились патриции и плебеи? Ответ на этот вопрос ученые искали в происхождении этих общественных групп. За последние двести лет накопилось множество теорий, что объясняется состоянием источниковой базы, ее фрагментарностью, неполнотой, а порой и неоднозначностью сохранившихся текстов, а это вызывало у ученых скептическое к ним отношение и позволяло по-разному их трактовать. Лишь в последние десятилетия текущего века фонд источников начал пополняться хоть и в меньшей степени, чем для изучения более древних, царской и доцарской, эпох. Но это побуждает нас вернуться к столь долго дискутируемому в науке вопросу.

Время от времени подводился итог проделанной учеными работе. Можно назвать три фундаментальных обзора, принадлежащих перу трех эрудитов¹. Это "Плебс", вышедший в 1909 г., Ю.Биндера, "Проблема происхождения патрициев и плебеев" (1948), С.И.Ковалева и "Происхождение римского плебса" (1978), Жана-Клода Ришара. Не потеряла своего значения и глава "Патриции и плебеи в ранний период Рима" в книге Ф.М.Нечая². В наибольшей мере анализ изучаемого материала представлен у Биндера, но, естественно, картина историографии проблемы значительно шире у Ришара.

Чаще всего, и не без основания, труды, посвященные происхождению патрициев и плебеев, подразделяются на три категории. Первая ведет свое начало от Г.Б.Нибура³, видевшего в римских сословиях соответственно местное (патриции) либо пришлое (плебеи), в обоих случаях этнически смешанное население. Вторая содержит в себе работы, в которых патрицианско-плебейский дуализм трактуется как дуализм этнический⁴. При этом Цоллер считал патрициев сабинянами и плебеев - латинами, а Биндер, напротив, полагал, что латины - это патриции, а сабиняне и этруски - плебеи; Оберцинер видел в италиках - патрициев, а в плебеях - этрусков; Куно же, наоборот, этрусков рассматривал в качестве патрициев, а латинов - как плебеев. Третья категория⁵ представлена трудами, в которых патрицианско-плебейское различие характеризуется как результат социального развития Рима. Родоначальник этих взглядов - Эд.Мейер, за ним следовали М.Вебер, Г. Де Санктис, Е.Корнеманн. Эти ученые исходили из того, что родовая организация появилась только в процессе экономической

дифференциации, что государство ей предшествовало и род стал организацией богатых. Эта богатая знать - патриции. В варианте Эд.Мейера патриции - дворянство. Без таких модернизаций римской древности к этой теории фактически в наше время примкнули Ф.М.Нечай и Ж.-Кл.Ришар, чьи взгляды поддержала Е.М.Штаерман. Все исследователи, как правило, приводят в пользу своей точки зрения свидетельства античной традиции, чаще, правда, выборочно и без должного учета хронологии событий.

Проблема происхождения римских сословий затрагивает ряд принципиальных вопросов, по-разному решаемых в науке, таких, как датировка их появления на исторической сцене, как понимание термина *patricius*, соотношение его с патрициатом и участие плебса в куриатных комициях. Так что классификацию теорий можно даже детализировать. Но ее, как представляется, следует, напротив, упростить, потому что выделяются две основные точки зрения на причины возникновения патрициата и плебса, которые в конечном счете определяют и этнические, и религиозные, и социальные различия. Это - факторы завоеваний и экономической дифференциации.

Современный уровень знаний римской архаики позволяет говорить о ней не "вообще", не "в общем и целом", а выделяя разные этапы ее развития и выявляя их специфику. Многие феномены и события ранней Республики невозможно понять без углубления в царскую эпоху, которая в свою очередь не может рассматриваться единообразной, так же как эпоха ранней Республики в социально-политическом отношении - не застывший монолит. V и IV вв. до н.э. разнятся между собой.

Итак, что же известно о патрициях и плебсах царского времени. Наши главные источники - Цицерон (г.р., II, IX, 16), Дионисий Галикарнасский (II, 81), Ливий (I, 8, 7.), Плутарх (Р., XIII) и Аврелий Виктор (*vir. ill.*, I, 12) - относят их существование к правлению первого царя Ромула, причем греки даже изображают их как создание этого царя. Римляне, подобно другим народам, относили стародавние события, которые они не могли точно датировать, на счет своих героев, ставших легендарными. Одним из наиболее популярных был, конечно, Ромул. Именно он считается основателем города Рима и даже Римского государства с его общественным строем, религиозными устоями и системой управления. Конечно, в рассказах о Ромуле сохранилось много достоверных сведений о древнейшем Риме⁶. Но нельзя забывать, что Ромул - фигура собирательная, в которой слились деяния нескольких вождей, живших и до и после него. Поэтому из интересующего нас сообщения с осторожностью можно извлечь лишь одно - патриции и плебеи появились в Риме в незапамятные времена, каковыми для писавших о них авторов была царская эпоха.

К такой осторожности побуждает нас то, что Ливий, Дионисий и другие авторы конца Республики писали языком своего времени⁷, отстоящим от Ромулова на 600 лет, пользовались словами в привычном для них значении. Действительно, исключительно эрудированный философ и правовед Цицерон, искушенный в юридической терминологии, называет тем не менее древнейших сенаторов царской эпохи “оптиматами”, т.е. принадлежащими к “партии” лучших, благонамеренных сторонников республиканского строя, каковых в еще не порвавшем с первобытностью Рима не было, а римскую общину того времени рисует как развитое государство (Cic. г.р. II, XII, 23).

В духе своей эпохи употребляют слова “плебс” и “народ” все названные авторы. В самом деле, Дионисий, как давно известно, обычно пользуется словом *δημος* в значении “народ”, а в значении “плебс” — то *δημοτικοί*, то *δημοτικὸν πλῆθος*, то просто *πλῆθος*. Но порой это у него равнозначно демосу. Иными словами, зачастую у него и народ и плебс означают простонародье, простолюдинов. Яркий пример такого словоупотребления мы находим и у Ливия (II, 9, 5) и у Плутарха (R. XIII). Рассказав о том, что Ромул назвал сто лучших граждан патрициями, Плутарх сообщил, что остальных царь посчитал демосом и *παῖρος* и эта масса была названа людьми из народа (*πολιέων*). Здесь *πλῆθος* оказалось идентичным демосу. Аналогично Ливий, как потом Евтропий (I, III), иногда взаимозаменяет слова “плебс” и “народ” (Liv. II, 2, 4-11; V, 20, 4-5)⁸. Цицерон использует слово *populus* для обозначения народа в целом, без выделения патрициев и плебеев (Cic. г.р. I, 25, 39). То же прослеживается и у Аврелия Виктора (Vir. ill. 7,7). Все это говорит в пользу того, что на уровне поздней Республики и Империи плебс входил в состав “народа” (*populus*) и зачастую оба слова понимались как “простой народ”.

В конце Империи в этом уже сомнения не было. Так, в “Институциях” Юстиниана (1, 2, 4) утверждается: “А плебс отличается от *populus* тем, чем вид от рода: ведь названием “народ” обозначаются все граждане (*cives*) в совокупности, включая также патрициев и сенаторов, а названием “плебс” — прочие граждане без патрициев и сенаторов”. Здесь устоявшаяся, официальная точка зрения. Но текст Юстиниана лишь венчает серию свидетельств. Во-первых, он почти полностью повторяет “Институции” Гая (1, 3), в свою очередь повторенные в этом пункте в “Дигестах” (50, 238). Значит, так было и во II в. до н.э. Во вторых, те же данные можно извлечь из нарративных источников. Образованный компилятор Авл Геллий, тоже живший во II в. н.э., ссылаясь на своего предшественника Капитона, пишет: “Плебс отличается от народа (*populus*), потому что в народ входит любая часть (*pars*) гражданства (*civitas*) и все входящие в него сословия (*ordines*), плебсом же называется та часть, в которую патрицианские роды (*gentes*

patriciae) не входят (Gell. X, 20, 5). У Феста (р.264), тоже писавшего во II в. н.э., но объяснявшего вещи, переставшие быть понятными, т.е. оставшиеся в прошлом, в плохо сохранившемся тексте можно прочесть: "...ведь народ (populus) состоит из отцов (patres) и плебса". Слова более ранних античных писателей подтверждает Исидор Севильский, живший в эпоху раннего средневековья: "Populus - это все гражданство (civitas) в целом, простонародье же (vulgus) - это плебс. Плебс ведь называется от множественности (pluritate) ... Populus по-гречески называется *συχνος οχλος*, т.е. многочисленная чернь" (IX, 4, 6). В другом месте у Исидора: "... Populus же тем отличается от плебеев, что это - все граждане, считая старейшин (seniores) гражданства. А плебс означает простонародье без старейшин" (IX, 4, 5). (Аналогичная мысль содержится в "Институциях" Юстиниана - I, 24.) Seniores в этом тексте Исидора - сенаторы, знать. Ведь далее Исидор (IX, IV, 8) поясняет: "Название сенаторам дает возраст, а другие говорят, что сенаторы - от дозволения, потому что сами они имели возможность действовать". В текстах Исидора ясна эволюция термина populus, по крайней мере с времен поздней Республики: populus - все гражданство, включая плебс - простолюдинов. Populus включает сенаторов, т.е. знатную верхушку, и простонародье, ведь это - большая часть всего народа (Isid. IX, IV, 6). И здесь уже слышится уничижительный оттенок в понимании слова "народ".

Таким было положение в эпоху, далеко отстоящую от рассматриваемого нами времени. Но можно ли распространить приведенные определения populus на начало Республики? Этот вопрос продолжает дебатироваться в науке почти 200 лет.

С появлением в XIX в. "Римской истории" Г.Б.Нибура⁹ в историографию римской истории вошло положение о том, что первоначальный (Ромулов) римский народ (populus) состоял из патрициев. Патриции - одновременно и патроны. К их защите прибегали клиенты, включавшиеся в род своих покровителей. Таким образом, более точно говоря, изначальная римская община состояла из патрициев и клиентов, из числа которых впоследствии пополнялись ряды плебеев. Но первые плебеи - это завоеванные Анком Марцием и переселенные в Рим латинцы, не включенные в родовую организацию 30 курий. Жан-Клод Ришар¹⁰ полагает, что сперва populus был однородным и лишь в начале V в. до н.э. распался на патрициев и плебеев.

Вернемся теперь к данным античной тридидии, памятуя об особенностях лексики античных писателей. Обратим внимание на следующие факты. Уже на заре царской эпохи римляне, общаясь мирно или в процессе войн с соседями, включали переселявшихся в возникающий город людей в свою гентильную организацию. Склонный к подробностям Дионисий зафиксировал такие случаи уже при Ромуле (Dionys. II, 50). После победы над Камерией Ромул со своим соправителем

Титом Тацием разрешили камеритам перебраться на жительство в Рим и распределили их по куриям (*ταῖς φρατρίαις*). Так же поступил и Ромул, одержав победу над вейентами. Он принял их в римскую общину и распределил по куриям (Dionys. II, 55). Тулл Гостилий, разрушив Альбу, переселил альбанцев в Рим, включив их в трибы и курии (*εἰς φυλὰς καὶ φράτρας*), причем роды Юлиев, Сервилиев и прочих причислил к патрициям (Dionys. III, 29). Анк Марций, как уже упоминалось, вел много войн с латинами и, наконец, победил их. Победенных царь перевел в Рим, расселив на Авентине и в долине Мурции, соединявшей Авентин с Палатином. При этом жителей Политория, поскольку город в конечном счете сдался, римский правитель включил в состав гентильных триб (*εἰς τὰς φυλὰς* — Dionys. III, 37, 3). Относительно населения взятых штурмом городов — Теллен, Фиканы и Медуллии — о принятии его в гентильную организацию Рима Дионисий не сказал. Уже Нибур подметил это и подчеркнул, что в то время число гентильных триб было установлено и увеличивать его было нельзя. Таким образом, насильственно депортированные в Рим латины образовали наряду с народом 30 курий — “особую общность, давшую начало и плебейству”¹¹.

Конечно, можно возразить, что аргумент *ex silentio* не надежен. Однако молчание Дионисия не стоит особняком, а обрамлено не только сообщением о политорянах, но и рассказом о переселении в правление этого же царя, Анка Марция чужеземца из Этрурии Лукумона, будущего царя Тарквиния Древнего (Приска). Этот искатель счастья прибыл в Рим по совету своей жены, знатной Танаквиль, умной и честолюбивой этрусской женщины. Ведь все были наслышаны о том, что римляне охотно принимают в свой город чужаков и многим из них удалось добиться высокого положения в обществе. У себя же на родине в городе Тарквинии Лукумону путь к власти был затруднен из-за его происхождения: отцом его был грек из Коринфа Демарат¹². Значит, Лукумон был полукровкой. Отправившись в Рим с женой и сопровождавшими его этрусками, Лукумон благодаря своей мудрости, образованности и богатству был не только милостиво принят Анком Марцием, но стал воспитателем его детей, был причислен к патрициям и сенаторам (Dionys. III, 41, 5). Мало того, и он сам, и его этрусские друзья и родичи вошли в состав одной трибы и курии (*εἰς φυλὴν τε καὶ φρατρίαν*), получив каждый место для дома и участок земли по жребию (Dionys. III, 48, 2).

Учитывая все сказанное, можно сделать заключение, что латины, поселенные Анком Марцием в Риме, кроме политорян, в римскую гентильную организацию действительно не вошли. Таким образом, Нибур был прав, признав в них особую группу римского населения, давшую начало плебсу. Так, думается, должен решаться вопрос о про-

исхождении плебеев. Но это не значит, что римское плебейство всегда росло лишь за счет естественного прироста. Конечно же, появились другие каналы, расширявшие ряды плебеев. Это могли быть прибывавшие в Рим добровольные переселенцы из числа соседних простолюдинов, в то время как знать римских соседей продолжали принимать в трибы и курии и зачислять их в патриции. Хрестоматийный пример того - Аппий Клавдий, пришедший из сабинской обаласты в растущий Рим вместе со всем своим многочисленным родом, включая клиентов (Suet. Tib. I, 1; Liv. II, 16,4, VI, 40,4; Plut. Popl. XXI; Dionys. V, 40). Нельзя исключить и появление плебеев в процессе социальной дифференциации римского населения¹³.

Об обедневших, вынужденных покинуть свой род известно с эпохи первых царей. Но в то время такие люди выходили из положения либо ища патроната, вступая таким образом в более сильный род в качестве клиентов, либо при наличии в римской общине резервной земли, образуя новый род с новым именем. При этом в одном и том же месте могли оказаться представители разных родов, формировавшие общину соседского, т.е. территориального, характера. Но и в таком случае они не теряли принадлежности к гентильной организации. Так было до тех пор, пока производственные возможности римской общины не поставили предела для ее демографического расширения. Первым сигналом этого и явилось невключение латинов в трибы и курии Анком Марцием. После же процесс расслоения между родами и, конечно, между семьями внутри родов неуклонно приводил к увеличению числа плебеев и стал основным фактором роста плебейского населения. Но это, строго говоря, было фактом не происхождения плебса как особой социальной структуры, а ее пополнения, хронологически не совпадающим с первым. В историографии, особенно новой, этот нюанс не учитывается. И не случайно. Еще раз скажем, что подход к римской архаике без детализации ее исследования является результатом ставшего привычным признания недоброкачественности античной традиции, от чего под напором новых фактов истории отходят с трудом.

Для уяснения положения плебеев в республиканскую эпоху необходимо все же в первую очередь обратиться к моменту их происхождения. Иными словами: что вытекало из никем аргументированно не отвергнутого факта недопущения со времени Анка Марция родственных римлянам латинов в трибы и курии? Ведь главная защита, которую предоставляла гентильная организация человеку, состояла, во-первых, в возможности пользоваться землей рода, который в свою очередь получал ее от курии, в которую входил. (Вспомним пример с этрусками Лукумона-Тарквиния!). Во-вторых, входя в курию, человек получал доступ к непосредственному управлению общиной, т.е. к участию в куриатных комициях. В-третьих, будучи членом рода, при определен-

ных обстоятельствах он мог приобщиться к почетнейшему элементу управления, т.е. стать сенатором. Сама этимология слова "сенат", "сенатор", как известно, предполагает некий возрастной ценз (Isid. IX, IV, 8). Таким образом, первоначально сенатором мог стать любой представитель рода, возглавлявший входящую в него семью, превосходящий прочих своими летами. Имели ли такие возможности плебеи ранней Республики?

Мы уже сказали, что они, бесспорно, не включались в сенат. Ведь на всем протяжении патрицианско-плебейской борьбы содержанием ее было именно противостояние плебса и *patres*. Характерно, что там, где Дионисий применяет слово *патрікіои*, латиноязычный Ливий произносит слово *patres*. Вообще в его "Истории Рима от основания Города" - в описании ранней Республики VI-IV вв. до н.э. патриции встречаются крайне редко: 306 Фабиев - все *patricii* (Liv. II, 49, 4); друзья и клиенты патрициев - *patriciorum* (III, 16, 5); в 351 г. до н.э. междуцари провели в консулы двух *patricii* (VII, 22, 2). В 295 г. до н.э. матроны устроили от жертвоприношений дочь Авла Вергинию, патрицианку - *patriciam* (X, 23, 4). Только в 8-й главе X книги, где говорится о событиях рубежа IV-III вв. до н.э., Ливий несколько раз употребляет это слово (§ 1, 3, 6, 10). В остальных же немногих случаях у Ливия фигурирует прилагательное "патрицианский", что, впрочем, свойственно и другим античным авторам (Flor. I, II, 12; 12, 2; Fest. p. 270, 247; Paul. p. 137), пользовавшимся сочинением Ливия. Итак, верхушка патрициев, *patres* (Paul. p. 64), что равнозначно сенаторам, выступают в числе антагонистов плебса. Так что до законов Лициния-Секстия 367 г. до н.э. доступ плебеям в сенат был закрыт. В связи со сказанным могут смутить известные факты. Так, царь Тарквиний Древний ввел в сенат сто человек, верных себе людей. Согласно Цицерону (г.р. II, 20, 35), Ливию (I, 35, 6) и Светонию (Aug. 2), этих новых сенаторов стали называть сенаторами младших родов (*minorum gentium*), ставших патрицианскими. Учитывая антипатрицианскую направленность Тарквиния Древнего, надо думать, что эти новички в сенате происходили из плебеев. Относительно Октавиев, например, есть точное свидетельство Светония Транквилла, что они были плебеями (Suet. Aug. 1). Однако вскоре уже Сервий Туллий причислил Октавиев к патрициям. Вероятно, они не были исключением из общей массы этих парвеню. Аналогичный случай произошел после изгнания царя Тарквиния Гордого из Рима. От его репрессий погибли 164 сенатора из 300. При установлении Республики пришлось сенат пополнять (Liv. II, I, 10; Fest. p. 304; Plut. Rom. 11). С тех пор сенаторов старого состава продолжали именовать *patres*¹⁴, а новых стали называть конскриптами (*conscripti*), т.е. внесенными в список, и утвердился обычай созывать на заседания с помощью глашатаев обе группы по отдельности. Ливий (II, I, 10) говорит,

что новички были набраны из всадников и это привлекло сердца плебей к патрициям. Но надо заметить, Ливий обращается с термином "всадники" начала Республики весьма вольно. Вспомним, что он назвал всадником Сп.Мелия (IV, 13, 1). Это его утверждение можно объяснить тем, что в раннем Риме всадники, по конституции Сервия Туллия, входили в I имущественный разряд, т.е. принадлежали к самым богатым (в том числе плебейм), кого царь стремился привлечь в войско. Таким образом, применительно к началу Республики всаднический статус больше говорил о состоятельности, чем о знатности. Это тем более верно, что изменение состава сената было воспринято с удовлетворением плебейми. Но есть и прямое свидетельство Феста (р.304) о том, что конскрипты были по происхождению плебейми. О принадлежности конскриптов к простому народу говорит Плутарх (Quaest. Rom. 58). Есть еще одно свидетельство в пользу того, что конскрипты были избраны не из всадников, а из плебеев. Павел в извлечениях из труда Феста (р.6) сообщает, что принятые из всаднического сословия в число сенаторов, ввиду их нехватки, называются адлектами (adlecti), конскриптами же он считает списочный состав сената, т.е. фактически сенаторов нового происхождения. О конскриптах как о сенаторах из простого народа говорит Плутарх (Quaest. Rom. 58). Наконец, у Зонары (7,9) сказано о включении в сенат плебеев еще при Сервии Туллии. Можно думать, что конскрипты по аналогии с сенаторами младших родов были возведены в патрициат. Такого рода случаи известны и для времен поздней Республики и Империи (Тас. Апп. XI, 25). О включении конскриптов в почетное сенатское сословие, отличное от простолюдинов, сообщает Плутарх (Rom. XIII). Главное же доказательство обретения патрицианского статуса новыми сенаторами заключается в том, что в плебейско-патрицианской борьбе на протяжении ранней Республики сенат всегда выступал согласованно и олицетворял собой оплот патрициев. Существует в науке еще одно понимание конскриптов, предложенное А.Момильяно¹⁵. Он видит в них особый социальный слой Рима, связанный с патрициями, но не слившийся с клиентами, не патрициев и не плебеев. Но в источниках такое определение конскриптов опоры не находит. Однако оно может стимулировать стремление предполагать в конскриптах богатых плебеев.

Но может быть, плебеи принимали участие в куриатных комициях? Этот вид народных собраний действовал, согласно традиции, уже в самом начале царской эпохи. Они были сходкой мужчин-воинов (и отставников), собиравшихся по куриям. Хотя греческие авторы Дионисий Галикарнасский (II, 7, 21), Плутарх (Rom. XX) и Дион Кассий (1, 5, 8) идентифицируют курии с фратриями, от этих социальных единиц, действовавших в период раннеродового общества, они кардинальным образом отличались. Это заметил уже П.Де Франчиши¹⁶.

Можно уточнить разницу между ними¹⁷. В куриях, в отличие от ранних фратрий, дела решались только мужчинами. Они принадлежали патриархальному обществу и не представляли собой полностью естественных кровнородственных объединений. Подобное зарегистрировано этнографами у менее развитых, чем римляне Ромула, народов, в частности у пауасов, которые легко принимали в родственную группу чужаков¹⁸. Так и входившие в курию роды вовсе не обязательно были связаны между собой родственными узами; нельзя даже сказать, что внутри курии все роды были этнически однородными. Но курии имели черты общины и учитывали не отдельных людей, а именно роды. На этот счет есть прямое свидетельство Авла Геллия (XV, 27,5), принятое во внимание еще Г.Б.Нибуром и Т.Моммзенем¹⁹: "Когда голосуют на основе родов (*ex generibus hominum*), это - куриатные комиции, когда на основе ценза и возраста - центуриатные, когда на основе регионов и местностей - трибутные". Геллий употребляет здесь слово *gens*. Оно, как и слово *gens*, многозначно. Одним из основных их значений является род, племя, происхождение. Приведем яркие примеры слова "генус" в значении род. Павел Диакон (Fest, p.137), поясняя слово "фламин", говорит, что старшими из них называются те, кто принадлежит патрицианскому роду (*patricii generis*). В Дигестах (22,2,1) в титуле, посвященном доказательствам и презумпциям, говорится о вопросах, которые задаются в судебных процессах - какого рода и племени человек (... *quaeretur genus vel gentem quis haberet*...). С тем же смыслом применяет это слово Исидор Севильский (IX,5). Представляется, что эти парадигмы служат наглядным подтверждением правомерности данного нами перевода текста Авла Геллия.

Итак, в основе куриатных комиций лежали роды отцовского характера, включавшие и клиентов. Для ответа на поставленный выше вопрос необходимо выяснить, были ли роды у плебеев. В общем-то, не мудрствуя лукаво, сразу можно сказать, что были. Ведь весь Лаций, а не только Рим, во время появления плебса находился примерно на одном и том же уровне развития. Археологические раскопки на месте латинских центров, в том числе и городов, покоренных и разрушенных Анком Марцием, представили глазам наших современников материалы в виде местной и привозной греческой и этрусской керамики, ювелирных изделий из золота и оружия несколько не хуже римских, но порой и превосходящих их богатством и качеством исполнения²⁰. Общество Лация было аналогично римскому, имело курии, зачастую в разных городах жили родственники, носившие одни и те же родовые имена: Юлии и Сервилии в Риме и Альбе, Мамии - в Риме и Тускуле и т.д. Следовательно, у латинов была в городах своя гентильная организация²¹. Но это не значит, что родовое устройство у латинов при их депортации в Рим непременно сохранилось, тем более в условиях не-

принятия в трибы и курии. Разумеется, отменить родство (cognatio) нельзя, но не принять его во внимание формирующимся римским полисом можно. Уже патриархи ро- анистики обратили внимание на вопрос о пле- ейских родах²², считая фактическое их существование естественным. Правда, Моммзен появление самостоятельных родов у плебеев относил к более позднему, т.е. республиканскому, времени, когда они были допущены в курии. Думается, что оба исследователя по-своему правы. Прежде всего отметим, что римское государство знает множество плебейских родов. Такими знаменитыми в эпоху поздней Республики были Семпронии. Из семьи Гракхов, принадлежавших этому роду, вышли зна- енитые демократические деятели, братья Тиберий и Гай, плебейские трибуны соответственно 133 и 123-122 гг. до н.э. Не менее громкое имя принадлежит роду Антониев, чей представитель Марк Антоний вошел в историю как цезарианец, потом - член II триумвирата (43 г. до н.э.), блистатель- ый полководец и возлюбленный супруг царицы Клеопатры. Но на политическом поприще в пределах ранней Республики выделялись члены плебейских родов обычно в качестве плебейских трибунов. До учреждения этой должности снискал себе славу уважаемый плебей Менений Агриппа (Liv. II, 32,8), сумевший, как гласит легенда, уговорить удалившихся на Священную гору плебеев вернуться в Рим и помириться с патрициями. Известны первые плебейские трибуны (494 г. до н.э.) - Гай Лициний и Луций Альбин, а также их сподвижник - Сициний (Liv. II, 33,2). В 480 г. до н.э. активно выступал против патрициев трибун Тиберий Понтифиций (Liv. II, 44,1). Яркой личностью был Луций Ицилий, занимавший трибунскую должность трижды, автор закона о разделе между плебеями Авентинских полей (Liv. III, 31,32; Dionys. X, 31). Античная традиция донесла до нас романтические детали его биографии: любовь к прелестной плебейской девушке Вергинии и непримиримую вражду к ее оскорбителю. Личная драма стимулировала антипатрицианскую деятельность Ицилия. В качестве активных борцов за права плебеев известны и другие Ицилии, бывшие плебейскими трибунами в конце V в. до н.э. Если в IV в. до н.э. род Ицилиев угас, то, наоборот, набирает силу род Лициниев²³. Среди них выделилась фамилия Столонов, а позднее, в III в. до н.э. - Варов, вошедших в новый нобилитет, образовавшийся в результате окончания плебейско-патрицианской борьбы, равно как в I в. до н.э. - семьи Крассов и Лукуллов.

Кроме безусловно плебейских родов в Риме известны и одноименные патрицианско-плебейские роды. Их история не только показывает реальную жизнедеятельность плебейских gentes ранней Республики, но проясняет также вопрос о пополнении плебейского населения в Риме. Среди таких родов можно назвать в качестве наиболее знаменитых Юниев, Вергиниев и Клавдиев. Знатность Юниев проистекает уже

из близости их имени к имени одного из верховных божеств, Юноны. Луций Юний Брут приходился по матери родственником последнему царю Тарквинию Гордому, или, как удачно уточнила Н.Г.Фомичева²⁴, Спесивому. Поскольку первая консульская пара 509 г. до н.э. состояла из Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина, можно обосновать принадлежность Юниев к патрициям. В последнее время это получило косвенное подтверждение в найденной в Сатрике надписи²⁵. Этот эпиграфический памятник, документируя личность Валерия, удостоверяет и сведения античной традиции о первых годах Республики, поставленные под сомнение гиперкритиками.

Если Юнии архаической эпохи были патрициями, то в эпоху поздней Республики заметное место в обществе занимали Юнии - плебеи. Именно Марк Юний Брут²⁶ вместе с Гаем Кассием стоял во главе заговора на жизнь Юлия Цезаря. В историчности этого Юния Брута никаких сомнений нет.

Что касается Вергиниев, то и они в начале Республики фигурируют в виде двух ветвей - патрицианской и плебейской. Среди них многие часто избираются на консульскую должность²⁷ начиная с 502 г. до н.э. Они принадлежат к фамилии Трикостов, имя старшего сына обычно - Опитер. На древность рода Вергиниев указывают некоторые из их личных прозвищ - Целимонтанский, Эсквилинский. Ведь Эсквилин и Целий - места древнейших поселений вечного Города. Наряду с этими патрициями уже в V в. до н.э. встречаются, безусловно, плебейские Вергинии. Это - плеяда плебейских трибунов середины V и начала IV в. до н.э. Это, наконец, Луций Вергиний, отец девушки Вергинии, овладеть которой вознамерился децемвир Аппий Клавдий. Характерно, что, добиваясь благосклонности римлян, как родственник децемвира, так и Вергиний в равной степени оперировали настроением и положением своих родичей, т.е. и Клавдиев и Вергиниев (Liv. III, 58, 1-5).

Без преувеличения Клавдиев можно назвать героями V в. до н.э. Они принадлежат патрицианской знати, постоянно фигурируют среди консулов и обычно в качестве ярых противников плебса. Характерно, что у них первоначально нет когномена. Третье имя встречается лишь как агномен, т.е. личное прозвище, обычно по наследству не передаваемое, как, например, Инрегилльский, т.е. родом из Регилл. В это время они выступают как представители рода.

Иное дело - Клавдии IV в. до н.э. Тут наряду со знаменитым цензором 312 г. до н.э., обладавшим личным прозвищем - Цэк, т.е. Слепец, мы встречаемся с Клавдиями Каудексами, особенно прославившимися уже в III в. до н.э., с Центонами, также известными особо в III в. до н.э., и, наконец, с Клавдиями Марцеллами. Появление когноменов знаменует собой упрочение фамилии, т.е. семьи внутри рода. И если первые из названных семей были патрицианскими, то Марцеллы - плебейской

семьей. Марк Клавдий Марцелл был первым в этой плебейской фамилии, кто достиг в 331 г. до н.э. консулата. Впоследствии Клавдии Марцеллы дали отечеству много славных героев: полководцев I и II пунических войн, Союзнической войны и т.д. Судьба Клавдиев может наглядно показать, что единый патрицианский род, расколовшись на фамилии, исторгал из своей среды лишние семьи, которые переходили в плебеи. Однако и они с течением времени могли подняться, разбогатеть и претендовать на знатность. Но этот же род показывает пример перехода из патрициев в плебеи намеренно, ради достижения должности плебейского трибуна. Как раз так поступил в I в. до н.э. Клодий (Клавдий) Пульхр. Этот Красавчик (именно так и переводится его когномен) был замешан в нашумевшей адюльтерной истории. Он, переодевшись женщиной и подкупив служанку, пробрался в дом Гая Юлия Цезаря на свидание к его жене в праздник Доброй Богини, на котором присутствие мужчин не допускалось, но был изобличен. Безнравственный поступок Клодия был объявлен святотатством. За это на него обрушился Цицерон, а Цезарь развелся со своей женой, заявив, что она должна быть вне подозрений. Однако это не помешало ему помочь юноше в его карьере. Он поддержал его кандидатуру в плебейские трибуны на 58 г. до н.э. Клодий для совершения *transitio ad plebem* должен был пройти усыновление членом плебейского рода. Таким образом, это могло быть еще одним каналом появления одноименных патрицианско-плебейских родов и одновременно каналом пополнения плебейства. Однако для времени ранней Республики такое мало вероятно. Античное предание донесло лишь один случай подобного рода. Но он более чем сомнителен. Герой событий - патриций Луций Минуций, донесший в 440 г. до н.э. сенату на богача Спурия Мелия, что тот стремится к царской власти, избрав для достижения цели такой способ, как бесплатная раздача хлеба плебеям в голодный год. Сам же Минуций был в то время назначен распорядителем снабжения Рима продовольствием. Несчастный Мелий был за свои благодеяния убит Гаем Сервилием Агалою, провозглашенным за это героем, а Минуций якобы был почтен сенатом, но перешел в плебеи (Liv. IV, 12,6-16,2; Dionys. XII, 4,6). Эта несообразность была объяснена Ф.Корнелиусом²⁸. По его мнению, разделенному О.В.Сидорович²⁹, переход Минуция в плебейство был обусловлен тем, что он не сумел выполнить возложенные на него обязанности, т.е. совершил если не преступление, то проступок, а потому и претерпел *capitis deminutio*. Этим термином в Риме обозначали умаление правоспособности (Gai I, 159-161). Оно было трех степеней: наибольшая, когда терялись и гражданство и свобода, средняя - при потере гражданства (изгойство), наименьшая - при изменении статуса. В случае с Минуцием имело место последнее.

Параллелью знатым плебеям Клавдиям Марцеллам служат плебеи Лицинии Столоны. Гай Лициний Столон, плебейский трибун 367 г. до н.э., первым прорвал стену неравноправия между плебеями и патрициями (Liv. VII, 42). Он был знатым и богатым настолько, что женился на патрицианке, принадлежавшей к знаменитому роду Фабиев. Упомянем еще раз богатых и знатных плебеев Мелиев, среди которых был несчастный Спурий Мелий, обвиненный в домогательстве царской власти, а также Публий Мелий Капитолин, достигавший в 400 и 396 гг. до н.э. должности консулярного трибуна. Впоследствии младшими фламинами становились представители плебейских родов (Fest., Paul. p.137).

Уже приведенных примеров достаточно, чтобы сказать, что в начале Римской республики плебеи обозначались с помощью поппеи, т.е. родового имени, а с IV в. до н.э. - и когномена, т.е. имени ветви рода, или большой патриархальной семьи, выделившейся в роде. Это свидетельствует о том, что плебеи не теряли представления о своих родах, не утрачивали полностью родовых связей. Их разрыв коренился в самом факте образования плебейства, в отстранении от куриально-трибальной организации авентинских поселенцев Анком Марцием. Отражением этого разрыва является всегда подушное наделение плебеи землей. Оно выражается словом *virgatum*, буквально - по мужам. Ноний Марцелл (1, 43) объясняет: "*Virgatum* - значит по отдельности, по отдельным мужам". Согласно античным авторам, таким образом наделал завоеванной землей Ромул "граждан" (Cic. r.r. II,26), при этом двумя югерами (Varro R.r. I,10,2; Fest., Paul. p.47). Этот способ укоренился при ассигновании полей плебеям-колонистам (Liv. IV, 48,2), а также среди плебеев, остававшихся в Риме (Liv. V, 30,8; Diod. XIV, 102; Colum. I,3,10).

Скорее всего как община плебейский *gens* не функционировал, а если и существовал, то, можно думать, в виде воссозданной или вновь образованной структуры. Плебейские родовые общины вырастали из наиболее благополучных, состоятельных семей, развившихся до второго образования рода. Судя по всему, процесс оживления плебейских родов дал себя знать именно в IV в. до н.э. после законов Лициния - Секестия (367 г. до н.э.), утвердивших большое значение плебейского элемента в Риме. До этого плебейские роды римским государством во внимание не принимались. Именно это объясняет известное утверждение патрициев, будто у них одних были роды (Liv. X, 8,9). Только с учетом этого обстоятельства следует рассматривать данные об участии (или неучастии) плебеев в куриатных комициях. Напомним, что уже Нибур привел много доказательств в пользу того, что в начале Республики плебеи стояли в стороне от куриатных собраний, которые имели патрицианский характер³⁰. Он сравнивает сообщения Авла Геллия

(XV, 27) и Дионисия (II, 8). Геллий говорит, что на куриатные комиции участники созывались ликтором, а на центуриатные - с помощью горна Дионисий рассказывает, что патрициев созывали на собрания с помощью курьера поименно, а весь народ, т.е. центуриатные комиции, созывался звуком горна. Отсюда - идентичность собраний патрициев и куриатных собраний. То же самое следует, по мнению Нибура, из сообщений Ливия, что Тарквиний Приск отвел специальные места в цирке для *patres* и всадников, и Дионисия, что эти места были отведены для курий.

Подмечает Нибур и еще некоторые важные вещи. Поскольку и избрание царей, а потом магистратов, и решения народных собраний должны были в древности подтверждаться, он выясняет, кем именно это производилось. Дионисий говорит, что это делалось патрициями (II, 60), а Ливий (I, 22; 32, 51) - что сенаторами, т.е. сенатом. При этом куриальный закон об империи (высшей военной власти) у Ливия всегда связывается с *auctoritas patrum*, т.е. с решением отцов-сенаторов, а у Дионисия - с решением патрициев. Так что отцы-сенаторы (*patres senatores*) - патриции. Значит, куриальный закон - это закон патрициев. Тождество патрицианских и куриатных собраний усмотрел Нибур и в рассказе Ливия о том, что в 366 г. до н.э. при избрании Луция Секстия первым из плебеев на консульскую должность отцы-сенаторы заявляли, что они не утвердят избрание (VI, 42, 10-11). О противостоянии отцов-сенаторов и курий плебеям, что подводило их к сецессиям, пишут Дионисий (VI, 90; X, 4) и Цицерон (*pro dom.sua* 14 (39)). Этим они отождествляли патрициев с членами курий. Таким образом, аргументы Нибура очень весомы.

Все же существуют контраргументы. Во-первых, свидетельство того же Дионисия (VI, 89,2) об избрании первых плебейских трибунов в куриатных комициях при распределении плебса по имеющимся фратриям, куриям (VI, 89,1). Но в 471 г. до н.э. их выборы были перенесены в трибутные собрания (Dionys. IX, 41;49). Упоминается об этом и в комментарии Аскония к не дошедшей до нас речи Цицерона (*pro Cornelio*). Эти утверждения стоят в полном противоречии с патрицианским характером курий, материалы о чем нельзя игнорировать. Отметим, однако, что их можно объяснить с помощью того же Цицерона. Во Второй речи об аграрном законе он заметил, что предки повелели, чтобы о каждом виде магистратов римляне выносили свое решение два раза: "Ведь когда о цензорах издавался центуриатный закон, а о прочих патрицианских магистратах - куриатский, то об одних и тех же лицах выносили решение дважды, дабы народ мог взять свое решение обратно, если он раскается в милости, какую оказал" (*leg. agr.* II, 11,26). Плебейских трибунов Цицерон здесь не называет, потому что это не патрицианская должность. Но и в отношении плебейских магистратов

речь могла идти как о подтверждении в куриатном собрании выборов, прошедших либо в центуриатных комициях, либо на сходках по трибам.

Второй контраргумент состоит в известии о том (Liv. XXVII, 8, 1-3), что в 209 г. до н.э. первый великий курион был избран из плебеев. Обратим внимание на позднюю (конец III в. до н.э.!) датировку этого события. Она никак не подтверждает сообщения Дионисия. Из приведенного свидетельства Ливия с безусловностью можно вывести лишь одно заключение: в III в. до н.э. плебеи в куриатных собраниях участвовали. Но это и не удивительно. Ведь именно в начале III в. до н.э. закончилось патрицианско-плебейское противостояние, произошла трансформация социальных и политических сил в Риме, верхушка плебса слилась с патрициатом, куриатные собрания потеряли реальное значение, а трибутные стали общими патрицианско-плебейскими комициями. Так что вполне можно заключить, что тогда же плебейские роды и были признаны государством, а их представители допущены в куриатные комиции. Впрочем, начало этому процессу могло быть положено и раньше, т.е. после законов Лициния-Секстия. Тогда естественно допустить, что если плебеи получили в 367 г. до н.э. должность консула, то и двери куриатных собраний для них открылись. Но это - IV в. до н.э., а не начало Республики. Во всяком случае при Дионисии и Цицероне такое положение уже стало обычным, давно утвердившимся явлением, и подтверждение избрания плебейских трибунов куриями было идентифицировано названными авторами с их избранием.

Контраргументы более шатки, да их и меньше, чем у Нибура. Хочется при этом еще раз подчеркнуть, что представление об изначальном участии плебса в куриатных комициях зиждется либо на чисто умозрительном, как у Казера, либо на ретроспективном, без хронологических оговорок, использовании действительно исторических фактов, т.е. на вхождении плебеев в курии в эпоху поздней Республики. Неправомомерность такой позиции ощущал уже Моммзен³¹. Не случайно он нигде не говорит о том, что плебс сразу стал голосовать в куриях, относя это событие только к ранней Республике, но точно не датируя его и сопрягая с признанием части плебейских родов государством. Нельзя при этом забывать, что плебеи этот гигант науки XIX в. считал происходящими от клиентов, входивших в патрицианские роды. (В новейшее время в том же духе высказывается и Р.Гюнтер³².) Для оценки тезиса Моммзена этот нюанс очень существен. Характерно, что более новые оппоненты Нибура весьма различно судят о времени допуска плебеев в курии. Так, Г.Генц³³ называет начало Республики, Ф.Де Мартино³⁴ - эпоху этрусских царей, Ж.-Кл.Ришар³⁵, по-видимому, царскую эпоху, поскольку полагает, что сословные различия в Риме явились результатом длительного развития, а сначала римская община

была единой. По мнению А. Гуарино³⁶, допуск плебеев в патрицианские курии падает на позднее время, когда куриатные комиции потеряли всякое реальное значение. Примерно того же мнения придерживаются И. Хан³⁷ и О. В. Сидорович³⁸. Отсутствие единства мнений по поводу датирования закономерно. Традиция точных и безусловных данных не содержит. Приходится учитывать баланс свидетельств.

Как представляется, концепцию Нибура можно еще подкрепить некоторыми соображениями. Они связаны с пониманием терминов "народ" (*populus*), а также с постановлениями народных собраний.

Ранее мы уже упоминали о том, что слово *populus* - очень древнее. Римляне называли себя *populus Romanus Quirites* (или *Quiritium*). Заметим, что сама эта формула указывает на неразрывную связь первоначального *populus* с куриальной организацией. Ведь одним из наиболее убедительных толкований слова "квириты" является слово "куриты", т.е. члены курии, а не "копыеносцы"³⁹ или жители сабинского города Курес-куреты, как думали в прошлом веке⁴⁰. Таким образом, древнейшее самоназвание римлян говорит о гентильном, точнее куриально организованном, сугубо патрицианском характере изначального *populus*. И это безусловно подтверждает правильность положения Нибура о том, что ранний *populus* был патрицианским⁴¹. Ученый подчеркивал, что *concilium*, куда плебеи не входили, был собранием патрициев на городской территории, в то время как общие центуриатные комиции именовались *comiciatus*, которые собирались не в городе, а за его пределами на Марсовом поле.

Наблюдение Нибура очень тонко. Оно основано, в частности, на эпизоде, описанном древними авторами (*Liv. II, 7,7-12*; *Plut. Quaest. Rom. 91*; *Popl. 10*). В конце 1 года Республики Валерий Попликола навлек на себя немилость народа тем, что начал строить себе дом на вершине Великого холма. В этом углядели стремление к царской власти. Тогда он перенес строительство к подножию Веллии. Стремясь отвести от себя подозрение, Валерий собрал народ на сходку и склонил перед ним фасции, знаки консульского достоинства. Все это послужило тому, что Валерий получил прозвище "Попликола", или "Публикола", что значит "угодный народу". Нибур подчеркнул, что Ливий здесь, говоря о народном собрании, созванном Валерием, употребляет слова "*vocato ad concilium populo*" (когда народ был созван на собрание), которые он почерпнул у своих предшественников, анналистов, лучше осведомленных в правовых институтах древности. Значит, Ливий, сам того не подозревая, дал очень точное указание на характер народной сходки. Кроме самого слова *concilium* Нибур справедливо подчеркнул еще, что сходка проходила там, откуда хорошо была видна Веллия, т.е. именно в городе, а не на Марсовом поле. Значит, народ (*populus*) был созван на куриатные комиции, проходившие тогда обычно на Форуме.

И эти рассуждения Нибура можно дополнить и развить. Прежде всего ненависть к царской власти выросла и культивировалась в среде патрициев, а не плебеев. Именно патрицианский народ поднялся против этрусских тиранов, изгнал их из Рима. Вспомним в связи с этим показания Дионисия (IV, 84) о том, что Брут с целью лишить Тарквиния высшей военной власти обратился к собранию курий. Подчеркнутое признание Валерием верховенства народа над властью консула и снискало ему прозвище *Poplicola*, или *Publicola* (от *populus*). В прозвище "угодный народу" явно сквозит "угодный патрициям". Этому, впрочем, не противоречит то, что личные качества Валерия обеспечивали ему симпатии широких слоев римлян, т.е. всего гражданства, включая плебеев.

Идентичность *populus* и патрициев вытекает и из анализа других свидетельств традиции. Но прежде чем обратиться к ним, остановимся на латинских терминах, обозначающих разного рода народные собрания. Это - комиции, концилии и конции. Уже Моммзен установил, что античные авторы, в первую очередь Цицерон и Ливий, часто употребляют слова *concilium* и *comitia* как синонимы⁴². Заметим, однако, что часто, но не всегда. Так, в трактате Цицерона "О государстве" (II, 31,53; 38,61) народные сходки и центуриатные комиции различаются. В трактате Варрона "О латинском языке" (VI, 43) термин *concilium* сближается с *contio* якобы на основе общности их происхождения от *cogitare*. Разбирает там Варрон и слово *comitia* (VI, 93). Объясняя его, он говорит, что *contio* состоит из отдельных людей (*ex hominibus*), в то время как в *comitia* сходится народ в целом (*populus*). Авл Геллий (XV,27,4) вносит уточнение в такое понимание терминов: участие в собрании всего народа (*universus populus*) создает *comitia*, а его части (*pars*) - *concilium*. В другом месте у того же Авла Геллия (XVIII, 7,2;6;7) *contio* определяется как стечение народа (*concursum populi*), и как сходка народа (*coetus populi*). У позднего автора, эпитоматора Феста, Павла (Fest. p.33), *concilium* без всяких оговорок соотносится с *populus*. Но, вероятно, это отражает такое положение в римской жизни, когда любые собрания потеряли какое бы то ни было значение. Из сообщений названных выше авторов можно сделать вывод о том, что было время, когда *concilia* и *contiones* являлись собранием не всего народа, а его частей. Известно, что в эпоху поздней Республики в них проходили предварительные обсуждения вопросов, но постановления по ним не выносились⁴³.

Современный историк располагает многими материалами для понимания терминов, обозначавших постановления, принимавшиеся разными видами собраний в Риме. Очень важны в этом смысле юридические памятники. При повышении роли центральной власти в императорское время использование правоведами общепринятой терминологии

гии, а также юридических казусов в качестве примеров заставляли римских ученых углубляться в смысл слов, издревле служивших наименованиями решений и постановлений в Риме.

Запросы или предложения магистратов народу (*populus*) назывались *рогациями*. Их часто упоминает Ливий, говоря о борьбе плебеев за землю. Принятое в комициях по таким предложениям постановление считалось законом - *lex* (Gai I, 3; Fest. Rogatio, p.326; Paul.-Fest. p.327). И Варрон (L.I.VI,66) и Цицерон (leg. I,6,19; II,5,11) сближают *lex* с *legere*, что указывает на возможность выбора между внесенными предложениями. Выбор осуществляется народом, поэтому *lex* всегда связан с *populus* (Varro II. I. VI, 29,66; Gell. X, 20,2; Gai I, 3; Fest. p.326; Paul.-Fest. p.327) в любом значении этого слова. Закон - это *generale iussum*, главное решение народа (Gell. X,20,2; 4) или *плебса*, как говорит автор "Аттических ночей". В свое время Моммзен заметил, что важнейшие решения *плебса* в ливианской традиции именовались *leges*, чем, как нам представляется, и можно объяснить последнее замечание Авла Геллия. Принятый закон, как явствует из источников, может быть назван и описательно, словами *populus scivit* (Paul.-Fest. p.327) или *iubet, constituit* (Gai I,3).

Производное от глагола *sciscere* (голосовать, постановлять) входит в состав термина *plebiscita* (постановление *плебса*), которое постоянно встречается в рассказах античных писателей о внутренней борьбе в Римской республике. Объяснению значения *sciscere* не раз уделяли внимание римские ученые. Фест (p.184), поясняя выражение *niquis scivit*, сообщает, что так называлась *центурия*, которую учредил Сервий Туллий, чтобы ни один гражданин не лишился права голосовать, "ведь *sciscito* означает "пусть высказывают мнение", а также "пусть голосуют".

У Цицерона имеются такие словосочетания, как *neque populi iussu, neque plebiscitu* (Ad Att. 4,2,3); *quae scisceret plebs aut quae populus iuberet* (pro Flacc. 15); *scita ac iussa nostra* (pro Balbo 42). Моммзен на основе этих выражений пришел к заключению, что слово *sciscere* сначала имело общее значение, а потом превратилось в техническую формулу для обозначения постановления собраний⁴⁴. Заметим, что в приведенных технических выражениях особо отчетливо видна связь между *scita* и *плебсом*. Это соотношение ясно проступает в определениях *плебисцитов* у римских юристов и эрудитов. Так, Гай (I,3) говорит: "Плебисцит - это то, что решает и постановляет *плебс*". И далес: "Но потом был издан закон Гортензия, по которому было определено, что *плебисциты* обязательны для всего народа". В Дигестах (1,2,2,8) сказано, что *плебисцитами* были названы законы (права), которые установил для себя *плебс*, удалившись от *patres*, но впоследствии по закону

Гортензия решено было рассматривать их в качестве законов (*pro legibus*).

У Авла Геллия (XV, 27, 4) со ссылкой на Лелия Феликса сообщается: "...то, что принималось по предложению плебейских трибунов, не считалось собственно законами, но - плебисцитами... пока диктатор Квинт Гортензий не провел закона, по которому постановления плебса становились обязательными для всех квиритов", а значит, для всех тех, кто не был плебеем. Обратим внимание на слово "квириты". В данном контексте оно ориентирует читателя на то, что до закона Гортензия (287 г. до н.э.) по крайней мере, квириты, т.е. члены курий, противопоставлены плебеям. Если даже учесть, что в число всех квиритов во времена Геллия входили и плебеи, это не означает их членства в куриях в эпоху ранней Республики.

О плебисцитах трижды упоминает Фест: 1) p.372: "*scita plebei* называются те (решения), которые принимает плебс своим голосованием без участия *patres* - по предложению плебейского магистрата", 2) p.442: "... плебисцитом называется то, что предлагает трибун..."; 3) p.264: (в плохо сохранившемся тексте) "... когда плебс без *patres*... то, что плебс голосованием постановляет (*scivit*), называется плебисцитом..."

Сведения о плебисцитах, сообщаемые античными писателями и юристами, совершенно однородны. С безусловностью из них вытекает, что до закона Гортензия *leges* и *plebiscita* различались тем, что действие первых распространялось на всех граждан, а вторых, говоря словами Авла Геллия (X, 20,5), - на часть гражданства. *Leges* исходили от *populus*, а *scita* - от плебса и его магистратов. Однако *scita* принимались не только плебеями, но и другой частью граждан. Это следует из текста, принадлежащего Фесту (p.442) и дошедшему до нас в плохой сохранности:

- 28. .... "*Scitum populi*
- 29. .... <magistr>atus patricius
- 30. .... <su> ffragis iussit
- 31. .... us ex patribus et
- 32. .... iam leges scrib-
- 33. <t a...Plebisci>tum est, quod tribunus
- 34. .... <ro> gavit, id est consu-
- 35. luit...plebs autem est
- 36. .... praeter patricos".

Как видно, здесь у Феста даны определения решений (*scita*): 1) народа (*populi*); 2) плебса; 3) самого плебса.

В первом издании словаря Феста заполнение лакуны предложено Т.Моммзенем. В частности, начало он предложил читать так:

- 28. .... Scitum populi
- 29. <esd quod cum.....magistr>atus patricius

30. .... <rogavit populusque suis suf>fragis iussit.

С этим следует согласиться и попробовать сделать добавления с помощью устоявшихся юридических формул, обозначающих принятые законы (*leges scriptae*) и сенатские постановления (*senatus sententia, consultum*), а также учитывая привычную манеру того же Феста, который создает как бы параллельные тексты.

Итак, начало можно восстановить таким образом:

28. .... Scitum populi

29. <estquod ..... magistr>atus patricius

30. ... <comitiis rogavit populusque suis suf>fragis iussit.

Дальнейшее восстановление текста возможно в двух вариантах: остановимся на строках 31-33, поскольку 34-36 касаются определений плебса и плебисцитов.

Вариант 1:

31. .... <Populi convent>us ex patribus et

32. .... iam leges scrib-

33. ta<s..... Populus cives sine plebe. Plebisci>...

Перевод:

Scitum populi - это то решение, которое предлагает (т.е. вносит) патрицианский магистрат в комициях и *populus* проводит своим голосованием. Собрание *populus* состоит из *patres*, и оно законы принимает. Ведь *populus* - это граждане без плебса.

Такое заполнение лакун допустимо. Во-первых, Фесту, а за ним и его эпитоматору Павлу Диакону свойственны определения без глагола-связки: *Decures decuriones* (p.63); *Furum genetivus pluralis a fure* (p.81); *Incalanto invocanto* (p.101); *Obstipum oblicum* (p.210) и т.д. Во-вторых, логично предположить, что в тексте, посвященном *scitum populi*, завершающемся дефиницией плебса, должно присутствовать и определение *populus*. В-третьих, так как места для развернутой дефиниции *populus*, полностью параллельной последующей дефиниции плебса, в лакуне не хватает, позволительно допустить, что утраченный текст строки 6 содержал краткую формулировку по модели, зафиксированной в "Институциях" Юстиниана. Ведь это позднее произведение удерживало ранние нормы и формулы. Там (*Inst.* 1,2,4) стояло: "названием же плебса обозначались прочие граждане без патрициев".

Вариант 2:

31. .... <Magistratus elect>us ex patribus et

32. <senatui dicto magistrato tulit sentent>iam leges scrib-

33. ta<s Populus cives sine plebe. Plebisci.>.....

Перевод по 2-му варианту:

Scitum populi - это то решение, которое предлагает (т.е. вносит) патрицианский магистрат и *populus* проводит своим (т.е. патрицианским) голосованием. Магистрат, избранный из состава *patres*, и тот,

который, высказав мнение сенату, предлагает закон. Ведь народ - это граждане без плебса. Плебисцит - это.....

Оба варианта, конечно, гипотетические, но не беспочвенные. Ведь при реконструкции учтены другие тексты Феста - *scita plebei* (p.372), *populi comit...* (p.264), а также словоупотребления юристов Гая (1,3) и Помпония (Dig. 1,2,2,8). При необходимой осторожности в обращении с восстанавливаемым текстом можно сделать достаточно обоснованные выводы.

Прежде всего речь здесь идет о решении народа (*populus*), проведенном с помощью патрицианского магистрата. Уже это исключает возможность думать, что постановление принималось на плебейской сходке. Значит, решение народа - не решение плебса, народ не идентичен, а скорее противопоставлен плебсу. Упоминание именно патрицианского магистрата относит описываемое явление к эпохе ранней Республики; потому что позднее патрицианская принадлежность должностных лиц не имела никакого значения ни при внесении предложений, ни при выборах (кроме плебейских трибунов). "Свое", т.е. патрицианское, голосование не позволяет думать о центуриатных комициях, где голосование было патрицианско-плебейским.

Остановимся еще на слове *patres*, стоящем в косвенном падеже. Если бы дело шло о роли сената, то следовало бы ожидать формулы *auctoritas patrum*, где слово *patres* стоит в родительном падеже. Здесь же оно поставлено в аблативе и, можно думать, поясняет предшествующее слово или группу слов. Надежное заполнение лакун тут невозможно. Поэтому и предложены две версии: либо магистрат, действующий в собрании, выбран из *patres*, либо собрание *populus*, выносящее решение, состоит из *patres*. Тогда это собрание сенаторов и *populus* - это сенат. Но последнее противоречит известной формуле *senatus populusque romanus* (сенат и римский народ), в которой сенат наряду с народом является отдельным компонентом постановляющего целого. Таким образом, предпочтительнее второй вариант, но в любом случае слово *patres* подчеркивает неплебейский характер функционирующих в собрании, принимающих *scita* участников. Значит, *scita populi* - это решения части римлян, т.е. решения куриатных комиций, где действуют патриции, а не плебеи. Как *populus*, так и плебеи - это части гражданства. В совокупности патрицианский *populus* и *plebs* составляют *cives*, т.е. граждан. Приведенный текст показывает, что ранний *populus* не включал и патрициев, символом которых были *patres*, и плебеев, а лишь первых.

Еще одним аргументом в пользу того, что плебеи первоначально, включая раннюю Республику, не входили в *populus*, является должность плебейских трибунов и ее название. Это были именно плебейские, а не пародные защитники, в то время как народолюбом был

патриций Валерий. Симптоматично, что установленная в результате I сецессии должность всегда по традиции называлась *tribunus plebis* и никогда - *populi*, так же как их помощников - плебейские, а не народные эдилы. В противовес последним была изобретена должность курульных эдилов, доступная сначала только патрициям. В русле того же противопоставления надо рассматривать и описанный Ливием эпизод (471 г. до н.э.) борьбы за перенос выборов трибунов в собрания плебса по трибам. Против этого предложения плебейского трибуна Волерона особенно ожесточенно выступал консул Аппий Клавдий, принадлежавший к непримиримым противникам плебса (Liv.II,55,10;56,7). В его уста Ливий вкладывает слова о том, что требование трибуна покинуть собрание всем знатным (*pobilitas*) неправомерно, поскольку "его должность распространяется не на кого иного, как на плебеев, ведь она является магистратурой не народа (*populus*), а плебса (*plebs*)" (Liv.II,56,11-12). Особенно показательны заключительные слова речи Аппия: он и сам, будучи консулом, своей властью не смог бы прогнать людей, потому что, по обычаю предков, говорится: "Если вам угодно, разойдитесь, квириты!" Здесь квириты - члены курий определенно соотносены только с *populus*, т.е. с той частью римлян, которую пытался удалить с собрания Волерон. Это тоже подтверждает мысль Нибура об идентичности первичного народа (*populus*) и патрициата.

Для читателя нового и тем более новейшего времени такая идентификация режет слух. Ведь издавна слово "народ" в социальном отношении в любом обществе означает "простой народ", "незнатный". Не случайно поэтому в переводе античных авторов на современные европейские языки фигурирует идущее от классического Рима отождествление *populus* и *plebs*. Даже название должности плебейского трибуна (*tribunus plebis*) всегда переводилось как должность "народного трибуна". И все к этой неточности привыкли, она стала традицией. А ведь для ранней античности, не только для архаических римлян, но и греков, слова "демос" и "популус", т.е. народ, звучали очень гордо. Принадлежность народу была привилегией в обществе. Афинский демос в этом смысле противопоставлялся не только рабам, но и свободным метэкам, спартиаты - периекам, а римский популус - плебеем. При этом афинские метэки не были даже включены в состав гражданства, а спартанские периеки, как и римские плебеи, имели гражданский статус, но не были равноправными гражданами. Понятие гражданства выражалось в Риме словом *civitas*. У Авла Геллия мы читаем: "...*civitas* говорится о месте и о городе и также о правах всех, и о большом коллективе людей" (XVIII,7,5). Т.Моммзен⁴⁵ понимал под *civitas* гражданство, гражданские права. Вернее сказать, "полноправное гражданство", "полные права". По мнению С.Л.Утченко⁴⁶, статус гражданства (*status civitatis*) предполагал деление на полноправных и неполноправных. Однако с

этим нельзя согласиться. Уже в раннее время римляне даровали союзным общинам статус *civitas sine suffragio*, т.е. гражданства без права голосования в римских комициях, чем отделяли состояние *civitas* как полноты прав от ущемления в правах, т.е. от неравноправия.

Термин *cives* встречается уже в законах XII таблиц (I,4; V,8; IX, 1 2;5). Значит, в середине V в. до н.э. римляне осознавали себя гражданами. Разумеется, стали они ими раньше. Вероятно, все свободное римское население было объединено этим термином благодаря реформе Сервия Туллия (VI в. до н.э.).

Итак, римляне вступили в республиканскую эпоху в качестве граждан (*cives*), разделенных на *populus* и *plebs*, в отличие от позднего времени, когда *cives* стало синонимом *populus*. Из нечетких штрихов античных писателей вырисовывается непростой, состоящий из разных компонентов образ раннего *populus*. Ведь его патрицианская принадлежность отнюдь не гарантирует социальной и имущественной однородности. В самом деле, верхушку общества составляли *patres*. Давно установлено, что еще с царской эпохи это слово обозначало глав семейств в родах и наряду с этим сенаторов⁴⁷. При этом "отцы" представляли в сенате исконное ядро римлян, были истинными членами римского народа в отличие от позднее появившихся "конскриптов". Фест (р.6) выразился очень отчетливо: "...Ведь *patres* называются те сенаторы, которые принадлежат патрицианскому роду..." Иными словами, *patres* - это особая часть патрицианского народа. Их неразрывная связь сквозит в этимологии слова "патриции" и в истории происхождения сената, предложенной античными писателями.

Согласно Цицерону (г.р. II, 8,14), Ромул создал совет из лучших людей, которые были названы отцами (*patres*), а сыновья их стали называться патрициями (II,12,23). Той же версии следует Тит Ливий, идентифицировавший сенаторов и "патрес", которые либо сами были отцами, либо могли назвать своих отцов (т.е. не были безродными), чьи потомки (*progenies*) стали именоваться патрициями. Веллей Патеркул (I,8,5) тоже производит патрициев от членов Ромулова совета, которые назывались "отцами". Вслед за римской анналистической традицией Плутарх в биографии Ромула (13) пишет, что царь назначил советниками сто лучших и назвал их патрициями, то ли потому, что они были отцами, то ли потому, что сами могли указать на своих отцов. Такое упорное повторение одних и тех же сведений античными авторами не может быть случайностью. Оно вполне объяснимо, а сама версия весьма информативна. В ней сквозит патриотическое стремление римлян "облагородить" происхождение своего города и государства, представить основателей Рима не как сомнительную шайку безродных изгоев, а как добропорядочное общество с "лучшими" людьми, которых смог выделить Ромул в качестве советников. Вместе с тем

легенда несет в себе воспоминание о том, что уже первые римляне, т.е. изначальный *populus*, не были однородной массой⁴⁸. В нем были менее знатная часть, чем отцы, т.е. потомки *patres*, или патриции, а также искавшие покровительства клиенты. Дионисий (II,8) тоже приписывает Ромулу выделение знатных по роду, доблести и имуществу, у которых уже были дети, в качестве патрициев. Из них царь и набрал сенат (II,12;57). Таким образом, и Дионисий представляет первых римлян дифференцированными⁴⁹.

Примечателен в связи с затронутым вопросом текст из "Институций" Юстиниана (1,24): "Плебс, однако, отличается от народа (*populus*) тем, чем вид от рода: ведь названием народа обозначаются все граждане (*cives*), включая также патрициев и сенаторов, названием же плебса обозначаются прочие граждане без патрициев и сенаторов". Разумеется, приведенное место фиксирует существовавшее в позднюю Империю положение. Но истоки его более древни. Как не ставится здесь знак равенства между патрициями и сенаторами, так не идентичны были ранее патриции "отцам" (*patres*). Это разные общественные группы. Такое толкование вполне правомерно. Вспомним, что Дионисий (II,12;57) сообщил, что Ромул набрал сенат из патрициев. *Patres-senatores*, составляя социальную вершину патрициев, были одновременно и верхушкой *populus*, а со второй четверти VI в. до н.э. - и всех граждан (*cives*).

Есть еще один вариант предания, объясняющий привилегированное положение патрициев в последующем римском обществе. Этот вариант зафиксирован поздними авторами. Фест (р.277) сообщает, что, согласно Цинцию Алименту, в его книге о комициях патрициями называли тех, кого теперь называют ингенуями. Макробий (Sat.1,6,11) также отождествляет ингенуев с патрициями, точнее - с патрицианскими сыновьями. В римской классической юридической литературе (Gai I,10,11; Dig. I,5,5,2) сказано, что ингенуями обозначаются свободорожденные в отличие от вольноотпущенных. Это повторяет в своих книгах этимологий Исидор Севильский. Однако выделение первых патрициев по признаку свободного рождения для того архаического, не дошедшего до государственной стадии развития общества, каким был изначальный Рим, совершенно анахронистично, более чем странно. Вместе с тем определение патрициев Фестом нет оснований отбрасывать. Дело в том, что есть еще одно значение слова *ingenuus* - местный, туземный. В связи с этим приведем любопытное свидетельство Иоанна Лида (De mens. IV, 1). Говоря о наименовании месяца января, Лид останавливается на характеристике бога Януса, опираясь на авторитет своих предшественников, римских ученых: "Итак, нужно сказать о Янусе, кто он и что о нем думали древние. Лабен говорит, что его именуют Янусом и Консивием, т.е. Советником, Янусом Ценулием,

т.е. Пиршественным, Патрицием, т.е. Автохтонным". Греческое слово автохтонный, как известно, равно латинскому туземный, местный. Отсюда можно заключить, что патриции - это автохтонное, т.е. местное, население.

В таком значении слово *ingenuus* применительно к патрициям встречается не только у Иоанна Лида, но и у более ранних авторов. Так, Ливий (X, 6, 6) рассказал о том, что в 300 г. до н.э. плебейские трибуны братья Огульнии предложили закон, по которому в жреческую коллегию авгуров добавлялось еще пять человек, притом из числа плебеев. Поскольку жреческие должности занимались только патрициями, это вызвало негодование последних. Защитником патрицианских привилегий выступил Аппий Клавдий, а его противником - Публий Деций Мус, дважды консул, сын знаменитого Публия Деция Муса, консула 340 г. до н.э. По преданию, обоим консулам этого года приснился вещий сон, подкрепленный затем гаданием, что победу одержит та сторона, полководец которой пожертвует своей жизнью. Консулы договорились, что в жертву принесет себя тот, чье войско начнет отступать (Liv. VIII, 6, 9-12). Им оказался П. Деций Мус (Liv. VIII, 9, 2-12). Сын этого героя в споре с Аппием Клавдием опирался на то, что жертва его отца-плебея была принята богами не менее чем героизм патрициев. В уста Деция Муса Ливий (X, 8, 10) вложил слова, характеризующие патрициев обычными людьми. Ведь первые патриции, говорит он, не с неба спустились, а были не кем иным, как ингенуями. В данном контексте это надо понимать как "здешние люди". Но известно, что Ромуловы римляне - это пришлая молодежь. Значит, ее автохтонность, ее исконность соотнесена с более новым населением, каковым в традиции являются плебеи. Следовательно, в относительной туземности патрициев, первородстве и заключалось их изначальное превосходство, а не в постулированном богатстве, будто бы выделившим их из массы бесправных плебеев.

Упомянем в связи с этим сообщение Дионисия (IV, 20, 3-4) об учреждении Сервием Туллием центуриатных народных собраний. По мнению писателя, царь руководствовался желанием усилить в комициях влияние богатых, которых в куриях было меньше, чем бедных (*πένητες*), в то время как они имели равное право голоса (*ἰσούητοι*).

Следовательно, в царское время объединенный в куриатную организацию полноправный народ в имущественном отношении не был единообразен. Поскольку курии включали в себя мужчин из родов (*gentes*), значит, роды разнились между собой по уровню богатства, но не по правоспособности.

Вернемся, однако, к стратификации раннереспубликанского *populus*. Можно не сомневаться в том, что кроме *patres* и патрициев, а также клиентов существовали еще и незнатные, рядовые, но совершен-

но полноправные члены *populus*. Появление их можно усмотреть в римском предании опять-таки со времен Ромула. Ливий (I,9,11-12) в рассказе о похищении римлянами сабинских девушек сообщает, что юноши хватали их без разбора. Но особенно красивых, предназначенных виднейшим из отцов (*patres*), приносили им в дома простолюдины. При этом самую красивую и обаятельную схватили люди некоего Талассия. Когда встречные спрашивали, кому ее несут, похитители кричали: Талассию (*Talassio*). С тех пор вошло в обычай кричать на свадьбах "Талассию", потому что брак Талассия оказался счастливым. Так имя жениха превратилось в свадебный возглас, аналогичный греческому "Гименей!" (*Plut. Rom.15*). У Ливия люди, несшие невесту Талассию, названы "людьми из плебса" и "из клики" Талассия.

Мы уже останавливались на словоупотреблении Ливия и в связи с этим отметим, что здесь речь, несомненно, идет о простых римлянах, входивших в близкое окружение знатного Талассия. Это могли быть и клиенты. Но ни у Ливия, ни у Плутарха они так не названы. Поэтому более правомерно определить их рядовыми членами *populus*, принадлежащими попавшим в трудное положение родам. Именно из них комплектовались, вероятно, первые ряды клиентов. С течением времени число таких неудачливых родов могло увеличиваться, что углубляло дифференциацию в среде *populus*. Причины ослабления родов различны: мор, эпидемия, о каковых упоминают древние, царские репрессии или военная катастрофа. О последней можно судить по истории Фабиев, знатного и богатого рода, который чуть не прекратил своего существования. Это был древнейший род, о чем говорит его имя. Оно возводилось либо к *faba* (горох - *Plin., N. H. XVIII, 10*), либо к *fodius*, *fovius* (ров, охотничья яма - *Plut. Fab.1,2*), в чем видны следы тотемизма или первобытного рода деятельности. Фабии находились в числе тех знатных родов, кто входил в древнейшую жреческую коллегию луперков. О богатстве этого рода свидетельствует то, что одна из территориальных римских триб называлась их именем. О многочисленности и могуществе Фабиев говорит раннее выделение внутри них разных ветвей - Вибуланов, Амбустов, Максимов и др., давших Риму знаменитых полководцев и политиков. В первой четверти V в. до н.э. грозным врагом римлян был богатый и могущественный город Вейи. Этот известный культурный центр среди городов Этрурии прославился школой ваятелей. Недаром при строительстве храма на Капитолии царь Тарквиний Гордый пригласил для украшения святилища вейенского скульптора по имени Вулка. Он-то и создал замечательную композицию, изображавшую верховное божество Рима на колеснице, запряженной четверкой коней. Римлянам постоянно приходилось воевать с Вейями. И вот эту войну взял на себя могучий род Фабиев. Правда, один из них, Кезон Фабий, исполнял в тот момент (479 г. до н.э.) наряду с Титом

Вергинием должность консула. Все 306 Фабиев в сопровождении толпы из друзей и клиентов доблестно воевали с веинтами. Но в 477 г. до н.э. они погибли в битве при реке Кремере. В живых остался единственный отпрыск, который и продолжил едва не сошедший в небытие род⁵⁰.

Раньше римляне были отнюдь не богатыми. Хотя со времени этрусских царей их город стал преобразоваться, появились величественные храмы, дома строились на каменном фундаменте, усовершенствовалась система отвода сточных вод, центр Рима замостили, а расширившуюся территорию поселения обнесли мощной оборонительной стеной, римский быт оставался скромным. Одежду изготавливали дома из домотканного полотна и шерстяной пряжи. Утварь могла быть и привозной. Но импорт в начале Республики, как мы упоминали, сократился, преобладала местная керамика. Считалось приличным довольствоваться малым, самым необходимым. Но и среди этой общей непритязательности, которая была нормой, случались отклонения. Даже очень знатные патриции порой бедствовали. Конечно, многие из них впоследствии выкарабкивались из нищеты и прошли сквозь всю римскую историю в качестве ее героев, носителей славы и благополучия.

В этом смысле весьма показателен патрицианский род Валериев, появившийся в Риме во времена Ромула и его соправителя Тита Тация (Dionys. II, 46; IV, 67; V, 12). На основании труда В.Шульце⁵¹ этот род долго считался по происхождению этруским, но надпись из Сатрика, найденная в 1977 г., с именем Валерия подтвердила античную традицию об их сабинском происхождении⁵². К концу царской эпохи Валерии находились среди знатных, авторитетных патрициев. Поэтому Публий Валерий, близкий к царскому окружению, и оказался свидетелем самоубийства целомудренной Лукреции, обесчещенной царским сыном. Он участвует в изгнании Тарквиния из Рима и становится одним из консулов первого года Республики (Liv. I, 58-59; II, 2, 11; Dionys. IV, 67, 70; V, 19; Plut. Popl. 7). Трижды избирается он потом на высшую должность консула как любимый народом (Poplicola) герой. По словам Плутарха (Plut., Rom. 79), он был почтен после смерти погребальным костром на Форуме, чего удостоивались лишь триумфаторы, похоронен в пределах Города, что разрешено было в виде привилегии и его потомкам, а траур по нему продолжался целый год. Тем не менее Попликола не накопил богатства и в его доме не оказалось средств на его достойное погребение. Это было сделано на общественный счет (Liv. II, 16, 7).

Аналогична и история патрицианского рода Квинкциев. Их древность и знатность удостоверяются принадлежностью к коллегии луперков. Могущество рода констатируется наличием в Риме очень известных ветвей Цинциннатов, а позднее - Криспинов и Фламининов. Семья Цинциннатов (Кудрявых) уже в V в. до н.э. выдвинула из своей среды

множество консулов, удачливых полководцев. Самым прославленным был Луций Квинкий Цинциннат, консул 460 и диктатор 458 и 439 гг. до н.э. Восхождение к первой диктатуре произошло у него в условиях тяжелой войны римлян с эквами, осложненной нашествием на римские окрестности сабинского войска. Консул Луций Минуций действовал нерешительно, и его лагерь был осажден сабинами. Пришлось направить на помощь Минуцию второго консула, Гая Навция, более успешно сражавшегося на сабинском же фронте. Но сверх того решено было назначить диктатора. Выбор пал на Цинцинната, и к нему отправили послов. Они застали его за полевыми работами на его четырехюгеровом участке. Чтобы выслушать послание сената, этот достойный римлянин облачился в тогу, а затем спешно отправился в Рим. Приняв диктаторские полномочия, Цинциннат отбыл к театру военных действий, где быстро добыл римлянам победу, а себе обеспечил триумф (Liv. III, 26-29) и вечную славу.

Конечно, образ Цинцинната - хрестоматийный. Это - идеал: патриот, доблестный воин и одновременно скромный земледелец. Рим обогатил добычей, а сам остался беден, трудился на маленьком участке, жил в лачуге. В столь тяжелое положение он попал в связи с судом над его сыном, Кезоном. Этот юноша был, конечно же, отменным воином, но яростным противником плебеев, выступавшим против закона Терентилия Арсы. В пылу борьбы его еще обвинили в том, что он ранее в уличной потасовке убил плебея. Кезона заточили в тюрьму, но, по версии Ливия (III, 13), с трудом удалось под поручительство отпустить его до суда домой. Однако этот молодой патриций предпочел на суд не являться, а отправился в Этрурию, обрекая себя на изгнание. Отцу пришлось уплатить за него пеню, что потребовало распродажи всего имущества, за исключением ничтожного клочка земли за Тибром, жалкой хижины да нескольких рабов (Dionys. X, 8). Но потомки его, а также представители других ветвей Квинкиев находились всегда среди знатных и благополучных римлян.

Иной пример являют древнейшие роды Поттицев и Пинариев, управлявшие издревле культ Геркулеса в Риме⁵³. Уже в глубокой древности эти роды занимали разное положение в обществе. Согласно преданию, Поттии раньше Пинариев пришли на призыв Эвандра участвовать в жертвоприношении в честь Геркулеса, первыми прикоснулись к внутренностям жертвенной телки. Это поставило Пинариев на второстепенное место в сакральном действе, вероятно, сказалось на участии в жертвенном пире и, безусловно, на их престиже. Позднее, в 312 г. до н.э., отправление культа было передано общественным рабам и вскоре якобы от этого Поттии все вымерли (Liv. I, 7, 12; IX, 29, 9-11; Dionys. I, 40, 3; Macr. Sat. I, 12, 28; III, 6, 12). Пинарии же редко занимали

почетные должности, т.е. постепенно потеряли свою значимость в государстве.

О бедном патриции Луции Тарквинии рассказывает Ливий (III, 27,1). Он, несмотря на свое происхождение, служил по бедности не в качестве всадника, а в пехоте. Но диктатор 458 г. до н.э. назначил его начальником конницы, стараясь приподнять статус этого знатного, но обедневшего человека.

Весьма красноречива и судьба рода Юниев. Подобно Публию Валерию Попликоле, Луций Юний Брут принадлежал самой верхушке общества, тоже участвовал в изгнании Тарквиния и установлении Республики. Напомним, он был в Риме символом республиканизма. Недаром заговорщики, противники Цезаря, побуждая претора Марка Юния Брута к решительным действиям, завалили судейское возвышение, где тот исполнял свои обязанности, табличками с надписями: "Ты спишь, Брут?" и "Ты не настоящий, Брут!" (Plut., Brut. 9). Консул первого года республики прославился честностью и суровостью. Выше всего он ставил долг гражданина Республики. И это, если верить древним, в конечном счете свело весь его род на нет. Подавив отцовские чувства, Брут не позволил себе спасти сыновей (их казнили за предательство) и не перестал доблестно нести консульские обязанности (Liv. II, 4, 6; Dionys. XIV, XVIII). Патрицианский род Юниев продолжить было некому, и со смертью Юния Брута он прекратился.

Ведь многочисленные Юнии из ветвей тех же Брутов, к которым относились противники Цезаря, Сцевы и Бубульки, принадлежали уже в V-IV вв. плебейской знати, замещали потом консульские должности, а позднее проявляли себя активными политическими деятелями, со страстью участвовали в борьбе партий конца Республики. Представляется, что и традиция о роде Юниев, подобно упомянутому ранее, показывает, что положение патрицианских ветвей не было стабильным. Целые семьи могли вымереть, а часть их внутри рода потерять патрицианское достоинство, но все же не погибнуть и, обогатившись, войти в круг плебейской знати.

Все это говорит в пользу неоднородности *populus* и о его преимущественно патрицианском характере, потому что рядовая, социально ослабленная часть становилась клиентами, даже опускалась до плебейства. Выразителем интересов, как бы визитной карточкой патрицианского *populus* и его наиболее активной части были *patres*, сенаторы, почсму именно они в начале Республики и фигурируют у Ливия в качестве антагонистов плебеев.

Итак, стратифицированному *populus*, состоящему из *patres* - сенаторов, их родичей - патрициев, рядовых членов гентильной организации и включенных в нее клиентов, противостоял в начале Республики плебс. В совокупности *populus* и плебс, в имущественном отношении

дифференцировавшиеся, составляли гражданство (*civitas*). В процессе борьбы за экономические и политические права плебеи постепенно продвигались по пути вступления в *populus*. Безусловной точности в датировании этого процесса достичь трудно. Но можно высказать предположение. Главнейшим рубежом был закон Канулея 445 г. до н.э., снявший запрет на браки патрициев и плебеев. Их законность уравнивала детей из смешанных семей в едином общественном слое и разрушала психологический барьер, отделявший плебс от *populus*. По аналогии с дореволюционной Россией, когда обедневшие дворяне женились на богатых купеческих дочках, можно представить себе браки обедневших патрициев с богатыми плебейками. Вероятно, во второй половине V в. до н.э., в связи с ростом экономического и политического влияния плебса, процесс слияния патрициев с плебеями в единый *populus* шел неуклонно. Во всяком случае уже в первой трети IV в. до н.э. женитьба богатого Лициния Столона на отнюдь не бедной дочери знатнейшего патриция Фабия Амбуста не считалась необычной, неудобной или просто экстравагантной. В качестве мезальянса она фигурировала лишь на уровне завистливых женских сплетен. Ведь к предложению о законе, допустившем плебеев к консулату, согласно рассказам, попавшим в античную традицию, Лициния стимулировала его жена, сестра которой подчеркивала свое превосходство над ней своим браком с патрицием. Таким образом, в результате органического процесса, не требовавшего после закона Канулея 445 г. до н.э. дополнительных юридических актов, плебеи стали естественным образом вливаться в состав *populus* и была создана основа для равнозначности категорий *populus* и *cives*. Можно думать, что в начале IV в. до н.э. это стало реальностью.

Но картина римского общества, положения римлян, патрициев и плебеев останется все же неполной, если не учесть наличия в нем рабов. Конечно, с точки зрения античного человека, такая постановка вопроса просто немыслима. Ведь в рабе со временем римляне перестали признавать человеческую сущность, низведя его до роли говорящего орудия. Раба никогда не считали частью гражданского коллектива, он стоял вне общества, членами которого были античные писатели, несмотря на вариации их собственного в нем положения. Не только гражданство, но и общество мыслилось ими как категория свободных. Однако современный человек понимает общество шире - как совокупность людей разного статуса, включая и невольников. Исходя из этого современная историческая, особенно отечественная, наука не обходит вниманием развитие рабства в Древнем Риме. Но интерес ученых концентрируется обычно на времени расцвета рабовладения, что позволяет вскрыть социально-экономический механизм античной формации в максимально отчетливом виде. Наибольший вклад в разработку этого

вопроса внесли советские ученые А.В.Мишулин⁵⁴, М.Е.Сергеев⁵⁵, Е.М.Штаерман⁵⁶, В.И.Кузищин⁵⁷, постепенно уточнив картину как хозяйственного, так и социального развития в первую очередь Рима и Италии, а также провинций⁵⁸ в эпоху поздней Республики и Империи. Справедливо указав на огромную роль рабовладения в то время, наши ученые постулировали рабовладельческий характер раннереспубликанского общества, оговаривая, правда, степень развития рабства.

Надо сказать, что рабство раннего Рима вообще удостоилось меньшего внимания в историографии, как отечественной, так и зарубежной, по уже известным нам причинам, т.е. из-за недостаточности исходного материала источников и гиперкритической оценки традиции. И все же не только в трудах общего характера, но и в специальных исследованиях вопросы, касающиеся раннего рабства на римской почве, дебатировались.

Особенно много работ в зарубежной науке посвящено определению положения *pehī*, их соотношению с *addicti*, юридическому значению этих социальных категорий. Как правило, это - предмет исследования правоведов. Отсюда не следует, что *pehī* не должно интересовать занимающихся гражданской историей. Этой особой теме посвящено теперь специальное уже упомянутое исследование Л.Л.Кофанова. Статус и роль такой фигуры, как *servus*, также рассматривались в научной литературе. В этой связи упомянем работы Р.Гюнтера⁵⁹, посвященные социальной дифференциации в древнейшем Риме. Отрицая достоверность сообщений античных авторов о рабстве в Риме до VI в. до н.э., он принимает их для времени этрусских царей и ранней Республики. Находя рабов в составе римского общества и прослеживая рост их численности и значения в хозяйстве римлян, Р.Гюнтер, принимая формулировку С.Л.Утченко и Е.М.Штаерман, считает рабов неосновным классом древнейшего Рима, т.е. времени между VI и IV-III вв. до н.э. Несколько иначе высказывается на этот счет А.И.Немировский⁶⁰, характеризующий Рим V-IV вв. до н.э. как типично раннерабовладельческое государство, несмотря на признание того, что рабы основным классом не являлись (с.217).

Статья Немировского весьма информативна. В ней затронуты многие вопросы раннего римского рабства, в том числе и на исследовательском уровне. Важным представляется выдвинутое в ней положение о принадлежности рабов фамилии, но не роду (с.211), а также о военном захвате и пленении людей как об источнике рабства (с.207). Единственная монография по интересующей нас проблеме в нашей науке принадлежит Л.А.Ельницкому⁶¹. Раннее римское рабство изучается в ней в широких хронологических рамках (VIII-III вв. до н.э.) и в контексте социальной истории всей Италии с учетом влияния на нее общественных отношений в Карфагене, Сицилии и Великой Греции. Автор

монографии рассматривает рабов архаического Рима наряду с другими группами неполноправного и зависимого населения и указывает на близость фактического положения в обществе клиентов, вольноотпущенников, плебсев и рабов, считая границы между ними трудно уловимыми.

В противоположность этому мнению Л.А.Ельницкого высказывается И.Кён, различающий клиентов, рабов и кабальных⁶².

Из специальных трудов необходимо остановиться на работе Ф. Де Мартино "О происхождении рабства в Риме"⁶³. Принимая в целом античную традицию, ученый не доверяет лишь сообщениям древних о ранних рабских мятежах в Риме. Развитие рабства он считает результатом внутренней эволюции общины, а не привнесением в нее этрусских социальных моделей, как полагают многие этрускологи. Основные выводы, к которым он приходит, следующие: 1) пленение как источник рабства в архаическую эпоху - несостоятельная идея; 2) первые случаи обращения людей в рабов связаны с неплатежеспособными должниками и преступлением; случаи эти редки и не обусловлены экономической необходимостью. Пленение как источник рабства имеет значение, по его мнению, лишь с IV в. до н.э.

Рабским движениям ранней Республики посвящена книга М.Капоцци⁶⁴. Она отмечает появление в Риме рабов-чужаков из военнопленных уже с середины VI в. до н.э., а усиление должничества относит к началу V в. Историческая ситуация, по ее мнению, дает основания признать возможными в Риме мятежи конца царской - начала республиканской эпохи с участием в них рабов.

Как видно, исследователи собрали материал источников всех типов и поставили основные вопросы, касающиеся раннего рабства в Риме. Ответы на них даются разные. Между тем определение степени развития рабовладения в Риме важно для решения кардинального вопроса римской истории о характере общества и государства эпохи ранней Республики. В последнее время этот вопрос приобрел особую остроту. Ведь в нашей науке высказана точка зрения, согласно которой Рим этой эпохи не достиг еще стадии государства⁶⁵.

Прежде чем приступить к оценке исходного фактического материала, сделаем несколько предварительных, но принципиальных замечаний. Несмотря на, казалось бы, недостаточность источников, они представлены очень важными данными. Отмечая известную неубедительность, а главное, спорность археологических показаний, которые, однако, нельзя отбрасывать, и отсутствие синхронной событиям эпиграфики, надо признать ценность имеющихся письменных памятников. Прежде всего это документальный материал законов XII таблиц, считающихся теперь вполне достоверными⁶⁶. Опираясь сохранившимся текстом, можно сказать, что данные о зависимых состояниях занимают

в нем немалое место: их шестнадцать. Однако в законах, как известно, содержатся разные термины - *пехум* и *servi*, причем проследные вместе с термином *servilis* упоминаются только 5 раз (статьи VIII, 3 и 14; X, 6а; XII, 2а и 2в). Кроме того, в законах говорится об отпуске на волю за выкуп, т.е. о вольноотпущенничестве (VII, 12), что предполагает институт рабства.

Существенное значение в качестве источников имеют для нас и поздние юридические памятники, прежде всего "Институции" Гая, а также "Дигесты" Юстиниана. Гай, как известно, был не только образованнейшим юристом, хорошо знал законы XII таблиц, но и часто использовал их в своем руководстве, о чем свидетельствуют прямые ссылки на них. Так, в интересах нашей темы упомянем § 189 из III и § 75 и 76 из IV книги Гая. В его труде много разных хронологических указаний, позволяющих отнести сообщаемые им сведения к периодам, намного предшествующим времени его жизни. Такими *termini ante* или *post quem* служат законы Элия-Сентия 4 г. н.э., Фуфия-Каниния - 2 г. до н.э., Аквилія - III в. до н.э. Упоминание последнего закона особенно существенно, поскольку бросает свет непосредственно на раннюю Республику. Столь же правомерно использование Дигест, авторы которых основательно осведомлены о римском прошлом и о деятельности юристов, своих предшественников (особенно Dig. I, II; I, V, 3-5; I, VI-VIII; IX, II. XXIII.).

Значение приведенных данных не только в их бесспорности, но и в том, что они удостоверяют сообщения античных писателей о собственно рабах, т.е. о *servi*. Основной материал доставляют сочинения Дионисия Галикарнасского - для V в. до н.э. и Т.Ливия - для V-IV вв. Дополнительные немногочисленные данные могут быть извлечены из произведений Плутарха, Евтропия и Зонары. При этом античных авторов привлекают к себе разные стороны института рабства.

Дионисия Галикарнасского в первую очередь интересуют события внутренней жизни римской общины, поэтому он главное внимание отводит беднякам (*δὲ πένητες* - VI, I, *ἀπόροι* - X, 14), страдающим от долгов (*χρεῖα*), т.е. кабальным должникам, и меньше говорит о собственно рабах (*δοῦλοι*). Но важно, что терминологически этот образованнейший античный автор различает должников (*συμβάλλοντοι, δανείσονται* - IV, 9, 11, 14) и рабов (*δοῦλοι* - IV, 24; X, 14; X, 15, 1, X, 16; XI, 41; XIV, 13), *θεράποντοι* (IV, 24; X, 14; XI, 22; 28; 36; XVII, 4), *παῖδοι καὶ* (XI, 36), *οἰκῆτοί* (*famuli*, XIV, 3). Упоминает он и о порабощении пленных (*ἀνδραποδίζειν* - X, 26; XI, 68). То обстоятельство, что Дионисий использует разные термины, обозначающие рабов, свидетельствует о его осведомленности в предмете, которая базируется и на греческих, и на местных, римских, источниках, на анналах, видимо, разных авторов и разного времени. Об этом можно

судить по его собственному признанию о проверке фактов по разным хронографиям (XI,62).

Что касается Ливия, то его фразеология тоже определена. Его сообщения пестрят словами *servi, servitia*, в отличие от *pehi*.

В рассказах античных авторов рабы - *servi* - всегда фигурируют в качестве обычного явления. Осмысление рабства как естественного ингредиента римского общества находится в юридической литературе. Гай (1,9) сообщает: "Главное разделение людей в праве лиц состоит в том, что все люди - или свободные, или рабы". Почти дословно эта мысль повторена в "Дигестах" (1,5,3). При этом со ссылкой на Флорентина там говорится, что рабство принадлежит праву народов (*ius gentium* - 1,5,6, § 1). И это аттестует его всеобщий, а не римский характер. Заметим к тому же, что истоки противопоставления свободных и рабов зафиксированы уже в законах XII таблиц, и не только терминологически или определением разных наказаний при совершении кражи (VIII,14) и за членовредительство (VIII,3), но также запретом на бальзамирование рабов (IX,6a).

В советской науке⁶⁷ справедливо признано, что в раннюю эпоху римской истории рабство носило патриархальный характер. Аргументом служит здесь распространенность долговой кабалы, т.е. преобладание *pecunia* над *servitium*, сходство положения домоладцев и рабов в условиях всевластия *pater familias*, сама этимология слова фамилия - семья, против чего возражать не приходится.

Однако один из приводимых некоторыми учеными аргументов⁶⁸, а именно закон о пене за сломанную у раба кость (XII табл., VII,3), трактуемый как доказательство того, что раб в то время рассматривался как личность, должен быть решительно отвергнут. Ведь в тех же законах содержится красноречивое, хотя и косвенное, указание на то, что пеня полагается не рабу, а его господину. Это может быть выведено из статьи XII,2a и 2b, в которой сказано, что при *noxalibus* исках, т.е. при исках о нанесении ущерба рабами (*servus*), как и детьми, находящимися во власти отца, потерпевший должен получить удовлетворение со стороны господина (*dominus*). Это положение потом, уже в период классического рабства, было зафиксировано и в руководстве Гая (IV,74): "Ноксальные иски направляются против виновного, а именно: если твой сын или раб совершит преступление, то пока он находится в твоей власти, иск - против тебя, если он перейдет под власть другого, иск будет против него..." То же, по сути дела, подтверждено в Дигестах (IX,IV,2, § 1). Таким образом, и подвластные отцу дети, и *servi* в качестве личности, в качестве субъектов права не действуют. Сравнения текстов позволяют говорить, что ответственность господина в данных исках восходит к эпохе ранней Республики.

Для выяснения характера рабства в то время полезно обратиться к сочинениям античных писателей. В пользу его патриархальности можно привести еще то, что рабы не были совсем лишены защиты религии⁶⁹. Не отвергалось участие рабов в сакральных установлениях не только в честь древнейших, связанных с первобытным равенством бо-жеств, таких, как Сатурн или Фавн, но даже и Юпитеру был неуютен вид несчастного раба в колодках. Об этом верховный бог поведал, согласно Ливию (II, 36), одному плебею, Титу Латинию, явившись к нему во сне. Эпизод этот отнесен Ливием к 491 г. до н.э.

Вместе с тем из источников вытекает, что институт рабства в эпоху ранней Республики был явлением обычным. В науке справедливо отмечалось, что его развитие носило характер поступательного движения⁷⁰. В самом деле, в сочинениях античных авторов упоминания о рабах для V в. до н.э. еще редки. Они связаны преимущественно с описанием предательства с их стороны во время войны с Порсенной (Liv. II, 11, 5), заговорами рабов в 501-500, 460 и 419 гг. до н.э., т.е. с особыми условиями. Причем в 460 г. рабы были использованы Аппием Гердонием в его личных интересах (Liv. III, 17; 18; Dionys. X, 14), а в других случаях о рабах говорится в связи с опасением потерять их из-за голода (Liv. II, 34, 3; IV, 12, 10), или болезней (Liv. IV, 30, 8), либо в связи со скандальной историей децемвира Аппия Клавдия. Этот деятель пытался объявить рабыней свободную плебейскую девушку (Dionys. XI, 36; Liv. III, 44). Как владельцев рабов упоминает Дионисий консулов 450 г. до н.э. Л. Валерия и М. Горация, выступивших против децемвигов и обезопасивших себя охраной из клиентов и рабов.

В рассказах о IV в. до н.э. дело обстоит иначе. Известий гораздо больше и они разнообразнее, притом касаются не только должников, но и servi, хотя именно IV в. был веком интенсификации должничества и борьбы против него. Так, к 357 г. до н.э. относится закон о пятипроцентном налоге с отпускаемых на волю (Liv. VII, 6, 7), к 348 г. до н.э. - 2-й договор Рима с Карфагеном, в котором рассматривается вопрос о работорговле (Polyb. III, 24), к 342 г. до н.э. - восстание римских воинов в Кампании, втягивавших в него рабов. Нарастает поток сообщений об обращении в рабство пленных. Если в 426 г. до н.э. после победы римлян над Фиденами в награду по одному, а особо отличившиеся - по два пленника получили лишь всадники и центурионы (Liv. IV, 33, 4), то в IV в. до н.э. почти каждая победа сопровождается пленением тысяч людей, как воинов, так и мирного населения. Эти цифры представляются преувеличенными даже Ливию (III, 8, 10), но они, безусловно, отражают рост числа пленников. Войны уже в значительной степени приобретают характер охоты на рабов. Конечно, как справедливо отмечала Е. М. Штаерман, не все пленные порабошались⁷¹; в ходу были и выкупы, и жестокие расправы с захваченными врагами, но все же

зачастую военнопленных ожидало рабство (Liv. V, 22, I; VI, 4; VII, 27; VIII, 39; IX, 42).

Порабощение пленных считалось естественным следствием войны (Liv. VIII, 37, 11; Dionys. I, 5, 5), более того, вполне справедливым (Dionys. IV, 24, 1 сл.). Пленные обычно продавались (Liv. II, 17, 5; III, 8, 10; IV, 29, 4; 33, 1; V, 22, 1; VII, 27; VIII, 39; IX, 42, 8; 44, 67, 17; Dionys. IV, 24; X, 26), преимущественно от имени государства. Деньги от продажи поступали в казну. Большая часть проданных оставалась в Риме на положении либо государственных рабов, либо частных. Но кто их покупал? Кто же выступает в это время в Риме в качестве рабовладельцев? Этот важный вопрос специально в литературе не разработан и четко не поставлен. Остановимся на нем. Прямых указаний на этот счет в источниках немного. Владельцами рабов оказываются разные люди - и магистраты, и просто знатные римляне и римлянки, в том числе и весталки. Некоторых рабов господа приближают к себе, воспитывают вместе со своими детьми, дают им образование. Так, у Ливия (IX, 36) встречается просвещенный раб, сопровождавший своего господина на войну с этрусками и взятый им с собой в рекогносцировку (310 г. до н.э.), потому что тот был обучен этрусскому языку. Господином этого раба был то ли родной брат консула Кезона Фабия, то ли его брат по матери - Г. Клавдий. В любом случае это очень знатный патриций. Но отношения с рабами складывались иначе, чем у упомянутого участника похода против этрусков. Об этом можно судить по поведению невольника, принадлежавшего некой весталке Минуции (Liv. VIII, 15, 7-8). Раб донес понтификам, что весталка нарушила обет девства. Ее отстранили от священнодействий, запретили отпускать на волю своих рабов, чтобы суд имел возможность допросить их со всей строгостью, т.е. с применением пыток, что допускалось только в отношении рабов, и, наконец, поскольку вина Минуции была доказана, в соответствии с обычаем ее зарыли заживо в землю. В этом эпизоде весталка выступает, во-первых, как госпожа, явно нелюбимая, во-вторых, как владелица нескольких рабов и, в-третьих, так как дело происходит в 337 г. до н.э., когда жреческие должности плебеям еще недоступны не были, как патрицианка.

В том же ряду стоит донос одной рабыни курульному эдилу 331 г. до н.э. Кв. Фабию Максиму на знатных матрон, изготовлявших яды и погубивших много людей (Liv. VIII, 18). Рабыня получила в награду за донос свободу. Но доносчица была не одна. Нашлись и другие служанки, указавшие на своих хозяек как на преступниц. Определить точно социальный статус матрон невозможно. Совершенно точно среди них находились особы патрицианского достоинства - Корнелия и Сергия, однако отравительниц было около 170, так что в их числе могли оказаться и дамы плебейского происхождения.

На рабовладельческий статус богатых плебеев могут указывать косвенные данные, которые нельзя не принять во внимание. Прежде всего необходимо учесть ситуацию, сложившуюся в результате принятия законов Лициния-Секстия (367 г. до н.э.), по которым плебеи получили доступ к консулату и к оккупации *ager publicus*. Напомним, что фактически это коснулось лишь богатых плебеев и расширило для них возможность реализации закона Канулея 445 г. до н.э. о законности патрицианско-плебейских браков. Но важным следствием законодательства 367 г. до н.э. было и то, что для плебеев открылся новый канал для превращения их в крупных землевладельцев за счет государственного земельного фонда. Упомянем в этой связи классический пример об осуждении в 357 г. до н.э. плебейского трибуна Г.Лициния Столона за нарушение им же самим вместе с Секстием проведенного закона о земельном максимуме. Уже этот максимум в 500 югеров свидетельствует о значительной концентрации земель в одних руках. Ведь Лициний вместе с сыном владел 1000 югеров земли (*Varr. R.r. I, 2, 9; Liv. VII, 16, Dionys. XIV, 12; Colum. R.r. I, 3, 11; Vell. 2, 5*).

Обработать такие площади можно было лишь с помощью дополнительной рабочей силы. Как известно, патриции в сельскохозяйственных работах пользовались трудом своих клиентов. Плебеи же, лишенные такого источника рабочей силы, были заинтересованы в рабах. Но клиента, как известно, играла роль и в политической жизни. Голосами клиентов патроны-патриции возводились в ранг магистратов. Поскольку плебс клиентов не имел, а к магистратуре был допущен, богатые, претендовавшие на почетные должности, стремились восполнить этот пробел, создавая клиентов из своих вольноотпущенников. С их помощью плебеи рассчитывали получить перевес в выборных комициях. Патрицианский сенат попытался пресечь это. По остроумному заключению А.Ди Порто⁷², этой цели, собственно, и служил упомянутый выше закон Манлия 357 г. до н.э. о внесении рабом пятипроцентного налога от его выкупной суммы в казну.

Раньше Манлиев закон учитывался в историографии в двух планах: либо при рассмотрении вольноотпущенничества, которое опять-таки косвенным образом может говорить о развитии рабовладения и в среде состоятельного плебса, либо в качестве реакционной меры, направленной на уменьшение притока новых граждан⁷³. Особая грань в интерпретации *lex Manlia*, предложенная Ди Порто, позволяет более обоснованно сказать о включении в IV в. до н.э. знатных плебеев в состав рабовладельцев. Сверх того, можно полагать, что именно богатое плебейство более, чем патриции, обеспеченные рабочей силой своих клиентов, нуждалось в рабах для работ на своих обширных полях и пастбищах. И если тем не менее в интересах политической карьеры богачи

из плебеев отпускали рабов на волю, значит, их у этих богачей было довольно много.

Высказанные соображения, как кажется, дают возможность конкретизировать представления о характере и динамике развития рабства в эпоху ранней Республики, уточнить социальный состав рабовладельцев. А это обстоятельство помогает созданию более ясной картины перегруппировки классовых сил в Риме и классового содержания государства ранней Республики. Действительно, не только преобладание рабства-должничества над рабами-чужаками вплоть до закона Петелия 327 или 313 гг. до н.э. говорит о слабом развитии рабовладения. О том же свидетельствует использование рабов господами в своих корыстных интересах во время мятежей. Как самостоятельная социальная сила рабы в период ранней Республики себя не проявляли. Сам по себе количественный критерий для определения значимости социальных явлений безусловно недостаточен. Но констатировать немногочисленность рабского населения в Риме приходится. Ведь она не случайна. С одной стороны, на заре Республики в производительном труде участвовали сами патриции с их чадами и домочадцами-клиентами, с другой стороны, сами небогатые малоземельные плебеи. Рабы в таких условиях мало нужны. И только по мере включения разбогатевшего плебса в состав крупных землевладельцев этим нуворишам на их крупных полях понадобились рабские руки.

Рабы из военнопленных удобнее для господ. Ведь это - вчерашние враги, в то время как должники - вчерашние соседи, сограждане, даже родственники. К тому же пехи по отработке долга могли уйти от хозяина. Раб-чужак - более стационарная рабочая сила в хозяйстве любого господина. Поэтому рабы-иностранцы становились все нужнее и привлекательнее для господ вообще, а не только для знатных плебеев. Как на протяжении V-IV вв. до н.э. постепенно увеличивался удельный вес рабов и рабского труда в римском обществе, так понемногу росло число патрициев, да и плебеев, среди рабовладельцев. Такова была тенденция социального развития. Но реальностью эпохи ранней Республики было все-таки раннеклассовое общество, главными действующими лицами которого были патриции и плебеи, а не рабы и рабовладельцы. Проявляя себя как основные социальные группы, патрициат и плебс не были стабильной массой. Подвижность их имущественного состояния, текучесть состава под воздействием различных факторов привели к дифференциации этих общественных феноменов и к перегруппировке социальных сил в Риме. Только в III в. до н.э. патриции слились с богатыми плебеями в единый господствующий слой знати, а основная незнатная масса свободного трудящегося люда сохранила за собой название плебеев.

- ¹ *Binder J.* Die Plebs. Lpz., 1909; *Ковалев С.И.* Проблема происхождения патрициев и плебеев // Труды юбилейной научной секции исторических наук. Л., 1948. С.202-244; *Richard J.* - Cl. Les origines de la plèbe Romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plebéien. R., 1978.
- ² *Нечай Ф.М.* Образование Римского государства. Минск, 1972. С.51-64.
- ³ *Niebuhr G.B.* Römische Geschichte Berl., 1853. S.186-200.
- ⁴ *Zöllner M.* Lazium und Rom. Lpz., 1878; *Cuno F.* Vorgeschichte Roms. T.I. S.I. 1878.
- ⁵ *Мейер Эд.* Римский плебс // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Спб., 1899; *Kaser M.* Römische Rechtsgeschichte. Götting., 1950. S.24.
- ⁶ *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983.
- ⁷ *Carozza M.* Roma fra monarchia e decemvirato nell'interpretazione di Eutropio. R., 1973. P.17.
- ⁸ *Carozza M.* Movimenti servili nel mondo romano in età repubblicana. I.R., 1966. P.47-48; *Nagi F.* Volksbegriffe in römischen Altertum. Populus und Plebs. Berl., 1965. S.69-72 (Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt. B.II).
- ⁹ *Niebuhr G.B.* Römische Geschichte. I. Berl., 1811. S.183-186; *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1950. С.110; *Ferenczy E.* From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest. 1976.
- ¹⁰ *Richard J.* - Cl. Op.cit.
- ¹¹ *Niebuhr G.B.* RG. S.200.
- ¹² Более подробно об этом см.: *Фомичева Н.Г.* Социальное развитие Рима в VII - начале VI в. до н.э.: Автореф. канд.дис. М., 1987. С.10.
- ¹³ *Маяк И.Л.* Рим первых царей. С.141-142. *Kaser M.* Op.cit. S.24.
- ¹⁴ *Mannino V.* Auctoritas patrum. Milano, 1979. P.142.
- ¹⁵ *Monigiliano A.* L'ascesa della plebe nella storia arcaica di Roma. Quarto contributo. R., 1969. P.448-449.
- ¹⁶ *De Francisci P.* La comunità sociale e politica romana primitiva // Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche. VII. Firenze, 1955. P.156-157.
- ¹⁷ *Маяк И.Л.* Рим первых царей. С.98-104.
- ¹⁸ *Бутинов Н.А.* Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинии и северо-западной Меланезии) // Ранние земледельцы. Л., 1980. С.116-118. 132-133.
- ¹⁹ *Mommsen Th.* St.R.III, 1. S.9; *Niebuhr G.B.* RG. S/188.
- ²⁰ *Кюппер R.* Satricum a metà strada // Il Lazio antico dalla protostoria all'età medio-repubblicana. A cura di Pino Chiarucci. R., 1986. P.61.
- ²¹ *Mommsen Th.* St.R. III, 1. S.90; *Ковалев С.И.* Проблема происхождения патрициев и плебеев. С.238.
- ²² *Niebuhr G.B.* RG. S.181; *Моммзен Т.* История Рима. I. М., 1936. С.241.
- ²³ *Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
- ²⁴ *Фомичева Н.Г.* Указ.соч.
- ²⁵ *Pallottino M.* Lo sviluppo socio-instituzionale di Roma arcaica alla luce di nuovi documenti epigrafici // S.R. 1979. N 1.
- ²⁶ *Carozza M.* Roma fra monarchia e decemvirato nell'interpretazione di Eutropio. P.33-34.
- ²⁷ *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С.206-210.
- ²⁸ *Cornilius F.* Untersuchungen zur früheren Römischen Geschichte. München, 1940. S.103.
- ²⁹ *Сидорович О.В.* Структура раннего патрициата Римской республики. (Дис.). 1982. С.103 (машинопись).
- ³⁰ *Niebuhr G.B.* RG. S.189-190.
- ³¹ *Моммзен Т.* История Рима. I. М., 1936. С.241; *Он же.* St.R. III. S.78; *Genz H.* Das patrizische Rom. Berl., 1878. S.40.
- ³² *Günter R.* Probleme der militärischen Demokratie im ältesten Rom // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. Berl., 1988. S.476-482.

- ³³ Genz H. Op.cit. S.40.
- ³⁴ De Martino F. Storia della costituzione romana. I. Napoli, 1958. P.123. sg.
- ³⁵ Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe Romaine. R., 1978. P.227 suiv.
- ³⁶ Guarino A. Storia del diritto romano. Napoli, 1990. P.61, 68, 90, 200.
- ³⁷ Хан И. Плебей и родовое общество. Будапешт, 1975. С.23.
- ³⁸ Сидорович О.В. Структура римского патрициата ранней Республики: Автореф. канд. дис. М., 1982. С.14-15.
- ³⁹ Palmer R.E. The archaic Community of the Romans. Cambr., 1970. P.61.
- ⁴⁰ Моммзен Т. История Рима. I. М., 1936. С.53, прим.68.
- ⁴¹ Niebuhr G.B. R.G. S.297. Также в новейшее время: Ferenczy E. Op.cit. P.18.
- ⁴² Mommsen Th. St.R. III, I. S.150. Anm.1.
- ⁴³ Трухина Н.Н. Политика и политики "золотого века" Римской республики. М., 1986. С.28.
- ⁴⁴ Mommsen Th. St.R., III, I. S.150. Anm.2.
- ⁴⁵ Mommsen Th. St.R. III, I. S.6; См. также: Боголенов А. Учебник истории римского права. М., 1895. С.148-150; Машкин П.А. Из истории римского гражданства // Изв. АН СССР. Сер.ист. и филос. 1945. N 5. С.359-372.
- ⁴⁶ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С.111.
- ⁴⁷ Mannino V. Auctoritas patrum. Milano. P.1-45.
- ⁴⁸ Маяк И.Л. Рим первых царей. С.158-160.
- ⁴⁹ Мы уже упоминали выше о том, что Дионисий приписал Ромулу "создание" плебеев, и дали оценку этой версии традиции.
- ⁵⁰ Turba, propria alta cognatorum sodaliumque - Liv. II,49,4-5; 50,1; III, 1,1; Dionys. IX;15,7; Fest, p.450: cum clientium milibus quinque; Plut. Cam. 19; Sil. It. VI, 637; Paul, p.451.
- ⁵¹ Schulze W. Geschichte lateinischer Eigennamen. Berl., 1904. S.104.
- ⁵² Pallottino M. SR, 1979. N 1. P.13.
- ⁵³ Маяк И.Л. Рим первых царей. С.135, 151.
- ⁵⁴ Мишулин А.В. О воспроизводстве в античной общественной формации // Известия ГАИМК. Т.13, вып.3. М.-Л., 1932; Он же. Спартакское восстание. М., 1936.
- ⁵⁵ Сергеенко М.Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.-Л., 1958.
- ⁵⁶ Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961; Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; Проблемы экономического развития. М., 1978; Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- ⁵⁷ Кузицин В.И. Очерки по истории земледелия Италии (II в. до н.э. - I в. н.э.). М., 1966; Римское рабовладельческое поместье (II в. до н.э. - I в. н.э.). М., 1973; Генезис рабовладельческих латифундий (II в. до н.э. - I в. н.э.). М., 1976; Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.
- ⁵⁸ Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова И.Н., Колосовская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I-III вв. М., 1977; Маринович Л.П., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И. Рабство в восточных провинциях Римской империи в I-III вв. М., 1977.
- ⁵⁹ Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме // ВДИ. 1959. N 1. С.52-83; Günter R. Probleme der militärischen Demokratie in ältesten Rom // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. Berl., 1988. S.479.
- ⁶⁰ Пемировский А.И. К вопросу о рабстве в раннем Риме // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. Вып. 4.
- ⁶¹ Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VI-III вв. до н.э. М., 1964.
- ⁶² Köhn J. Römisches Frührecht. Ein Beitrag zur Rechtentstehung // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. S.496.
- ⁶³ De Martino F. Intorno all'origine della schiavitù a Roma // Diritto e società nell'antica Roma. R., 1979. P.130-161.
- ⁶⁴ Capozza M. Movimenti servili nel mondo romano in età repubblicana. I.

⁶⁵ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. III-I вв. до н.э. М., 1977. С. 36. Прим. 49; Штаерман Е.М. К проблеме эволюции Римского государства. Кlio. 64, 1982, N 1. S. 99-115.

⁶⁶ Watson A. Rome of the XII Tables. Persons and Property. Princeton (NY), 1975. P.IX. 3, sg; Boscherini S. La lingua delle legge XII Tavole // Società e diritto nell'epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.45.

⁶⁷ Ельницкий Л.А. Указ.соч. С.165.

⁶⁸ Немировский А.И. Указ.соч. С.210.

⁶⁹ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1978, С.62, 88.

⁷⁰ Serrao F. Individuo, famiglia e società nell'epoca decemvirale // Società e diritto. P.94-95.

⁷¹ Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1967. С.37.

⁷² Di Porto A. Il coipo di mano di Sutri e il plebiscitum de populo non evocando (a proposito della lex Manlia de vicensima manumissionum) // Lege e società nella repubblica romana A cura di Feliciano Serrao. Napoli, 1981. P.307-384.

⁷³ Ельницкий Л.А. Указ.соч. С.149. Прим.10.

ПАТРИЦИИ И ПЛЕБЕИ

В Риме главными действующими лицами были патриции и плебеи. Что же представляли собой в социальном плане эти люди? Прежде всего отметим, что это были многочисленные группы людей. За именами Валериев, Клавдиев, Клелиев, Юниев и т.д. стояли целые патрицианские роды, включавшие в себя от нескольких десятков до тысяч человек, и большие плебейские семьи Ицилиев, Мецилиев, Публилиев и др. О количественном соотношении патрициев и плебеев можно составить представление. Известно, что само название плебеев производится от глагола *plege* - наполнять, или от *pluritas* (Isid. IX, 4,6), откуда *plebs* трактуется как толпа, множество, масса. Появление плебса, именно этого слоя и термина, античные авторы относили к незапамятным временам Ромула. Подвергая сомнению точность этой датировки, нельзя тем не менее отрицать древность появления в Риме плебеев, выводить его за пределы царской эпохи. При этом можно думать, что этимология слова "плебс" подсказывает вывод о постепенном увеличении плебейского населения, а античная традиция - вывод об относительном сокращении численности патрициев. Ливий (II, I, 11), Фестр. 304) и Плутарх (Ром. II) сообщают о том, что в начале Республики пришлось пополнить число сенаторов до 300, уменьшившееся на 164 из-за казней при Тарквинии Гордом.

Появление новых сенаторов отразилось в терминах и на государственном ритуале. Созывая сенат на собрание, глашатай выкликал поименно сенаторов, оставшихся от старого сената, т.е. *patres*, и отдельно от них вновь введенных, т.е. *conscripti*. О социальном составе этих конскриптов (приписанных, или внесенных в список сенаторов) античные авторы дают на первый взгляд противоречивые показания. Так, Ливий (II, I, 10) говорит, что новичков набрали из знатнейших всадников (*primoribus equestris gradus lectis*), а Фестр. (р. 304) - что из плебеев. Отметим в первую очередь, что Ливий не называет здесь всадников "*ordo*", что можно перевести и как "ряд", "разряд", и как "сословие", но относит их к "*gradus*", что означает "положение", "уровень". Всадничество, по конституции Сервия Туллия, составляло часть I имущественного класса римского гражданства, т.е. самых богатых, а не обязательно родовитых, так что среди всадников конца царской - установления республиканской эпох могли быть и плебеи. Это наше соображение

можно подкрепить аналогичным пониманием даже "equestris ordo" у Ливия (IV,13,1), о чем речь специально пойдет ниже.

Практика перевода плебейских родов или семей в патрицианские применялась в Риме не раз. Показателен в этом смысле пример Октавиев. Они были плебеями, потом Тарквиний Древний ввел их в сенат, причислив к сенаторам младших родов, а Сервий Туллий возвел к патрициям. Однако затем Октавии снова перешли в плебс, но Юлий Цезарь вернул им патрициат. Пополнение рядов патрициев за счет плебеев при установлении Республики говорит о численном преобладании плебеев над патрициями.

В научной литературе сложилось единодушное и вполне оправданное представление о том, что патриции и плебеи пользовались разными правами, т.е. принадлежали к разным сословиям. В текущем столетии ученые стали называть их классами, причем такое определение встречается не только в советских изданиях, но и в зарубежных¹, особенно в последнее время. Поскольку применение такой терминологии обычно не аргументируется, следует проверить наличие классовых, т.е. социально-экономических, признаков у указанных социальных групп. Предварительно же скажем, что понимаем классы как социально-экономическую категорию, важнейшие признаки которой: 1) отношение людей к собственности, в первую очередь к земле; 2) место и роль людей в системе общественного хозяйства.

Прежде всего обратимся к рассмотрению участия патрициев и плебеев в производительном труде. Древняя Италия, и Рим вовсе не составлял здесь исключения, была сельскохозяйственной страной. Лаций представлял собой одну из плодородных областей Апеннинского полуострова. В незапамятные времена тут были вулканы. Быть может, воспоминанием об их грозной деятельности служат образы божественной пары - Кака и Каки². В одном из вариантов легенды Как рисуется обосновавшимся на Авентине великаном необузданной силы (*ferox viribus* - Liv. I,7,5). Победить его смог лишь греческий герой Геракл - римский Геркулес, оказавшийся в этих местах на своем долгом пути с далекого запада в Грецию. Совершив свой 10-й подвиг на острове Еритее в Океане, Геркулес гнал с собой коров чудовища Гериона, на которых и полюбился Как. Он украл и загнал часть прекрасных животных в пещеру, прибегнув к хитрости. Чтобы коров нельзя было найти, Как затащил их в укрытие, тянув за хвосты, так что оставленные ими следы вели от входа в пещеру, а не к нему. Геркулесу удалось их обнаружить только по мычанию, которое они издали в ответ на мычание уходившего с героем стада, и он убил спрятавшего их разбойника. В последней схватке Как, беспощадный великан, обнаружил свою чудовищную силу, отрывая глыбы от скал, изрыгая огонь и дым изо рта. Любопытно, что и Кака, хотя и не столь свирепая, тоже связана в

представлении древних с огнем (Dionys. I,39; Verg. Aen. 8,190; Ov.Fast.I,550-579; Aur.Vict. Or. gent.Rom. 6,2; 7,4; Serv. Aen. 8,203; 190).

Вулканические почвы Лация в сочетании с обилием воды создали там благоприятные условия для обитания людей с глубокой древности. Естественно, населенные пункты в древнем Лации и пограничных с ним областях сабинов и осков концентрировались по берегам озер, речушек и главной водной артерии - реки Тибр. Римляне пользовались не только его водами, но и водой из многочисленных колодцев, найденных археологами³ в центре архаического Рима, на Форуме в районе храма Весты и в северной части площади, на Комициуме, близ здания Регии - так называемый Скрибонианский колодец. Нередки в Риме и родники. Бьющая из них вода стекала в бассейн и освящалась. Тут же возникало святилище, чаще всего в виде алтаря. Такие бассейны обычно назывались *Iacus*. Очень знаменитыми были воды, посвященные Ютурне (Ov.Fast. I,706-708) и Курцию. Ключ Ютурна находился близ храма Весты. Его обрамление часто реставрировали и дополнительно украшали. Ведь Ютурна считалась супругой бога Януса, матерью Фонса, бога источников, нимфой, к которой воспылал страстью сам Юпитер (Ov. Fast. II,585-606). Вода этого источника славилась как целительная, ею пользовались и при жертвоприношениях (Varro. Ll. V, 71; Serv. Aen.XII,139).

Курциевы воды были некогда глубокими и заливали большое пространство около храма Диоскуров. Об этом свидетельствуют три версии легенды о Курции. Согласно одной, Меттий Курций был сабиняном, участвовавшим в войне Ромула с Титом Тацием, вспыхнувшей из-за похищенных сабинских девушек. В разгаре боя римлянам удалось обратить наступавших противников вспять, причем конь Курция понес, провалился вместе с ним в глубокое болото, так что Курций едва спасся (Liv. I,12,9-10; 13,5; Dionys.II,42; Varro.II, V, 149; Plut.Rom.18). По другой традиции, Курций звался Марком и был римлянином. Именно в честь него было названо озеро, появившееся на месте разверзшейся, вероятно от землетрясения, бездны. Согласно прорицанию, земля должна была сойтись, а римское государство укрепиться навечно только после особой жертвы. На нее-то и обрек себя юноша Курций, бросившийся в полном вооружении в расщелину (Liv. VII,6,1-5; Varro. Ll.V,148; Val.Max. V,6,2). Третья версия связывает это название с консулом 445 г. до н.э. Курцием Филоном, который оградил место, куда упала молния (Varro.Ll.V,150). Таким образом, все рассказы древних, объясняющие название *Iacus Curtius*, говорят о почитаемом водоеме в центре Рима.

Обилие влаги благоприятствовало растительности. На римских холмах имелись светлые рощи и густые леса⁴ - лавровый на Авентине

(Varro. Ll.V,152), дубовый - на Эсквилине, если иметь в виду, что само название этого холма производят от *aesculum* - дуб, а одна из его высот называется Кверкветуланом - от *quercus*, что также означает дуб (Varro. Ll.V,49). О множестве ив говорит наименование еще одного холма - Виминала, происшедшее от *vimen* - ивовая лоза (Varro.Ll.V,51). Напоминанием о буковом лесе (*fagus* - бук) служит возвышенность Фагутал (Varro. II.V,152; Fest. p.77;459;458;476).

На территории возникавшего Рима в низинах и по берегам водоемов зеленели сочные луга. Их использовали, как и по всей Италии, которая, по одной из легенд, и название-то получила от быков (Gell. XI,1,1.), под пастбища⁵. Римляне всегда считали, что их предки были пастухами. Помимо античных авторов об этом красноречиво свидетельствует римская топонимика. Один из рынков в историческом центре Рима назывался Бычьим, или Коровьим (*Forum Boarium*), а одни из ворот, ведущих на Палатин, воротами Мычания (*porta Mugionis*, или *Mugonia*-Varro. Ll.V,164). Напомним, что название Палатина, хоть и неверно, связывалось с блеянием, а слово деньги (*pecunia*), равно как и "казнокрадство", является производным от слова "скот" (*pecus* - Varro. Ll.V,95; Fest. p.232; Colum. Rr. I, praef; 6; Plut.Popl.XI,5). О значении скотоводства в притибрской зоне, куда входит и Рим, свидетельствуют многочисленные святилища, принадлежавшие объединениям городов Лация и Этрурии. Они возникали в разное время, с начала I тыс. до н.э. вплоть до III в. до н.э., по верным наблюдениям ученых, именно на перекрестках деревенских дорог и у тибрских бродов, используемых для перегона скота⁶.

О древности и почетности такого рода деятельности, как скотоводство, свидетельствует и римская ономастика. По словам Варрона (Rr II,1,10), многие знаменитые римские родовые и семейные имена "произведены от скота, крупного или мелкого: по мелкому названы Порций, Овиний, Каприлий; по крупному - Эквит, Таврий, Азиний. Это подтверждается и прозвищами: есть Аннии Капры, Статилии Тавры, Помпонии Витулы и множество других родов, прозванных по домашним животным".

Заметим, что тотемистическая трактовка ономастики никак не противоречит высказанному тезису. Об исконности и важности скотоводства особенно ярко писал Варрон, посвятивший ему II книгу своего трактата о сельском хозяйстве, где он буквально пропел гимны в честь быков и коров, свиней, лошадей, овец и коз. Во множестве священнодействий выражалась забота об охране стад, применялись жертвоприношения животных. Такими были Парилии (или Палилии) в честь Палес, божества-покровителя стад и пастухов. Их отправляли 21 апреля, в день, считавшийся днем рождения Рима (Varro.Ll.VI,15; Rr.II,1,9; Ov. Fast.IV,635-640; 721-728;795-798; Fest.p.272; Parilibus;

Paul. Fest. p.248; Pales; 273: Parilibus). Такими были Фордиции (Paul. Fest. p.74: Fordices Boves; Ov. Fast.IV,629-640) и Луперкалии (Liv. I,5,1-2; Varro.LI.V,83.VI,13 и 34; Plut.Rom.21; Ov.Fast. II,267-278;421-424; Serv.Aen. 8,343). Название первых происходит от *forda bos* - стельная корова. Именно их-то и закалывали 16 апреля, вынимали из чрева плод, сжигали на алтаре и приберегали пепел для очищения с его помощью народа в день Парилий. Во время Луперкалий закалывали коз, затем жрецы-луперки прикладывали окровавленный меч ко лбам двух мальчиков знатного рода и тут же стирали кровавый след смоченной в молоке шерстью, после чего мальчики обязательно смеялись. Козьи шкуры разрезались на ремни и раздавались луперкам, а они обегали кругом Палатинский холм, стегая ремнями всех встречаемых. Женщинам такие удары, по римским представлениям, сообщали плодородие. Кроме коз луперки приносили в жертву еще одно животное - собаку. О происхождении и характере культа и его назначении существуют разные мнения⁷, но никто из ученых не отрицает охранительного и очистительного значения Луперкалий. О важном месте в римской экономике скотоводства, предшествующего в своем развитии земледелию, видно, думали сами римляне⁸.

Однако уже в незапамятные времена римляне жили не только пастушеством, но и земледелием⁹. Они с успехом вели зерновое хозяйство, культивировали огородные, садовые и технические культуры. На этот счет имеется множество данных. Об этом пишут античные авторы, свидетельствуют современные археологи¹⁰. Яркое выражение получила аграрная сфера в римских верованиях и культах. Как и все древние народы, римляне придавали исключительное значение производительным силам природы, заботились об их стимуляции. В их пантеоне очень много богов, олицетворяющих эти силы. В качестве специальных необходимо назвать как минимум Цереру, Либера и Либеру. Но и громовержец и царь богов Юпитер, и даже воинственный Марс изначально имели функции покровителей плодоносящей природы¹¹. Недаром Юпитер имел почетные прозвища Фругифер (Плодоносящий) и Либер с посвящением ему праздника Виналий во славу виноградников. А к Марсу обращались арвалы (жрецы-пахари) с молитвой о даровании роста и благоденствия злакам, хлебу, лозам и посадкам, равно как и скоту, пастухам и домохозяевам, совершая обряд очищения полей (Cato.agri cult. 141).

Уже в древнейшие времена жители Рима занимались ремеслом¹². Об этом известно и из сочинений античных авторов, и из данных, приводимых археологами. Возражения, встречающиеся в исследованиях, касаются не самого факта существования ремесленной деятельности уже при Нуме, как утверждает традиция, а степени и размаха ее развития в то время, и никак не затрагивают конца царской эпохи, с

Сервия Туллия по крайней мере¹³. При разнообразии отраслей хозяйства и росте их специализации, естественно, развивался и торговый обмен как внутри Рима, так и международный, т.е. с соседними городами Лация, Этрурии, а также греками, прежде всего итальянскими.

Показателем интенсификации торговли служит развитие денежных отношений. Твердо установленным фактом можно считать введение в Риме монеты в IV в. до н.э. в виде так называемого *aes grave*, или либрального асса (272,8 гр). Но это отнюдь не означает, что в более древние времена римляне вообще обходились без денег. Чеканной монете предшествовали металлические весовые деньги. Вопрос в том, как датировать их появление. Современные ученые высказали на этот счет много интересных соображений¹⁴. Если проследивать эволюцию денежных отношений в Риме, углубляясь в их древность, то выяснится, что либральный асс (*aes grave*) пришел на смену сигнированной меди, а точнее бронзе (*aes signatum*), сменившей в свою очередь грубую, т.е. необработанную, медь или бронзу (*aes rude*). Находки этих типов денег нередки в Центральной и Южной Италии, а также Сицилии, связанных в VIII-VI вв. до н.э. интенсивными торговыми и культурными обменами¹⁵. Это, с одной стороны, подтверждает сведения античной традиции, идущей от Ливия (рег. XV) и Плиния Старшего (NH, 33,3(13); 44), о том, что римский народ до Пирровой войны (III в. до н.э.) не пользовался сигнированным серебром, т.е. серебром в качестве эквивалента стоимости. С другой стороны, это показывает пути возможных заимствований или употребления римлянами уже существовавших в более развитых городах Сицилии, а также Этрурии денежных единиц. Но как же они выглядели? Что касается сигнированной меди (*aes signatum*), то наиболее древние ее образцы, найденные в современных областях Эмилия, Умбрия, Этрурия и Лаций, представляли собой бронзовые бруски с так называемым отпечатком сухой, т.е. безлистой, ветви. Такой знак, или клеймо, легко ставился с помощью рыбьего хребта с отходящими от него костями: хребет клали на расплавленный металл, залитый в форму, благо рыбы и на Тирренском побережье, и в водоемах было множество¹⁶. Оттиск хребта очень удобен при отрубании металла: он служил как бы мерной лентой.

Кусок меди с "сухой ветвью" был обнаружен в начале 60-х годов в Биталеми близ Гелы, при раскопках святилища Деметры, вместе с греческой керамикой, датируемой 560-540 гг. до н.э., т.е. временем правления в Риме царя Сервия Туллия. И данный брус мог быть произведен в Риме, причем Сервий мог просто воспользоваться уже известным в Италии вариантом клейма¹⁷. Но ученых оно тем не менее смутило. Хотя римские источники сообщают, что именно Сервий первым в Риме сигнировал медь (Plin. NH.18,12; Cassiod. Var.7,32,4), у Плиния сказано при этом, что он клеймил ее изображением овец и

быков (*ovium boumque effigie*), и у Варрона (*Rr II,1,9*) значится, что древнейшие слитки меди метились изображением скота. О метке в виде овцы, быка или барашка упоминал со ссылкой на того же Варрона Ноний Марцелл (р.189). Объясняя слово *signage*, Фест (р.456; Paul.p.457) привел в качестве первого его значения "метить меткой скот". Все это стоит в противоречии с реальностью "сухой ветви". Вместе с тем археологам и нумизматам хорошо известны экземпляры *aes signatum* с изображением животных, но они датируются эпохой Республики вплоть до начала III в. до н.э. Однако Э.Перуцци удалось выйти из этого затруднительного положения. Он обратил внимание на то, что у Плиния (33, 43) со ссылкой на Тимея еще раз говорится о сигнированной меди Сервия Туллия, причем с пояснением "*signatum est nota pecudum*", что означает "меткой скота", т.е. головы скота, а не "в виде скота". Это очень важно. Из такого понимания *nota* Э.Перуцци правильно сделал вывод о том, что это клеймо не могло быть изображением животных. (В самом деле, зачем бы овцу клеймить ее изображением? И так ведь видно, что это не собака!) *Nota pecudum* он, сообразуясь со всем направлением политики Сервия Туллия, истолковал как удостоверенный государством знак качества голов скота общественного стада. Затем метку перенесли на металлические бруски, что гарантировало их качество¹⁸. Но, конечно, не вес. *Nota pecudum* не выражала стоимость в определенных весовых единицах, так как бруски не имели сначала фиксированного веса¹⁹. По необходимости можно было разрубать металлические бруски, получая кусок металла нужного веса.

Итак, к началу Республики римляне пользовались весовыми деньгами, что расширяло возможности торговли. Однако ее развитие было в связи с изгнанием Тарквиния Гордого приостановлено. Об этом можно судить по многим фактам. Прежде всего постепенно сокращается импорт греческой и этрусской керамики. Если периодом первой половины V в. до н.э. датируется 145 найденных фрагментов импортных сосудов, то в конце века их насчитываются единицы; заметным спад становится примерно с 470 г. до н.э.²⁰ ✎

Очень важные сведения о денежном обращении в начале Республики можно извлечь из рассказов античных авторов о взимании штрафов²¹. Известно, что Сервий Туллий при оценке имущества римлян заменил скот в качестве единицы стоимости весовой бронзой. Но это не означало полного вытеснения скота в функции денег, в том числе при наложении штрафов. За консулом первого года Республики Валерием Попликолой значится закон, укреплявший новую власть. По нему за неповиновение консулам полагалась пеня в виде пяти быков и двух овец, что в пересчете на греческие деньги равнялось 10 и 100 оболам (*Plut.Popl. XI,2*). Но в судебном процессе 475 г. до н.э. Т.Менений

Ланат был приговорен к денежному штрафу (Dionys. IX,27; Liv. II,52,5) в 2000 ассов; далее штрафы взимались вновь денежные (XII табл.8,4; Gell. 20,1,12; Fest.505,14-15). При этом на протяжении V в. устанавливался эквивалент. По закону Атерния-Тарпейя (454 г. до н.э.), овца равнялась 10, а бык - 100 ассам. Учреждались также минимальные и максимальные пени (Aul.Gell.,11,1,2-4; Fest. p.220: Ovibus duobus; oves,p.398). Около 432 г. до н.э. снова штрафы взыскивались в виде скота (Cic. г. р. II,35,60), а в 430 г. до н.э. "законом консулов Г.Юлия и П.Папирия была установлена дешевая оценка скота при наложении пени" (Cic.г.р. II,35,60; Liv. IV,3,30). Из приведенных фактов явствует, что действительно в V в. до н.э. сокращалась торговля не только внешняя, но и внутренняя. Сфера денежного обращения то сокращалась, то расширялась. Однако о серьезном упадке хозяйства говорить не приходится. Римляне жили и трудились. Но как распределялись их силы в разных отраслях хозяйства?

Как видно, экономика раннего Рима не была однообразной. Уже Б.Г.Нибур и Т.Моммзен не только не считали возможным в архаическую эпоху господство пастушества, но показали взаимодействие его с агрикультурой. Этот тезис поддержали современные ученые. Его настойчиво подчеркнул К.Амполо, выступив против модного в первой половине XX в. положения об особом значении для Рима скотоводства²². Сельское хозяйство было основой римской экономики, и участие в нем принимали и патриции, и плебеи. И хотя плебеи занимались и ремеслом, никаких данных в источниках для определения их как исключительно городского ремесленного населения все-таки нет²³. Напротив, в плебейских чаяниях, явленных в борьбе с патрициями, отчетливо проступает земельный вопрос. И нужно выяснить, какими конкретно были требования плебеев.

Для более углубленного понимания этого вопроса необходимо, однако, сделать предварительные замечания. Они касаются прежде всего категорий, характеризующих отношение римлян к земле. В римском лексиконе имеется ряд слов, отражающих гамму этих отношений, засвидетельствованных документами и юридическими памятниками: собственность (dominium), владение (possessio), пользование (usus). В современной науке уделено много внимания вопросу о римской собственности. Отмечено, что безусловно взаимозаменяемые термины, обозначающие собственность, т.е. dominium, proprietas (Dig. 41,1,13), - поздние, не ранее конца республиканской эпохи²⁴. Однако возникновение института собственности предшествовало появлению этих близких и емких терминов, и римляне находили слова для его обозначения. Древнейшими являются mancipium, familia, pecunia, erectum²⁵. Затем в ходу были описательные выражения типа "meum esse", а потом - формулы уточняющего характера, состоящие из набора глаголов: uti,

frui, habere, possidere. Можно, конечно, спорить, когда именно появилась в Риме частная собственность, тем более на землю, присоединившись к мнению Э.Перуции²⁶, связывающего этот процесс с Нумой Помпилием, или к мнению В.Веструпа²⁷ и других, относящих его ко времени Сервия Туллия, но безусловно одно: в эпоху ранней Республики она уже существовала.

Ученые останавливались и на вопросе о том, какой характер имела собственность в Риме. Г.Диошди вслед за М.Казером отметил, что в древнейшем римском праве не было точного определения собственности, при этом право собственности никогда не было неограниченным, а собственники могли быть и *de iure* и *de facto*. В нашей науке эти идеи получили дальнейшее развитие в трудах Е.М.Штаерман²⁸. Она особенно подчеркнула неправомерность отождествления римской частной собственности и современной капиталистической: специфика первой - прежде всего в отношении земли - заключалась не только в том, что она действовала лишь в рамках ограниченного круга римского гражданства, но еще более в том, что имела трудовой характер. В этом выражалась подконтрольность собственника-гражданина общине, к которой он принадлежал. Отчуждение не было главным критерием собственности, так как отчуждать можно было и владение.

Нельзя, в общем, не согласиться с приведенными здесь утверждениями. Действительно, современная наука заметно продвинулась в понимании античной частной собственности. Но думается, что римляне все же четче различали собственность и владение, чем это порой представляется современному человеку. Не оспаривая наблюдений Е.М.Штаерман, заметим, что не только в одном месте в Дигестах (41,2,17,1), в одном у Гая (III,166) и в Ватиканских фрагментах (283) содержатся данные в пользу такого различия. Можно привести слова Гая (II,7) и еще более выразительные определения. Так, агрименсор Агенний Урбик посвящает особые пассажи спорам о собственности (*De proprietate* - Gr.vet.1,78-80) и о владении (*de possessione* - Gr.vet.1.80-81). В "Дигестах" читаем: "...ничего общего собственность с поссессию не имеет..." (Dig.41,2,12). Неправомерным представляется игнорировать определение Фестом земельных владений: "*Possessiones* называются обширные земли, общественные и частные, потому что они приобретаются не манципацией, но пользованием (*usu*), и, таким образом, всякий, кто занимает (*occupaverat*) /землю/, владеет (*possidebat*) /ею/" (р.277). Видимо, это определение утвердилось, так как при объяснении слова "*ager*" его почти дословно привел Исидор Севильский (XV,13,1).

Важно отметить аргумент поздних античных авторов в виде определения манципации, которая представляет собой передачу в собственность вещи через продажу, хотя мнимую. Иначе говоря, не право владения связано в этой дефиниции с куплей-продажей. Заметим еще

раз, что о купле-продаже здесь сказано не с помощью глаголов *emere*, *vendere*, а с упоминанием *манципации*, т.е. древнейшего ритуала. И это позволяет отнести разницу между землями, которыми владеют, и землями проданными, т.е. данными в собственность, в глубь веков, во времена ранней Республики как минимум. Нужно, однако, еще сказать, что юристы, цитированные или комментирующие юридическую практику в "Дигестах", оперируют терминами *dominium* и *proprietas*, равно как и казусами, принадлежащими имперской эпохе. Для времени ранней Республики более корректной представляется все же терминология республиканского времени, унаследованная и переданная нам поздними античными авторами. Так, по законам XII таблиц, муж мог изгнать провинившуюся жену (IV,3), вернув принадлежащие ей вещи, что выражено словами "*suas res sibi habere*". В таблице (V.3) законов устанавливается свобода завешания для отца семейства. Его собственность названа *sua res*; в § 4 и § 5 той же V таблицы - *familia*, в § 6 - *pecunia*, в § 7 - *pecunia* и *bona sua*. В законах VII,8а; X,9 и XII,26 фигурирует *dominus* (собственник), а земельная собственность выражается словами *fundus meus* (VIII,7) и *tuus* (VII,9в). Из приведенного материала явствует большой удельный вес притяжательных местоимений для обозначения частной, в том числе земельной, собственности.

Особое значение имеет текст аграрного закона III г. до н.э.²⁹ Этот закон подвел черту под мерами, ликвидировавшими последствия аграрной реформы братьев Гракхов (последней трети II в. до н.э.). Согласно их реформе, безземельные плебеи получали из общенародного фонда по 30 югеров земли в бессрочное наследственное владение без права отчуждения. Цель проведения такой реформы - укрепление слоя римских крестьян, составляющих основу войска, которое во II в. до н.э. продолжало еще строиться по цензовому принципу. Обеднение плебеев подрывало боеспособность римской армии. Закон III г. до н.э. превращал гракханских посессоров в собственников своих наделов.

Однако вернемся к терминологии этого закона. В нем говорится о людях, которые являются владельцами земли из фонда *ager publicus* по закону или по плебисциту Г.Семпрония Гракха. Они названы давними посессорами (*veteres possessores*). И их участки с возведенными на них строениями (*ager, locus, aedificium*) в том размере, в котором они были некогда даны им триумвиром, оставались за ними, чтобы они их имели, ими владели (*habebit possidebit* - *lex agr. 6*). Далее в законе уточняется статус этих участков: "...всякая земля, место, строение, о которых написано выше, кроме той земли и места, которые предусмотрены предписанным выше /как не подлежащие разделу/, да будет частной" (*privatus esto* - *lex agr. 7*). При этом поясняется, что эти места, земли, строения могут продаваться и покупаться, подобно другим частным землям (*lex agr. 8*).

Приведенный закон является документом, четко противопоставляющим поссессий и частную собственность на землю в определенных и ясных терминах: *possessio* и *privatus ager*. Согласно закону, наделять гражданина участком в собственность - *dare, adsignare* (*lex agr.* 12,15,23,43 и т.д.). В том же законе содержится также полный описательный вариант определения собственности - *uti, frui, habere, possidere* (*lex agr.* 9;10). Очень интересные данные имеются у Цицерона (*leg.agr.* 3,2,7): "...земли, строения, озера, болота, местности являются либо поссессиями, либо уступленными от имени народа в качестве данных и ассигнированных (*data, adsignata*) или проданных (*vendita*)". Понятно, что до появления и утверждения терминов *dominium* и *proprietas* эти официальные формулы были известны не только юристам, но вообще образованным римлянам, в программу обучения которых обязательно входила правовая грамотность.

Интересно, что та же самая терминология, которую мы встречаем в законе 111 г. до н.э., свойственна официальной лексике римских агрименсоров, или громатиков³⁰, бывших специалистами землеутроителями, преподававшими этот предмет в особых школах и составивших пособия по нему. Наиболее древнее из сохранившихся руководств, посвященных квалификации земель, их границам и спорам по их поводу, принадлежит Сексту Юлию Фронтину, жившему в конце I в. н.э. при императоре Домициане, а наиболее позднее - Агеннию Урбику (IV-V вв.). Между ними помещается целая плеяда землемеров, в том числе Сикул Флакк (первая половина II в.). Хотя деятельность агрименсоров была упорядочена при Августе в связи с необходимостью учесть земельный фонд Империи, четко разграничив частные и общественные угодья, с целью совершенствования налогообложения и выявления возможностей для удовлетворения требований ветеранов, основные принципы работы громатиков и классификация земель уходят в глубь италийской истории. Ведь императорская практика выведения колоний продолжала деятельность не только триумвиров и Суллы, но и раннего Римского государства. Так что принять во внимание терминологию агрименсоров необходимо. В частности, Фронтин упоминает о том, что земля колоний - это земля поделенная и ассигнированная (*Grom.vet.ed. Lachmann* 1,1.2; *divisus, adsignatus*), а Сикул Флакк - что ассигнация осуществляется подушно (*Grom.vet.* 1,154). Вообще об ассигнировании колонистов как о наделении их частнособственническими участками, противопоставленными общинным землям, говорится у агрименсоров постоянно. Видно, что ко времени их деятельности формула *dare adsignare* обозначала наделение земель явно в порядке частной собственности. Учитывая все это, с особым вниманием следует относиться к текстам именно латиноязычных авторов, которые писали о ранней Республике. Их словоупотребление точнее, чем у греков.

Ф.Серрао справедливо, по нашему мнению, отметил, что Ливий дал политико-юридическую классификацию событий³¹. Поэтому исключительное значение в аспекте наших исследовательских интересов имеет труд Тита Ливия.

Из описания событий начала Республики античными авторами вытекает, что острой проблемой была аграрная. Нет недостатка в известиях о том, что уже с конца VI в. до н.э. земельный голод пытались утолить разными способами, прежде всего путем колонизации, причем в колонии выселялись именно плебеи³². Уже это показывает, что они нуждались в земле, легко теряли землю. Поскольку сведений о каких-нибудь массовых сгонах людей с участков для этого времени нет, логично допустить, что плебеи вынуждены были свои наделы продавать. А это возможно, если они действительно пользовались землей на условиях частной собственности.

Римляне почти непрерывно воевали, но масштабы и результаты военных действий были различными. Иногда недалекие вылазки заканчивались угоном скота у противника, но удавались и земельные захваты. Тогда можно было основать колонию. Сообщений об этом в античной традиции немало. Так, в 494 г. до н.э. римляне отняли часть земли у вольсков и основали колонию в Велитрах (Liv.II.31,1); в 492 г. до н.э. они пополнили эту колонию и отправили еще колонистов в Норбу в Помптинской области (Liv.II,34,5; Dionys.VII.13). О нужде римлян в новых колониях свидетельствует переданный Дионисием Галикарнасским (IX,17) случай, как консул 476 г. до н.э. Эмилий претендовал на триумф, но, получив от сената отказ, начал возбуждать бедняков против патрициев. Выступая в качестве защитника бедных и переманивая плебеев на свою сторону, он предложил вывести клерухию, т.е. колонию граждан. К 467 г. до н.э. относятся известия об организации колонии в захваченном городе вольсков - Анций. Для этого, как полагалось, избрали коллегию триумвиров для наделения выселявшихся земель (Dionys.IX.49; agro dando - Liv.III.1.6). В 442 г. до н.э. вывели небольшое число колонистов в Ардею, город рутулов. Малочисленность поселенцев объясняется тем якобы, что этот город рутулов был союзным Риму. Римское войско оказалось там будто бы по просьбе самих ардейцев, ввергшихся в междоусобицу. Она разгорелась потому, что юноши из местной знати и плебеев рассорились из-за плебейской красавицы и сторонники раздосадованных женихов призвали на помощь себе знатных римлян, а плебеи - вольсков. Победив вольсков, римляне и решили по праву войны пополнить поредевшее в распрах ардейское население, выселив своих людей в Ардею, тем более что считали часть ардейской земли издавна завоеванной, а потому своей (Liv.III.70-71). То, что римские колонисты заняли только эту землю, возмутило плебеев (Liv.IV.11.6), что опять-таки свидетельст-

вует о недостатке у римлян земли и о заинтересованности их в колонии. Отметим также, что, говоря о наделении колонистов участками, Ливий употребляет выражение *gleba ulla agri adsignaretur* (IV,11.4) и *agri dividendi plebi* (IV.12.4).

В последующие годы вопрос о выведении колоний то и дело возникал в римском обществе. 424 г. до н.э. отмечен агитацией плебейских трибунов и плебеев за основание колоний (Liv.IV.36.2). В 418 г. до н.э. сенат вынес решение об основании колонии в Лабик (Liv.IV.47.7). К 395 г. до н.э. относится решение о выведении колонии в вольскую область (Liv.V,24,5), а к 392 - в Вителлию, в область эквов (Liv.V.29.3). В 393 г. до н.э., согласно Диодору Сицилийскому (XIV.102), была пополнена колония Цирцеи, а в 385 - основана колония в Сатрике (Liv.VI.16.6). Затем два года подряд основывали колонии; в Непете и Сутрии - в 383 г. до н.э. (Liv.VI.21.4; Vell.1.14) - в 382 г. в Сетии (Vell.1.14). В последней трети IV в. до н.э. колонизационный процесс шел тоже очень интенсивно. В 334 г. до н.э. появилась колония римлян в Калес (Liv.VIII.16,13), в 328 - в Анксуре (Liv.VIII.21.11) и во Фрегглах (Liv.VIII.22.2). В 314 г. до н.э. вывели колонию в Луцерию (Liv.IX.26.1), в 313 - в Свессу и Понтию (Liv.IX.28.7), в 303 основаны колонии в Соре и в Альбе (Liv.X.1.1), в 302 - в Карсеоли (Liv.X,3.2). Таким образом, в IV в. до н.э. римляне 16 раз выводили колонии, а вопрос о выведении колоний ставился по крайней мере 18 раз.

Но колонизация не была единственной мерой разрешения аграрной проблемы. Параллельно с ней практиковались аграрные рогации, т.е. вносились законы о наделении земель плебеев. Первый из таких законопроектов, которые упомянуты в традиции, - закон 486 г. до н.э., предложенный консулом Спурием Кассием (Flor.1.17; Liv. II.41; Dionys.VIII,66-69; Val. Max.5.8.2; Dio Cass. V.19). Согласно Ливию (II.41.1), Кассий собирался поделить (*divisurus... adsignaretur*) отнятую у герников землю между латинами и римскими плебеями. По Дионисию же (VIII.69.34-44; X.38), раздел общественной земли по жребию (*κληρονομία*) касался не только римских плебеев и латинов, но и герников, единственных союзников римлян против вольсков и эквов. В настоящее время традиция о Кассиевой рогации признается достоверной, вовсе не сконструированной анналистами по модели законодательства Гракхов, как это считали ученые прошлого века³³. В самом деле, условия аграрных реформ весьма разнятся между собой: в начале Республики дело шло о распределении участков не только между римскими плебеями, но и неримскими гражданами, в конце Республики о неримлянах речи вообще нет. Нельзя не принять во внимание резонного соображения Ф.Де Мартино о том, что у средних и младших анналистов, писавших о событиях начала V в. до н.э., не имелось причин для их фальсификации. У этих историков, живших в эпоху

поздней Республики, не было "семейных мотивов" для измышлений. Ведь имена героев VI в. - не их имена. Да и политическая ориентация их, начиная с Кальпурния Пизона, шла в противоположную от Гракхов сторону. Поэтому трудно заподозрить их в изобретении прецедентов, которые оправдывали бы современную им борьбу за аграрную реформу. Действительно, известно, что Кальпурний Пизон на стороне демократии не сражался. Что же касается Кассия Гемины, единственного из анналистов, кто мог быть заинтересован в прославлении своих предков, то в случае со Спурием Кассием это исключено, поскольку последний был обвинен в стремлении к царской власти, что считалось в Риме тягчайшим грехом, и напоминание об этом не красило бы потомков.

Судьбой приобретенных в войне территорий всегда занимался сенат. В его ведении находился и *ager publicus* (Dionys.VIII.73.3; IX.52). И на этот раз законопроект Спурия Кассия был одобрен сенатом³⁴. На этот счет существует прямое свидетельство Дионисия Галикарнасского (VIII.76), который пересказывает текст сенатконсульта (*δβουλα*). В нем содержится постановление о создании коллегии децемвиров из консуляров, старших по возрасту, которым надлежало размежевать *ager publicus* (*δημοσία χώρα*) и одну часть его отвести под сдачу в аренду, другую - под раздел плебеям (*τῷ δήμῳ διατρεδῆναι*), а прочее предоставить союзникам, пользующимся исополитией, что в данном случае должно означать как имеющим *ius commercii*. Если такое постановление действительно и было принято, то проведено в жизнь оно все же не было. В 484 г. до н.э. плебеи продолжали мечтать о земельном законе (*agrariae legis* - Liv.II.42.6). О том же свидетельствует ненависть плебса к консулу 483 г. Л.Валерию, который был обвинителем Спурия Кассия (Liv.II.42.7). В 482 г. до н.э. плебейский трибун Сп.Лициний пытался действовать в пользу аграрного закона (Liv.II.43.3; Dionys.IX.1,3). В 480 г. до н.э. с аграрным законом (*agraria lex*) выступил плебейский трибун Тиберий Понтифиций (Liv.II.44.1; Dionys.IX.5.2). На следующий, 479 г. до н.э., упреждая выступление кого-нибудь из плебейских трибунов, предложил аграрный закон консул Кезон Фабий (*agraria lex* - Liv.II.48.2; Dionys.IX.9.3). В 476 г. до н.э. снова был поднят вопрос об аграрном законе со стороны трибунов Кв.Консидия и Т.Генуция (*agraria lex* - Liv.II.52.2-3; Dionys.IX.27.4), что повторилось и в 474 г. до н.э. (Liv.II.54.2). В 470 г. до н.э. борьба вокруг закона возобновилась (Liv.II.61.1: *de lege agraria*; Dionys.IX.51). Возможно, плебеев поддержал и консул Эмилий, о чем не вполне отчетливо говорит Ливий (Liv.II.61.1; III.1.2). 469 г. до н.э. снова отмечен готовностью плебеев к борьбе за аграрный закон (Liv.II.63.2: *agrariae legis*), но дело было прервано нападением на Рим вольсков. В 467 г. до н.э. плебейские чаяния вторично поддержал консул Эмилий (Liv.III.1.2: *agri dandi plebi*; Liv.III.1.6: *agro dando plebi*; Dionys. IX.59.1).

К 462 г. до н.э. относится отклонение самими плебеями попытки плебейского трибуна Секста Тиция вернуться к аграрному закону. Об этом говорит Дионисий (IX.69.1: *περὶ τῆς κληρουχίας*). К сожалению, у Ливия об этом ничего не сказано, поэтому привести точную формулировку трибунского предложения, выраженную официальным языком, нельзя. Но можно думать, что она включала слова "agri dandi, dividendi" или "adsignandi". В 456 г. до н.э. был принят закон Ицилия (Liv.III.31.1; Dionys.X.32). Ф.Серрао³⁵ считает, что этот закон не был собственно аграрным, поскольку предоставлял мелкий участок под строительство дома. Однако речь в нем шла о разделе Авентинского ager publicus, что давало, хоть и нищенский, земельный надел. На 455 г. до н.э. падает, согласно Дионисию (X.35.5), возобновление борьбы за аграрный закон, который далее (X.36.1) назван (*χωρονομικὸς νόμος*) и (X.39,2) - *γεωμωρικὸς νόμος*, что вполне соответствует lex agraria. В 442-441 гг. до н.э. вопрос о наделении плебеев землей тщетно поднимал плебейский трибун Петелий (Liv.IV.12.4: agri dividendi plebi). Таким образом, первая половина V в. до н.э. ознаменовалась борьбой за наделение плебеев землей, не всегда, правда, удачно завершавшейся.

Новая серия аграрных рогаций падает на последнюю четверть V столетия. После успехов плебеев, достигнутых в середине этого века, - опубликование законов XII таблиц, отмена недопущения смешанных браков и учреждение коллегии консулярных трибунов, - внимание плебеев было привлечено к искательству высшей магистратуры и бесконечным внешним войнам. Но в 424 г. до н.э. вновь заговорили о разделе государственных земель (agri publici dividendi - Liv.IV.36.2). Этим же отмечены 421 (Liv.IV.43.6 - agraria lex) и 420 гг. до н.э. (Liv.IV.49.7: de agris dividendis). В 417 г. до н.э. по предложению плебейских трибунов Метилия и Мецилия опять был поставлен вопрос об аграрном законе (Liv.IV.48.1: rogationem promulgassent). О требовании аграрного закона (agrariae legis - Liv.IV.51.5) свидетельствует попытка патрициев в 413 г. до н.э. успокоить плебеев предложением о разделе Боланской земли (agri divisionem). Показательно, что в 401 г. до н.э. плебейские трибуны обвинили консулов в затягивании вейентской войны, чтобы затормозить наделение землей плебеев (Liv.V.II.9). Известно, что в 393 г. до н.э. сенат по докладу консулов принял решение о разделе вейентской земли (Liv.V.30.7-8: agri... plebi dividerentur). В 388 г. до н.э. были даны наделы новым гражданам из вейентов, фалисков, капенатов (Liv.VI.4.4: ager... adsignatus). В 387 г. плебейский трибун Л.Сициний поднял вопрос о Помптинском поле (agraria lex - Liv.VI.5.1; leges agrariae - Liv.VI.6.1). К 384 г. относится демократическая деятельность М.Манлия Капитолийского, перешедшего даже за грани аграрных законов (agraribus legibus - Liv.VI.11.8).

Текст Ливия позволяет сказать, что он не только достаточно подробно знает римскую аграрную историю V в. до н.э., но и использует определенную терминологию. Совершенно ясно, что римляне практиковали два разных способа разрешения аграрного вопроса, которые по-разному терминологически оформлялись: при основании колоний фигурирует выражение *colonia deducenda*, а при наделении римлян землей из *ager publicus* всегда говорится о *lex agraria*. При этом предоставление участков в обоих случаях выражается в словах *agri dandi adsignandi dividendi*. Этим аттестуется наделение землей именно в порядке частной собственности. Поскольку такое словоупотребление всегда связано с удовлетворением требований плебеев, следует подчеркнуть, что плебейское землевладение имело частнособственнический характер. Это очень важно для определения общественно-экономического статуса плебса.

Не лишним в связи с этим будет установить и размеры плебейских наделов. Обычно античные авторы говорят о надельной норме в колониях, но не для живущих в Риме плебеев. Однако она может быть определена. Ведь частный участок - наследственный участок, т.е. *heredium*. Существует его определение в словаре Феста, переданное Павлом Диаконом: *heredium* - это маленькое имение (Paul-Fest.p.89). Следует, разумеется, иметь в виду, что *heredium* был экономической основой и патрицианской и плебейской фамилии. Еще А.Рудорф³⁶ в середине прошлого века подчеркивал, что частные участки в отличие от коллективных земель были малых размеров. Уже приведенная выше дефиниция может дать представление о плебейском наделе. Но она неопределенна, нуждается в уточнении. И его можно сделать. Согласно античной традиции, со времен Ромула неимущие римляне получали подушно двухюгеровый надел, равный 0,5 га (*bina iugera*)³⁷. Такая норма существовала на протяжении всей царской эпохи и в начале Республики, если главы семей переселившегося в Рим рода Клавдиев получили то же количество земли, исключая самого Атта Клавза, которому было дано 25 югеров (Dionys.V.40; Plut.Popl.XX I; Suet.Tib.1.1: Plut. Cato Maior.II). Те же 2 югера фигурируют и как подушная норма в ранних римских колониях (Liv.VIII.21.11). Позднее норма была увеличена. Знаменитый Л.Квинций Цинциннат, диктатор 458 г. до н.э., обладал голем в 4 югера (Liv.III.26.8; Colum.1 Praef.13; Val.Max.IV.4.7.), а после завоевания этрусского города Вейи сенат решил наделить захваченной землей плебеев из расчета 7 югеров на человека (Liv.V.30.8). Той же нормы придерживался известный реформатор Лициний Столон (Colum.1.30.10) и считал ее достаточной прославленный полководец Маний Курий Дентат (Plin.NH.18,18; Colum.I. Praef.14;3.10).

Естественно, такие небольшие участки легко обрабатывались членами семьи и не нуждались в привлечении дополнительной рабочей силы. Как ни скромны плебейские наделы, землю для них приходилось добывать. Все упомянутые выше аграрные законы предлагались всегда в связи с завоеваниями, расширявшими римский *ager publicus*. Именно из этого фонда и проводилось ассигнирование плебеев. Вспомним рассуждение Цицерона о частной собственности (*De off.* 1.7.20). По его мнению, от природы ее не бывает, а возникает она либо на основании давнего занятия земли, либо в силу победы на войне. Значит, "частная собственность образуется из того, что от природы было общим", резюмирует знаменитый римлянин. Частнособственнический характер плебейского землевладения четко сформулирован Ливием (IV.48.3): "...ведь в расположенном в чужом городе (районе) нет участка, который бы не был добыт силой оружия, и нет такой земли, какая была бы ассигнирована кому-либо, кроме плебеев". Итак, можно заключить, что римский плебс пользовался землей из возраставшего *ager publicus*³⁸ на условиях частной собственности. Наш пассаж подводит базу аргументов под наблюдение, бытующее в историографии, ставшее в советской науке по справедливости давно общим местом.

Посмотрим теперь, что сообщают античные авторы о патрицианском землевладении. Сведений на этот счет немного, но они все-таки имеются. Вновь упомянем законопроект Сп.Кассия. Ратуя за наделение плебеев и латинов земель, консул предлагал пустить под раздел для них не одни только что полученные герникские земли, но и часть прежнего *ager publicus*, который находился в руках отдельных лиц (*Liv.* II.41.1-2). Из текста Ливия явствует, что лица были из числа *patres*, т.е. сенаторами, а значит, и патрициями, и общенародной землей этой они владели (*possidere*). Под 470 г. до н.э. у Ливия (II.61.1-2) значится суд на Аппием Клавдием, консулом предыдущего года, который прославился стойкой и жесткой борьбой с плебеями и защитой всех владельцев общественного поля (*possessorum publici agri*). Антиплебейская направленность Аппия Клавдия подчеркивает патрицианскую принадлежность поссессоров.

467 г. до н.э. ознаменован был возмущением консулом Эмилием со стороны землевладельцев и большей части *patres*, т.е. патрициев и их сенатской верхушки (*possessores et magna pars patrum* - *Liv.* III.1, 2-3). Консула обвинили в том, что он вместе с плебейскими трибунами, расщедрившись за чужой счет, ищет популярности (*largiendo de alieno populum fieri*). Обращает на себя внимание этот "чужой счет", откуда вытекает безусловная уверенность патрициев в том, что аграрный закон, за который ратовал консул Эмилий, ущемлял их интересы. В самом деле, предоставление плебсу наделов сужало возможности патрициата в использовании общественной земли, т.е. во владении ею. В

413 г. до н.э. во время очередного обострения отношений между патрициями и плебеями предоставление участков из общественных земель плебсу расценивалось как задевавшее интересы *patres*, т.е. опять-таки верхушки патрициата, в чьем владении (*possesso* Liv.IV.51.5-6) находился *ager publicus*. Далее Ливий (VI.14.11), характеризуя позицию Марка Манлия Капитолийского (385 г. до н.э.), сообщает, что Манлий обвинял *patres* и в утаивании золота, предназначенного на то, чтобы откупиться от галлов, и в том, что им, т.е. патрициям, не хватает уже обладания (*possessio*) общественными полями. Заметим также, что условие *possessio* органически связывается в источниках не только с патрициями как субъектами его, не только с *ager publicus* как с его объектом, но и с оккупацией этой земли (Liv.VI.37.2; Hygin. Gr.Vet.1,115; Fest. *possessiones*, p.337; Isid. 15.13.1), т.е. с особым видом ее использования.

Приведенный здесь материал, выраженный словами Т.Ливия, показывает, что патриции всегда именовались *поссессорами*, что патриции безусловно пользовались общественной землей, но не в порядке частной собственности, а в порядке владения, *поссессия*. Значит, смысл аграрной борьбы в рамках ранней Республики заключался не в том, чтобы допустить или не допустить плебеев к эксплуатации *ager publicus* вообще (они к нему были допущены), а в том, чтобы изменить в интересах плебса режим этой эксплуатации. Для уяснения этого вопроса необходимо рассмотреть подробно условия получения земли из общественных угодий во владение и в частную собственность.

Мы уже обратили внимание на то, что нужда плебеев в земле удовлетворялась либо путем колонизации, либо путем наделения их частнособственническими участками. При этом ни о какой плате за землю в источниках не говорится. Красноречивое свидетельство такого положения - закон Ицилия 456 г. до н.э. о наделении землей плебеев. Ливий (III.31.1) упоминает о нем очень кратко: из-за проливных дождей поднялись цены на продовольствие. Был проведен закон о разделе земли на Авентине (*de Aventino publicando*). Значительно подробнее рассказ Дионисия Галикарнасского (X.32.2): "Земельные участки, находящиеся у частных лиц (*ιδιωτάι τιςς*), которыми они наделены законным образом, должны остаться у собственников (*κύριοι*); участки (*ὄσα*), которые некоторые люди застроили, поскольку они заняты силой или ими владеют обманным путем, должны быть возвращены народу (*ἡ δῆμος*), а захватчикам этих земель будут возмещены расходы, которые определяют арбитры; другие же участки, которые были общенародными (*δημόσια*), народ должен разделить (*διελέσθαι* - *dividere*) и получить бесплатно (*χωρὶς ὀνῆς*)".

Что касается *поссессии* на *ager publicus*, то и они, первоначально по крайней мере, были бесплатными. На этот счет есть убедительное

свидетельство Аппиана (BC.1.11). Говоря об аграрном законодательстве Тиберия Гракха, Аппиан сообщает, что реформатор напомнил богатым, что каждый из них получает, а точнее сохраняет по предложенному закону в вечном пользовании 500 югеров бесплатно. Подчеркнем, что Гракх восстанавливал древнюю норму 367 г. до н.э.³⁹ Кроме таких прямых указаний на бесплатность ранней оккупации можно привести еще одно наблюдение. Плебейские трибуны 424 г. до н.э., по свидетельству Ливия (IV.36.2), возбуждали плебеев постановкой вопроса не только о получении земель, но и о необходимости введения налога на посессоров. Значит, в то время за пользование оккупированной землей еще не платили.

Тот же Аппиан показал (BC 1,18), что в древности общенародную землю занимали свободно. Государство разрешало обрабатывать неподделенную землю, чем, добавим, способствовало ее концентрации в руках немногих людей. Поскольку во времена Гракхов уже трудно было разграничить участки, давно занятые, т.е. оккупированные на *ager publicus* и участки купленные, можно думать, что аграрной комиссии приходилось иметь дело с потомками древних посессоров, получивших некогда землю бесплатно. Сообщение Плутарха (Gr.VIII) о предоставлении по предложению Гракха римским беднякам завоеванной земли в вечное пользование за небольшую плату отражает, по-видимому, более позднюю практику, развившуюся в условиях расцвета, даже господства частнособственнических отношений, чего в ранней Республике еще не было.

Тут естественно поставить вопрос о размерах занимаемой посессорами земли. По обычаю предков, согласно Сиккулу Флакку (*de cond. agr.*136,12-13), т.е. первоначально, норма посессии была небольшой. Исходили из возможности человека самому обработать участок. Вспомним, однако, что Фест (р.277) называл посессии обширными (*late patentes*). Это отражает более позднее время. Но хорошо известно, что в ходе римской истории представление о крупном землевладении менялось в сторону расширения имений⁴⁰.

Как же обстояло дело в раннюю эпоху? Об этом можно судить по рассказам Ливия о награждениях героев начала Республики. Так, Муций Сцевола получил в дар землю (II.13.2). Гораций Коклес, также совершивший беспримерный подвиг в борьбе против этрусского правителя Порсенны, был почтен статуей на Капитолии и землей в таком количестве, сколько можно опашать плугом с воловьей упряжкой за один день, а это немного. По словам Ливия, земля ему была дана (*datum*), что скорее всего означает "дарована", т.е. предназначена в собственность. Однако здесь нужно учесть размер участка и то, что он выдавался из фонда *ager publicus*. О том, что такое небольшое владение превратилось в норму, свидетельствует Сиккул Флакк (Gr. vet. 1.137),

отмечая, что потом люди занимали большие пространства не потому, что могли столько земли обработать, а резервировали ее впрок в надежде на обработку.

Из приведенных материалов можно, таким образом, сделать вывод, что в начальный период Республики патриции и плебеи эксплуатировали общенародную землю, причем патриции, безусловно, получали ее бесплатно, в общем, в скромных размерах. И все же не они, а плебеи постоянно чувствовали себя в аграрной сфере ущемленными. Чем же они были недовольны? И почему от безземелья страдали именно плебеи, именно они впадали в долги и попадали в кабалу?

В самом деле, в 501-500 гг. до н.э. волновались плебеи, страдавшие от долгов (Dionys.V.52-53). 495 г. до н.э. ознаменован "междоусобной ненавистью между патрициями и плебеями, главным образом из-за кабальных должников" (Liv.II.23.1). От жестокости ростовщиков страдали и люди среднего достатка (Plut.Marc.V). Настроения римлян были подогреты появлением на Форуме старика, покрытого рубцами от многих ран, бледного, худого, в грязной и бедной одежде. Это был доблестный центурион, воевавший за отечество. Но поле его было разграблено врагами, дом сожжен, скот угнан. Лишившись всего, старый воин, не имея средств на уплату военного налога (tributum), впал в долги, которые не смог погасить, даже отдав дедовскую землю (Liv.II.23,6). Безжалостный кредитор превратил его в кабального раба, заковал в оковы, отправил в тюрьму. В ответ на стенания несчастного и сочувственные крики толпы отовсюду стали сбегаться должники, требуя созыва сената. Случившиеся на Форуме сенаторы оказались в большой опасности и попрятались по домам. От мятежа должников отвлекло лишь нападение вольсков. Консул Сервилий уговорил плебеев встать под его знамена, предварительно издав эдикт о том, чтобы пока воин-должник находится в лагере, никто не забирает бы его имущества, не задерживал его детей и внуков. Однако другой консул 495 г. до н.э., Аппий Клавдий, затеял судебные дела против должников, в результате чего количество закабаленных увеличилось, в том числе за счет возвращения ранее попавших в кабалу (pexi) их заимодавцам (Liv.II.27.1-2). Ливий объяснял действия Клавдия завистливым стремлением досадить своему коллеге Сервилию, удачно воевавшему с вольсками и пользовавшемуся доверием плебеев (II.24.3-4). Плебеи сразу же обратились за помощью к своему полководцу Сервилию. Он этим был поставлен в тяжелейшее положение, потому что и его коллега, и знать вообще яростно сопротивлялись его вмешательству в решение вопроса. Аппий Клавдий добился своего: Сервилий не избежал ненависти плебса и потерял в глазах patres. Но это только эпизод в цепи возмущений плебса из-за бремени долгов. Вспомним, какую роль сыграла плебейская задолженность в организации I сецессии (Liv.II,27;28;31;33). Не

случайно поэтому привлечено внимание к долговой проблеме со стороны децемвиров, опубликовавших законы XII таблиц. Должников они так или иначе касаются в 12 статьях (III, 1-6; IV.2; V.9а, 9в; VI.1; VIII.18а; XII.1).

В IV в. атмосфера в Риме вокруг долгового вопроса сгущается еще больше. Это можно проиллюстрировать хотя бы несколькими примерами. Один из самых ярких связан с именем героя Марка Манлия Капитолийского. О нем рассказывает Ливий (VI.11). В 385 г. до н.э. на фоне трудной войны с вольсками в Риме разразилась драма. Марк Манлий якобы очень завидовал Марку Фурию Камиллу, также участвовавшему в освобождении Города от галлов. Манлий негодовал на то, что Камилл пользуется уважением сената, и будто бы в виде моральной компенсации стал искать расположения плебеев. Не ограничиваясь земельными законами, он начал подрывать ссудное дело. Поскольку задолженность была весьма велика, вокруг Манлия сплотилась масса людей, оказавшихся на грани кабалы. Внешние и внутренние опасности испугали сенаторов, был назначен диктатор. Ожесточение толпы и на этот раз вызвала судьба осужденного за долги центуриона (Liv.VI.14), прославившегося своими военными подвигами. И он демонстрировал свои рубцы от полученных ран и жаловался на разорение. Настроением разгоряченных людей воспользовался М.Манлий и обещал, что продаст главную часть своего имущества, поместье под Вейями, чтобы оплатить долги римлян (Liv.VI.14.9). Этим он пленил сердца плебеев, за что в конечном счете был обвинен в домогательстве царской власти и казнен (Dionys.XIV.4; Liv. VI.20.12; Plut.Quaest.rom.19). Напомним еще, что плебейские трибуны Лициний и Секстий прежде всего предложили закон о смягчении положения должников (Liv.VI.35.4) и добились того, что проценты были засчитаны в счет займа, а оставшиеся деньги погашались равными долями в течение трех лет.

В середине IV в. до н.э. долговой вопрос вновь взволновал римское общество, так что трудная ситуация во внутренних делах противопоставлена Ливием внешним успехам, т.е. победам Рима в 354 г. до н.э. над Тибуром и Тарквиниями (Liv.VII.19.5). Пришлось снизить долговой процент до 8 и 1/3 годовых, но и это не спасло многих от кабалы. Более того, ограничение ссудных процентов на практике не соблюдалось (Liv.VII.21.3). Выбранные на 352 г. до н.э. консулы, из которых один был патрицием, а другой плебеем, вынуждены были обратиться к урегулированию большого вопроса. По их инициативе избрали комиссию из пяти человек, которые либо обеспечивали просроченные платежи верной оценкой имущества должников, либо погашали долги из государственной казны (Liv.VII.21.5-8). Но и эта мера дала лишь временный эффект. В 347 г. до н.э. пришлось снова снижать ссудный

процент до 4 1/6, растянув уплату долга на 3 года (Liv.VII.27.3-4). В 343 г. до н.э. были привлечены к суду ростовщики (Liv.VII.28.9), а в 342 г. плебейский трибун Луций Генуций предлагал запретить ростовщичество (Liv.VII.42.1). Поскольку борьбу за облегчение долгов возглавляли обычно плебейские трибуны, можно считать, что должниками были по крайней мере в первую очередь плебеи. На то же указывает и принятие в конце IV в. до н.э. (327 или 313 гг.) закона о запрещении рабства-должничества⁴¹.

Обратимся теперь вновь к конкретным фактам аграрной истории, переданным античными авторами. В перипетиях бурных событий ранней Республики слышится негромкий, но все же различимый голос плебейских чаяний в аграрной сфере особого рода. Этот специфический мотив можно уловить в выступлении Сп.Кассия (486 г. до н.э.). Его аграрная рогация, как уже сказано, изложена Ливием и Дионисием неодинаково. По Ливию (II.41.1-2), Сп.Кассий предложил наделить завоеванной землей римских плебеев и их союзников латинов, а по Дионисию (VIII.69) - еще и герников. Зато оба они согласно сообщают, что Сп.Кассий предполагал не ограничиваться новыми землями, а пустить под раздел и старый, уже существовавший *ager publicus*, притом не резервный, а находившийся в руках богатых (*χωρά δημοσία... ἐπὶ τῶν εὐπορωτάτων κατεχομένη... δῆμον διανέμειν*) по словам Дионисия, или частных лиц (*privati*), как говорит Ливий. Далее он поясняет, кто эти лица - испугавшиеся сенаторы (*patres*), которые сами представляли собой посессоров этого *ager publicus*. С аналогичным предложением выступили в 417 г. до н.э. плебейские трибуны Сп.Мецилий и М.Метилий. Ливий (IV.48.1-3) говорит здесь вообще о разделе земли, захваченной у врагов, причем между всеми плебеями, а не в каком-то конкретном месте завоеванной и предназначенной для какого-то круга безземельных, так что "имущество большинства знатных делалось общественной собственностью" (*publicarentur fortunae*).

Таким образом, в обоих случаях вполне определенно звучит требование плебса о передаче всего *ager publicus*, высказывается претензия на равное с патрициями право на всю общенародную землю.

В этом же смысле можно истолковать и события 467 г. до н.э., связанные с организацией колонии в только что захваченном вольском городе Анции. Он находился в плодородной, притом приморской местности. Однако желающих записаться в такую прекрасную колонию оказалось мало (Dionys.IX.49), большинство плебеев предпочитало, по словам Ливия (III.1.7), получить наделы не где-нибудь, а в Риме (*Romae agrum...quam alibi...*). Не мудрено, что это смутило патрициев. Ведь и тут просматривается ориентация плебеев на старый, близлежащий, уже использовавшийся патрициями общенародный земельный фонд.

Аналогичное заключение вытекает из анализа событий 413 г. до н.э. Согласно Ливию (IV.51.5-6), патриции считали нужным поднять вопрос о разделе (*divisione*) боланских земель, чтобы этим предупредить требование земельного закона. Это расценивалось в Риме как бессовестное нежелание патрициев уступить плебеям не только уже имевшуюся в их руках государственную землю, но и недавно завоеванную, которую знать собиралась присвоить. Иными словами, и в этом эпизоде выявляется претензия плебса не только на новый, но и на старый, занятый патрициями *ager publicus*.

Подобным образом сложились дела и после завоевания Вей, в 395 г. до н.э. В Вольскую область, недалеко от Рима, решили вывести колонию. Но плебеи, по чьим именно требованиям обычно отселяли колонистов⁴², вознегодовали, стремясь получить землю прямо под боком, в Вейентской области. Тогда-то, по словам Ливия, и вызрел план перенесения в Вейи части сената и части плебса так, чтобы два города составили единое государство и оба были населены единым римским народом (Liv.V.24.4-8). Таким образом, и в эпизоде 395 г. до н.э. просматривается и нежелание плебеев выселяться в дальнюю колонию, и стремление на равных с патрицианской верхушкой заселить Вейи и получить вейентскую землю. И этот эпизод убеждает в том, что аграрная борьба плебеев не сводилась к получению частнособственнических наделов, даже когда люди оставались в Риме и не превращались в колонистов. Если плебс добивался равноправия в политической сфере, то и в аграрной добивался того же.

Такое положение сохранялось и позднее. Это подтверждается известием Аппиана (BC 1.15) о реакции бедняков на угрозу жизни Тиберия Гракха. Они горевали и боялись того, что без своего верного плебейского трибуна "не придется им впредь пользоваться одинаковыми правами с прочими гражданами". Но Гракх ведь ни о каких политических правах для плебеев не говорил. Значит, бедные плебеи беспокоились за полученный по аграрному закону допуск к *ager publicus* в порядке поссессиа, предусмотренного гракханским законодательством. Выходит, что именно в оккупации, т.е. в поссессии, и видели плебеи равенство прав с патрициями на *ager publicus*. Притом на весь общенародный земельный фонд, без ограничения вновь завоеванным. В этом проявлялась принципиально иная постановка вопроса в аграрной борьбе, чем просто желание ассигнирования, на что патриции всегда вынуждены были соглашаться, чтобы не лишиться большего, как постоянно отмечают античные авторы.

Подчеркнем еще раз, что плебеи вовсе не были отстранены от *ager publicus*. Этому как будто противоречат слова Нония Марцелла, африканского грамматика императорской эпохи. В своем словаре он пишет: "Плебейство - это незнатность (или незначительность)". Катон в речи

за Ветурия: "...вследствие бедности и плебейства". Гемина в Анналах: "Всякий, кто вследствие плебейства лишен *ager publicus* (*agro publico eiecti sunt*)". Впрочем, перевод может быть иным: "...все, кто из-за плебейства выброшен (согнан) с *ager publicus*". Именно такого смысла перевода придерживается Е.М.Штаерман, считая его доказательством изначального равенства патрициев и плебеев в земельных отношениях и несправедливого сгона патрициями плебеев с земли. Однако предложенный нами вариант кажется предпочтительнее. Во-первых, он грамматически вполне корректен, построен по модели "*eiectus die*" - лишенный света дня, т.е. зрения, слепец. Во-вторых, "быть лишенным" чего-либо можно не только путем изгнания, обязательно насильственного действия, но и изначалью. Меньшая категоричность перевода, наконец, предупреждает против заданности аргументации.

Итак, как же плебеи могут быть лишены *ager publicus*, если они им пользовались? Вероятно, утверждение Гемины, сохраненное Нонием Марцеллом, можно понимать так, что оно касается не всего *ager publicus* вообще, но немалой части его, занятой патрициями, которая оказалась вне пределов досягаемости со стороны плебеев. Не случайно поэтому патриции сочли законопроект 417 г. до н.э. о разделе всех земель угрозой их благополучию. Ведь и занятая ими земля возвращалась бы в общенародный фонд (*publicaretur* - Liv. IV.48.2). Таким образом, патрицианские владения практически противопоставлены были плебейским землям.

Равноправие в отношении к земле, можно думать, виделось плебеям не просто в приобщении ко всему *ager publicus*, включая давно завоеванные поля. Привычное и доступное им, пусть и в результате борьбы, ассигнирование давало только временный результат. Безземелье и задолженность были постоянными спутниками плебеев. Между тем патриции, бывшие поссессорами общенародной земельной собственности в большинстве своем, были более богаты и благополучны. Именно земельные владения, поссессии знати, первоначально бесплатные, идентифицировались, по всей видимости, в плебейском сознании с *ager publicus*, столь вожаделенным. Чтобы проверить это предположение, необходимо рассмотреть подробнее сначала характер *ager publicus* и учесть также развитие аграрных отношений в Риме после законов Лициния и Секстия.

Проблеме римского *ager publicus* уделено много внимания в мировой историографии⁴³. Вызывало интерес происхождение этого термина, этимология слова *publicus*. Была установлена связь слова *publicus* с войной, с захватами. Его производят обычно либо от *populor* (отнимаю, опустошаю), либо от *pubes* (взрослая молодежь, т.е. воины, народ). *Populor* в свою очередь связано с *populus* (народ, вооруженный народ). Слова эти очень древние. *Poplus* встречается уже в песнях жрецов

салиев, когда слово "народ" было идентично слову "мужчины", т.е. "войны"⁴⁴. Исходя из этого *ager publicus* в своем первоначальном и основном значении - это земля завоевателей, значит, земля завоеванная⁴⁵. Такое понимание *ager publicus* зафиксировано и в Дигестах (XLIX.20. § 1).

Принадлежащая римлянам территория обозначалась *ager Romanus*. Она постоянно расширялась благодаря завоеваниям. Но *ager Romanus* и *ager publicus* не совпадают по своему значению. *Ager Romanus* охватывает и площадь самого Рима, и присоединенных к нему областей, сначала близлежащих, т.е. Лация, а позднее всей Италии и даже провинций. В *ager Romanus* входили с течением времени города с их окрестностями, т.е. сельскохозяйственными угодьями, лесами и гаванями. Начиная с правления царя Сервия Туллия (VI в. до н.э.), *ager Romanus*, т.е. принадлежащие Риму территории, стали делиться на трибы, т.е. территориальные округа. Трибы были той административной единицей, в которой римские граждане осуществляли политические права: принимали законы, а затем и избирали и избирались на почетные должности в государстве. *Ager Romanus* включал в себя разные с точки зрения их принадлежности категории земель: во-первых, частные, т.е. ассигнированные или купленные, подаренные участки, находившиеся в собственности лиц прежде всего плебейского, а потом, с распадом родовых связей, патрицианского происхождения; во-вторых, общественные земли, бывшие в собственности разных коллективов: gentilных общин, соседских (сельских, а затем городских) и римского народа - римских граждан в целом. Эта последняя, т.е. общенародная земельная собственность, и была *ager publicus*. Таким образом, понятия *ager Romanus* и *ager publicus* не идентичны по своему содержанию - *ager Romanus* шире.

Предметом споров до сих пор является генезис и состав *ager publicus*. Они обобщены в книге А.Бурдезе "Исследования *ager publicus*"⁴⁶. Автор считает, что первоначальный *ager publicus* представлял собой пастбища, как это было установлено еще к началу XX в. и подтверждено потом таким знатоком аграрной истории, как Дж.Тибилетти⁴⁷. А.Бурдезе справедливо включает в *ager publicus* сверх того и лесные угодья. Вслед за Тибилетти он различает древнейший, первичный, *ager publicus* и последующий, образованный с помощью завоеваний. Первый состоял из территорий, принадлежавших gentilным группам, а второй рос одновременно с колонизацией и принадлежал соседским объединениям. Мнение о том, что изначальный *ager publicus* формировался и состоял из коллективных земель римских патрицианских родов, особенно утвердилось в современной итальянской науке⁴⁸.

Однако наш анализ античной традиции показал, что уже с начала царской эпохи *ager publicus* складывался в качестве особого, резервно-

го, фонда, откуда черпали землю цари и для своих нужд, и для курий, и для обездоленных людей, так что он отличался от коллективных земель и курий и родов⁴⁹. На особый характер *ager publicus*, на то, что он не включал в себя родовые земли, указывает то обстоятельство, что государство никогда на земли родов не претендовало, ими не распоряжалось. Это заметил еще К.В.Веструп⁵⁰. Он обратил внимание на то, что в законах XII таблиц (V.5) имущество умершего без наследника из числа ближайших агнатов переходит к *gentiles*, а не к государству. Добавим к этому, что конфискации, которые проводились последними царями, говорят об усилении их власти и о произволе, а не о том, что гентильные и куриальные владения входили в состав общеримского земельного фонда. Напомним, наконец, что и законодательство Лициния и Секстия в части земельного максимума касалось общенародной земли (App.B.C.1.8) и, вероятно, частной, но никак не гентильной. И гракханские реформы имели в виду изъятие земель не родовых или принадлежащих сельскому коллективу угодий, а только *ager publicus*.

Очень показательной представляется в связи с рассматриваемым вопросом ситуация в Италии II в. до н.э., зафиксированная в надписях. Так, в таблице из Польчеверы⁵¹ (117 г. до н.э.) содержится решение арбитров, братьев Минуциев, по поводу спора между жителями Генуи и близлежащих лигурийских кастеллов. Э.Серени⁵² считает их всех генуатами. Но скорее в надписи отражен процесс складывания генуатской *civitas* на стадии его завершения. Спорные земли обеих сторон называются *ager poplicus* (строки 13 и 14), ими пользуются спорящие совместно. Но они остаются их раздельной собственностью, поскольку за хозяйственную их эксплуатацию вносится плата в разную казну - и Генуи и Лангенов Ветуриев (соответственно строки 25-28 и 29-31). Рассматривая Велейскую таблицу (I в. н.э.), Э.Серени⁵³ доказывал, что в округе Велейи существовали разные типы *ager publicus*. В одних случаях это была земля городов, т.е. муниципиев, названная землей *respublica*, в других - отмеченная принадлежностью императору, Маркировка земель словами "*imperator noster*" обозначала, по фискальной терминологии тех времен, принадлежность их римскому народу. Этот тезис поддержала Е.М.Штаерман⁵⁴, подчеркнувшая, что римская гражданская община персонифицировалась в особе императора. С этим нельзя не согласиться. В "Институциях" Юстиниана (1.2.6) четко сказано, что народ (*populus*) передал принцепсу весь свой империй и свою *potestas*, т.е. и высшую военную и гражданскую власть над всем.

Заметим, что мнение об *ager publicus* как о совокупности коллективных земель разных родов все-таки умозрительно. Материал же надписей убедительно говорит о наличии разных общественных земель в Италии, одинаково именуемых *ager publicus*, т.е. муниципальных и императорских, не совпадающих с императорским доменом. Сохране-

ние за ними одного и того же термина *ager publicus*, думается, не случайно и объяснимо. Ведь Рим не был единственным полисом (или *civitas*) в Италии, все итальянские общины развивались в направлении полисных структур. Попадая под римское господство, они, подобно римским колониям, хоть теряли автаркичность и суверенность в сфере внешних сношений, сохраняли полисные принципы во внутренней. В том числе оставались обладателями своего, хоть и урезанного в пользу Рима, общенародного земельного фонда. Это следует из определения Гигином (*Hygin. Grom.vet. S.116*) вектигальных земель. Отметим также, что такое положение дел, как видно из приведенного эпиграфического материала, осталось и даже утвердилось после унификации управления Италией, достигнутой с помощью *lex Julia municipalis*, т.е. закона Юлия Цезаря, упорядочившего муниципальную жизнь. Значит, и при централизаторской тенденции, свойственной императорской эпохе, принадлежащие разным социально-политическим структурам коллективные общенародные (муниципальные) земли не сливались в единый *ager publicus*. Аналогичным образом обстояло дело и в архаическом Риме. И в нем, следовательно, понятие "общественные" земли тоже было шире, чем понятие *ager publicus*. Последний можно считать вариантом, частным случаем общественных, коллективных земель, а не их суммой.

Рассмотрим теперь способы использования *ager publicus*. Если в царское время этот фонд не был величиной постоянной, т.е. служил резервом для расширения коллективных (гентильных, соседских) владений и царских клеров, т.е. периодически сокращался и увеличивался за счет завоеваний, то и в начале Республики его размеры менялись, а виды его использования разнообразились.

Что касается размеров *ager publicus*, то он постоянно возрастал, ибо римляне, как мы видели, в общем, воевали довольно успешно. Но тут же часть его отсекалась в пользу римских колонистов. Аграрный пейзаж колоний во все времена был подобен римскому⁵⁵ и там появлялся свой *ager publicus*, который не включался в римский (*CAR*, p.8). Ведь ранние, образованные римлянами колонии фактически отделялись от Рима, становились самостоятельными на первых порах *civitates* (*Isid. XV.2*), порой воевавшими со своей метрополией⁵⁶. Тем более обособленными от Рима общинами были колонии, выводившиеся совместно римлянами и латинскими городами, именовавшиеся латинскими колониями⁵⁷. Связанная с колонизацией потеря земель, однако, оказывалась выгодной для остававшихся в Риме граждан. При тогдашнем уровне производства гражданской, т.е. государственной, общине приходилось ограничивать число полноправных граждан, чтобы гарантировать им необходимый прожиточный минимум. А его давала земля.

Плебейские ассигнации тоже безусловно сокращали *ager publicus*, так как ассигнированная земля превращалась в частнособственническую, переходила в разряд *agri privati*. Но этот последний пополнялся еще с помощью продажи общенародной земли (*Plut.Gr.VIII*). Впервые такая акция упоминается Ливием в связи с захватом аврунского города Помеции в 502 г. до н.э. (*Liv.II.17.6*). Осуществлялась продажа квестором, почему земля эта и получила название *ager quaestorius*⁵⁸. За нее покупатель тем не менее платил регулярно вектигаль, аналогичный современному налогу на недвижимость. Специфика античной собственности здесь проявилась в том, что теоретически "квесторская земля" была временной, могла быть отобрана в случае прекращения платы например. Сбор же вектигала выражал принцип государственного суверенитета. Таким образом, квесторская земля имела черты частной собственности, но напоминала и долгосрочную аренду государственно-го поля.

Но значительная часть *ager publicus* оставалась общенародным достоянием. Часть его составляла резервный фонд, основной массив которого использовался патрициями как владельцами земли⁵⁹. Общее название этого фонда, включавшего с незапамятных времен приобретенную землю, - *ager occupatorius* (*Sic.Fl.,Gr.vet. I.137.138; Fest. p.192; Paul. p.193*). Как мы уже отмечали, при чтении источников действительно бросается в глаза, что патрицианский поссессий общенародной земли означает и оккупацию полей патрициями (*Liv.VI,37,1-2*).

Кроме указанной нами заимки, или оккупации, этой земли патрициями бесплатно (*Sic.Fl.,Gr.vet. I.137; Hygin. Gr.vet. I.115*) вскоре, по крайней мере уже в V в. до н.э., появился еще один вид использования *ager publicus* - аренда, которая вытесняла практику бесплатного патрицианского поссессия (*App.B.C.I.7; Fest. p.446*). Аренда земли всегда связана с оплатой. Кто же в период ранней Республики платил за землю, кто арендовал *ager publicus*? Ни о каких ограничениях аренды общенародной земли для римлян в античной традиции не упоминается. Естественно, что каждый гражданин, в принципе, мог арендой воспользоваться. В первую очередь это состоятельные люди, но при возможности бесплатной оккупации *ager publicus* патрициями аренда нужна была им в значительно меньшей степени, чем плебеям. Самым почетным, самым престижным видом богатства в Риме всегда считалась земля, а самым достойным видом производительного труда - земледелие. Достаточно вспомнить слова Катона Цензора, воспринимавшиеся как нравственная норма: "И хорошего человека когда хвалили, то хвалили его так: "Хороший земледелец и хороший хозяин" (*Cato. De agri cult. praef., 2*). Поэтому можно не сомневаться в том, что богатые плебеи должны были пользоваться арендой земли.

Нельзя исключить этого и для бедного плебса. Хотя, конечно, тут скорее была субаренда мелких участков земли, взятой у государства состоятельными гражданами, будь то патриции или плебеи. Это достаточно убедительно доказал Л.Л.Кофанов⁶⁰. Он исходит из двух посылок. Во-первых, из положения О.Берендса о том⁶¹, что в древнейшее время пехит было сделкой купли-продажи *res mancipi*, в число которых входила земля, значит, не могло быть денежным займом. Во-вторых, он принимает во внимание, что в древнюю эпоху ростовщиками (*feneratores*) в Риме называли не только людей, дававших займы под проценты деньги. Ведь *fenus*, от которого происходит термин "ростовщик", первоначально означало "урожай" или "сено". И люди, сдававшие арендованную ими землю в мелкую аренду за часть урожая, тоже были ростовщиками. Значит, должавшие мелкие арендаторы, точнее неоплатные должники, становились кабальными (*пехи*). Заметим, что, согласно Гигину (р.116), манцепсы сдавали в аренду и право взимания налога на землю. Добавим, что кроме аренды земли из общенародного фонда, разумеется, существовала и аренда частной земли. В источниках специально такая категория *пехи* не оговаривается, видимо потому, что положение кабальных на землях разной принадлежности ничем не различалось. Наличие рабов-должников в эпоху ранней Республики легко аргументируется. Они зафиксированы таким аутентичным документом, как законы XII таблиц, и постоянно фигурируют в сочинениях античных авторов. Особенно широкий размах приобретает должничество в IV в. до н.э. Но и для V в., даже для его начала, имеются красноречивые данные о должниках.

Аренда всегда носила в Риме срочный характер, обычно арендный договор заключался на пять, а позднее и на сто лет. Сдачей общенародной земли в аренду ведал цензор, почему утвердилось за такими полями название "цензорских земель" (Plin.NH. 18.11; Fest, p.516; Liv. XXVII, 3,1). Подчеркнем, что цензорская должность принадлежала в V в. до н.э. патрициям, что могло ставить их в преимущественное положение, хотя бы при отборе земель.

Если в аренде принимали участие плебеи, то нельзя исключить их из операций купли-продажи земли. Но участки на *ager publicus* могли покупать и богатые патриции. Об этом можно судить по трудности отделения купленных и оккупированных участков, с которыми встретила комиссия во главе с Гракхами при проведении своей реформы, о чем мы выше упоминали. Конечно, к таким покупкам подключались и богатые плебеи, а они существовали уже в V в. до н.э. Видимо, из их числа был Сп.Мелий, богач, скупивший во время голода 440 г. до н.э. хлеб, доставленный из Этрурии, чтобы раздать его бедным плебеям. И Дионисий (XII.1) и Ливий (IV.13.1) именуют его человеком всаднического сословия (*ἡλικίαν δὲ καὶ τάξιν ἔχων ἑπικίην* и *ex equestri ordine*).

Однако авторы конца Республики - начала Империи говорят об этом, характеризуя его богатство, а не знатность, пользуясь привычной им терминологией. Поэтому считать Мелия патрицием нельзя. Подтверждением этому служит то, что известные ранней Республике Мелии занимали лишь доступные плебеям должности: Публий Мелий Капитолин был консулярным трибуном 400 и 396 гг. до н.э.⁶², но Спурий и Квинт Мелии были плебейскими трибунами соответственно 436 (Liv.IV.21.3) и 320 гг. Поскольку сведений о переходе их в плебеи ради достижения должности нет, можно в их плебейском происхождении не сомневаться. Есть в эпоху ранней Республики и бесспорные с точки зрения их плебейского статуса персонажи. Это Лициний Столон. Достаточно вспомнить один из законов Лициния и Секстия, по которому вводился земельный максимум в 500 югеров. Нарушителем его и оказался сам плебейский трибун Лициний Столон (Dionys. XIV,12; Cato pro Rod. 167; Varro Rr 1,2,9; Liv.VI.36.11; VII.16.9; Vell.11.5; Plin.NH.XVIII,17; Colum.Rr. 1,3,11; Plut.Gr.VIII; App.B.C.1,9;11). Таким образом, как *agri censorii*, так и *agri quaestorii* в равной степени были доступны и патрициям и плебеям.

Из анализа всех имеющихся материалов вытекает вывод, что неравноправие патрициата и плебса в аграрных отношениях все же имело место и проявлялось оно в недоступности для плебеев лишь той части *ager publicus*, которая составляла *ager occupatorius*, которым распоряжались патрицианские поссессоры бесплатно. Таким образом, соотношение социальных сил в ранней Республике оказывается значительно более сложным, чем представляется на первый и привычный для нас взгляд⁶³.

Судя по размерам эксплуатируемых земель, можно высказать мнение о том, что основная масса плебеев обходилась при обработке огорода в пределах городского поселения или поля за его пределами силами своей семьи. В самом деле, небольшие участки не требовали для их культивации дополнительной рабочей силы. Иначе было у патрициев. Здесь надо иметь в виду следующее. Патрицианские семьи, как правило, обрабатывали фамильные наследственные участки, которые были, в принципе, невелики, тоже сами. Вспомним, что это не составляло труда для знаменитого Л.Квинкция Цинцинната, диктатора 458 г. до н.э., имевшего либо 4 (Liv.III.26.8), либо 7 югеров (Val.Max.IV.4.7) поля за Тибром. Если даже учесть, что наделение земель патрициев внутри рода было подушным (*virilim*), т.е. распространялось на главу семьи и его взрослых сыновей, входивших в большую патриархальную семью⁶⁴, то и тогда для обработки поля можно было довольствоваться семейным коллективом. Однако *patres* и их потомки, т.е. все патриции, выступали в качестве *possessores* общественных земель. И тут уж членов семьи для возделывания оккупированных угодий не хватало. Вы-

ход из положения для патрициев состоял в привлечении к работе клиентов.

Появление клиентов в Риме античная традиция относит ко времени Ромула. Безусловно, клиентела существовала в римском обществе с незапамятных времен. Возникновение клиентских отношений у римлян обусловлено теми же причинами, что и у других народов Италии, Галлии и т.д., достигших определенного уровня экономического развития. Начало этих отношений связано с нехваткой земли для "излишних", обычно младших, семей в роде. Этих древних клиентов не следует смешивать с более поздними, ярко описанными римскими сатириками. Герои их произведений - горожане, группирующиеся вокруг богатых римлян. Как правило, они не столько ищут покровительства в суде, потому что тяжба - не каждодневное занятие человека, сколько ждут, чтобы их подкормили. Зачастую это мелкие ремесленники, пробавляющиеся случайным заработком, или вовсе не имеющие средств для организации какого-нибудь производства и "торговой точки", а то и совсем не работающие люди. Они окружают шумной толпой своего патрона, сопровождают его на Форум, создают ему publicity, помогают ему своими голосами на выборах (Liv.II. 56.2-3). Для некоторых клиентов это оказывается основным видом деятельности, они становятся люмпенами, надоедливymi попрошайками, с утра толпящимися в прихожей патрона. Об этом напоминают строки Марциала: "Ранний клиент - моего причина отъезда из Рима" (Mars.XII.68). Его явно раздражают такие бездельники: "Раз есть время тебе ходить по патронам, прочитай ты хоть это, Вибий Максим: ведь не очень-то занят ты делами".

Совсем по-другому выглядят клиенты архаической эпохи. Клиенты на заре их существования - трудовой люд. Прибегнув к помощи патрона, они включаются в его род, получают его имя и часть его земли, а в ответ на это в свою очередь помогают своему благодетелю обработкой его земельных владений и военной службой как члены его рода и его курии. Реальность этих взаимосвязей, признанных существенными, может быть проиллюстрирована все тем же знаменитым родом Клавдиев, глава которого Аппий при переселении в Рим получил землю не только для себя и своих детей, но и для клиентов. Так что недаром Фест, объясняя слово *patres* (p.288), говорит, что "отцы-сенаторы называются так потому, что уделяют часть земли слабым, бедным (*tenuioribus*), как своим собственным детям". Эти слова повторил потом Павел Диакон (Paul-Fest, p.289). Сравнение слабых, бедных, т.е. клиентов, с детьми не случайно. У Нония Марцелла (*viritim*) со ссылкой на Варрона (*de vita pop.Rom.I.1*) говорится, что еще царь разделил вне города поля подушно свободорожденным - *liberis*. Но *liberi* - это свободорожденные дети, которым царь, т.е. господин общины либо семьи, дает средства к

существованию. Дети же трудятся в хозяйстве отца. Именно бедные, более слабые в имущественном отношении люди искали покровительства патронов, становились клиентами, почитали их как отцов, работали вместе с детьми патронов в их хозяйстве.

Итак, материал источников позволяет сказать, что патриции и плебеи начала Республики различались между собой не только в юридическом отношении, но и в социально-экономическом, т.е. обладали и сословными и классовыми признаками. Разумеется, здесь надо учитывать, что выработанное на материале средневековья понятие "сословие" не вполне соответствует античности. Применительно к римской древности под сословиями мы понимаем правовой аспект в социальной характеристике людей, в отличие от классового, социально-экономического.

Однако в Риме классовые черты оказывались одновременно связаны с сословными. Их слияние составило специфическую особенность римского архаического общества. Патриции и плебеи, представлявшие собой главные социальные силы начала Республики, могут быть определены как архаичные классы-сословия, а государство такого типа - как раннеклассовое, но еще не рабовладельческое⁶⁵.

Существование двух основных классово-сословных групп в Риме, где патрициат был замкнутым организмом, было недолгим. С середины V в. до н.э. монолитность интересов каждой из них начинает размываться, а в IV в. постепенно заменяться внутренней многослойностью интересов. Верхушка плебса все более тяготеет к патрициату, и понемногу из их слияния формируется рабовладельческий класс. Общество превращается в раннерабовладельческое. Но сословное деление в Риме сохраняется, никакими, впрочем, юридическими актами не декларируемое. Уравнение в правах с патрициями оказывается действительным лишь для верхушки плебеев. Основная же их масса, в классовом отношении отличная от рабовладельцев - плебеев, создает ту массу трудящихся, земледельцев и ремесленников, которая обеспечивает пока в большей степени, чем рабы, средства к жизни в Вечном Городе. Сохраняя название плебеев, эти незнатные римляне остаются ограниченными в правах, поскольку не пользуются в силу традиции пассивным избирательным правом/и фактически не получают доступа к оккупации *ager publicus*. Таким образом, плебс, лишенный разбогатевшей и отколовшейся от него части, остается классом-сословием.

¹ Capozza M. Movimenti servili nel mondo romano in età repubblicana. I. R., 1966. P.39.

² Ducati P. Come naque Roma. R., 1939. P.50-53.

³ Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983. С.36.

⁴ Jordan H. Topographie der Stadt Rom in Alterthum. II. Berl., 1871. S.243; Lugli G. Roma antica - il centro monumentale. R., 1946. P.12, 78, 81, 91-92; Bartoli A. I pozzi dell'area sacra di Vesta // Monumenti antichi della Accademia Nazionale dei Lincei. V.45. R., 1961. P.1-12.

⁵ См.: Маяк И.Л. Рим первых царей.

⁶ Bartolini G. I Latini e il Tevere // Il Tevere e le altre vie d'acqua del Lazio antico // Archeologia Laziale. VII. R., 1986. P.123.

⁷ Jordan H. Op. cit. S.269; Wissowa G. Religion u. Kultus der Römer. Munch., 1912; Latte K. Römische Religionsgeschichte. Münch., 1960; Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978. P.7-40.

⁸ Gabba E. La pastorizia nell'età tardo-imperiale in Italia. P.I. Relazione (Cop.Xer.).

⁹ De Francisci P. Primordia civitatis. R., 1959. P.90; De Martino F. Storia economica di Roma. I. Firenze, 1980. P.4-7; Ampolo C. Rome archaïque; une société pastorale? (Cop.Xer.)

¹⁰ De Martino F. Op. cit. p.5-6; Маяк И.Л. Рим первых царей. С.184-185.

¹¹ Культура Древнего Рима. I. М., 1985. С.113, 117-118; Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С.65-66.

¹² См.: Маяк И.Л. Рим первых царей.

¹³ De Martino F. Op. cit. P.7-8.

¹⁴ De Martino F. Op. cit. P.43-47; Peruzzi E. Money in Early Rome. Firenze, 1985.

¹⁵ D'Agostino B. Grecs et indigènes sur la côte tyrrénienne au VIIe siècle // Annales. 1977. VI. P.17, sq.

¹⁶ Доказательством распространения в Риме рыболовства служит праздник, нечто вроде "дня рыбака". Он назывался Piscatori ludī. На нем приносились в жертву Вулкану выловленные рыбы. Это была умиловительная жертва, что свидетельствует о древности обряда. (Fest., p.274, 276); (Маяк И.Л. Рим первых царей. С.165). О том же говорит и легенда, в которой царь Нума "торговался" с Юпитером, требовавшим себе человеческого жертвоприношения. На требование Юпитера дать ему нечто живое Нума предложил богу в придачу к человеческим волосам, обещанным ранее, еще живую рыбку.

¹⁷ Э. Перуцци в своей монографии, посвященной деньгам в раннем Риме, убедительно доказывает, что латинские обозначения мер веса (либра, унция и др.) являются заимствованием из греческого. При этом libra из *λίτρα* определенно произошла с помощью осского посредника (указ.соч., с.42-43). Слово as, assis - вне латинской этимологии. Оно имеет основу на "i", почти совпадающую с греческим существительным *ἄξις, от которого сохранились производные *ἀναξίς*, *ἑλαξίς*. Оно обозначает вес, гирю из бронзы. Это, по мнению Перуцци, объясняет, почему as и libra, равные фунту, применялись соответственно либо лишь к бронзе, либо к разным предметам (с.65-73).

¹⁸ Peruzzi E. Money... P.207-228.

¹⁹ Peruzzi E. Money... P.237-238.

²⁰ De Martino. Op. cit. P.13, sq.; Bloch R. Les origines de Rome. P., 1971. P.114; le meme aut. Tite Live et les premiers siècles de Rome. P., 1965. P.66-67; Capogrossi-Colognesi L. Storia delle istituzioni Romane archaiche. R., s.a., p.197.

²¹ Этому посвящена специальная глава в исследовании Перуцци (Money... P.169-186).

²² Ampolo C. Op.cit. P.4,6,15.

²³ De Martino F. Op.cit. P.15.

²⁴ Diosdi G. Ownership in Ancient and Preclassical Roman Law. Budapest, 1970; Capogrossi-Colognesi L. La Struttura della proprietà e la formazione dei "iura praediorum" nell'età repubblicana. V.I. Milano, 1969, P.502-504.

²⁵ Westrup C.W. Introduction to Early Roman Law. Comparative Sociological Studies. V.4. P.8-50,58,61; Kaser M. Das römische Privatrecht. München, 1955, S. 45; J.Kohn. Römisches Frührecht. - Ein Beitrag zur Rechtsentstehung // Familie, Staat, u. Gesellschaftsformation. B., 1988. S.491; Сапельев В.А. История римского частного права. М., 1986. С.21-23.

²⁶ Peruzzi E. Origini di Roma. V.II. Bologna, 1973. P.150.

²⁷ Westrup C.W. Op.cit. V.II. P.51; Diosdi.Y., Op.cit. P.40.

²⁸ Штаерман Е.М. Римская собственность на землю // ВДИ, 1974. №3. С.34-68; Она же. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978. С.68-71, 80-81.

²⁹ Lex agraria a.643-111 a. Chr. - FIRA Ed. Bruns. Tübingen, 1909, S.73-89.

³⁰ E.A.Agrimensores // Pauly's RE, 1/2, S.594-596; Neumann A.R. Feldmesser. Der kleine Pauly. 2. S.528-530.

³¹ *Serrao F.* Lotte per la terra e per la casa a Roma dal 485 al 441 a.C. // *Legge e società nella repubblica romana*. Napoli, 1981, P.91-95.

³² *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н.э. М., 1971. С.43-44, 48.

³³ *Serrao F.* Op.cit. P. 51-60; 95; 102; *Capanelli D.* Appunti sulla rogatio agraria di Spurio Cassio // *Ibid*, P.45-48; *De Martino*. Op.cit. P.14-15.

³⁴ Вполне достоверным считает это известие Д.Капанелли, подчеркивая, что в начале V в. до н.э. сенатское решение не требовалось подкреплять в комициях. См.: *Capanelli D.* Op.cit. P.37-41.

³⁵ *Serrao F.* Op.cit. P.109.

³⁶ *Rudorff A.* Gromatiche Institutionen // *Schriften der römischen Feldmesser*. T.II. B., 1852. S.303.

³⁷ *Маяк И.Л.* Рим первых царей. С.214-215.

³⁸ Таким образом, согласимся с мнением, высказанным в противовес Г.Б.Нибуру еще в XIX в. и в западной науке А.Швеглером (RG.II, S.449), и в отечественной - Д.Азаревичем (Патриции и плебеи в Риме. II. СПб., 1875. С.9). Правда, они, особенно последний, не различали фактически землю общественную, под чем можно понимать принадлежащую разным по характеру коллективам, и *ager publicus*. Не видит такого различия и Ф.М.Нечай (Образование римского государства. Минск, 1972, особ. с.170). О разных принципах эксплуатации земли плебеями (*assignatio*) и патрициями (*oscupatio*) в последнее время решительно высказался Ф.Серрао, видя в этом результат господства патрициата (см.: *Serrao F.* Individuo, Familla e Società nell'epoca decemvirale // *Storia e diritto nell'epoca decemvirale*. Napoli, 1988. P.111-112).

³⁹ В.И.Кузищин справедливо отмечает достоверность сведений Алпиана и Плутарха о реформах Гракхов. См.: Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. - I в.н.э.). М., 1976. С.62.

⁴⁰ Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С.70, 169, 194.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Кофанов Л.Л.* О датировке, сущности и значении закона Петелия // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С.17-32.

⁴² *Маяк И.Л.* Значение и роль "colonia romana" в распространении римской власти на Апеннинском полуострове // ВДИ, 1956. N 3.

⁴³ *Моммзен Т.* История Рима. T.I. М., 1936; Нечай Ф.М. Образование Римского государства. Минск, 1972.

⁴⁴ *Zaccan L.* Ager publicus. Ricerche di storia e di diritto romano. Padova, 1935. P.6.

⁴⁵ *Catalano P.* Populus Romanus Quirites. Torino, 1974. P.115-117.

⁴⁶ *Burdese A.* Studi sull'ager publicus. Torino, 1952.

⁴⁷ *Tibiletti G.* Il possesso dell'ager publicus e le norme. "de modo agrorum" ai Graeci // *Athenaeo*. V.27. 1949.

⁴⁸ *De Martino F.* Op.cit. P.26; *Capogrossi-Colognesi L.* La terra in Roma antica. Forme di proprietà e rapporti produttivi. V.I. L'età arcaica. R., 1981.

⁴⁹ *Маяк И.Л.* Рим первых царей. С.229-231.

⁵⁰ *Westrup C.W.* Op.cit. II. P.56.

⁵¹ *Sententia Minciorum* // *FIRA*. P.402-403.

⁵² *Sereni E.* Comunità rurali nell'Italia antica. Roma, 1955, P.18.

⁵³ *Sereni E.* Op. cit. P.340.

⁵⁴ *Штаерман Е.М.* Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.

⁵⁵ *Pigniol A.* Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange // *S : ppl. XVI à "Gallia"*. P., 1962, P.330, ff.

⁵⁶ *Маяк И.Л.* Значение и роль "colonia romana".

⁵⁷ *Mommsen Th.* St. R. II. S.638.

⁵⁸ *Sic. Flacc.* *Grom.vet.* I, S. 136; 152. *Hygin.* *CAR* I, S. 78; 115; *Fest p.* 156. См. также: *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С.30.

⁵⁹ *Serrao F.* Op. cit.

⁶⁰ Кофанов Л.Л. Долговой вопрос в раннем Риме (вторая половина IV в. до н.э.) Автореф. канд. дис. М., 1991. С.5-6.

⁶¹ Behrends O. Das nexum im Mancipationrecht oder die Ungeschichtlichkeit des Libraldarlehens // RJDA. T.21. 1974.

⁶² Хотя Ливий (V, 12, 9-10) причислял его к патрициям, современные ученые признали его плебеем (Der Kleine Pauly. В.3. S.864).

⁶³ Kulturgeschichte der Antike. В.II: Rom. Berl., 1978. S.40.

⁶⁴ Синайский В.Н. Подушный налог в Древнем Риме. Юрьев, 1907. С.23-24; 58.

⁶⁵ Дискуссию о характере римского общества и государства, открытую интересной статьей Е.М.Штаерман, см.: ВДИ. 1989. N 2-4; 1990. N 1-4.

Рассмотренные нами материалы позволяют сказать, что эпоха ранней Республики (V - начала III в. до н.э.) является важнейшим звеном, связывающим первобытный Рим с блестящей цивилизацией поздней Республики и грандиозностью Римской империи.

Республиканская форма правления существовала до образования античных государств - на Древнем Востоке и после крушения античного мира - в эпоху средневековья, в новое время и живет в наши дни. Каждая конкретная республика имеет свои особенности. Но своя специфика свойственна и республике античности. Ведь античность вычленила модель республики полисного типа, Рим же явил собой полис (*civitas*) классического образца.

Принимая определение полиса как гражданской общины с античной формой собственности, автор уже имел возможность уточнить эту дефиницию¹. Уточнения эти имеют принципиальный характер.

Прежде всего отметим, что слово "община" многозначно и потому приложимо к разным видам и эпохам, например - родовая община и соседская, территориальная, свойственные разным стадиям общественного развития. Это обстоятельство зачастую ускользало от внимания античных авторов, но его необходимо учитывать современному исследователю.

История, как любая наука, имеет определенный понятийный аппарат. В него входит и понятие полиса, выработанное на основе данных Платона, Аристотеля и Цицерона, характеризующих именно античные государства, а не племенные общины или поселения городского типа, называвшиеся в древности порой также словами "полис", или *civitas*. Подчеркнем в связи с этим, что полис = *civitas* как научный термин обозначает явление государственной эпохи; стало быть, определение полиса как гражданской общины вполне правомерно. Ведь гражданство, если иметь в виду научное значение термина, - это отношение индивида к тому или иному государству. Словом, можно быть членом гентильного подразделения, но не его гражданином.

Итак, *civitas* - это уже государство. Но не всякое античное государство - непременно полис. Если обратиться к Риму, то государство там сложилось при Сервии Туллии, т.е. в VI в. до н.э. На протяжении царской эпохи в Риме формировались предпосылки *civitas*, так как уже

с начала правления царей складывался *ager publicus*, а со времени Сервия - гражданский коллектив. Но их развитие в правление Тарквиния Гордого было приостановлено. *Ager publicus* был изъят из ведения сената и народа, а права гражданства беспардонно попирались. К тому же форма власти в Риме была единодержавной, подобной греческим тираниям, в то время как в современной науке справедливо подчеркивается, что для полисного бытия характерна тенденция к демократизации². Для Рима она реализовалась в установлении республиканского строя.

Принимая во внимание все сказанное, необходимо отметить, что в Риме образование государства хронологически предшествовало образованию *civitas*. Этот тезис подтверждается и анализом сути античной формы собственности на главное средство производства - землю. Наши источники содержат на этот счет богатейший материал. Он в общем был уже собран и осмыслен учеными XIX в., но четко сформулировал суть античной формы собственности К.Маркс³. Ей свойственна двуединость, т.е. взаимообусловленное сосуществование коллективной, общенародной собственности и частной собственности отдельного индивида как члена данного коллектива, как гражданина.

Римский *ager publicus* как раз и является не просто коллективной, а общенародной собственностью, т.е. особым видом общественной земли. Это очень важная черта. Ведь в Риме всегда существовали земли, принадлежащие разным коллективам - родам, селам, отдельным соседским объединениям внутри них, группам селений в округах пагах и, наконец, всему *populus*. Таким образом, *ager publicus* представлял собой действительно особый вид коллективных земель. Сельскохозяйственный облик римской экономики и обусловил классический характер римского общенародного земельного фонда и вместе с тем функционирование всей гражданской общины.

Чтобы яснее понять побудительные причины деятельности людей, необходимо учитывать формы собственности, потому что в них получают правовое выражение общественные отношения. И действительно, разное отношение римлян к земле, к возможности эксплуатации *ager publicus* служило водоразделом между патрициями и плебеями, было основой их противостояния. Так двойственный характер античной формы собственности проецировался на социальный облик классов-словий раннереспубликанского Рима: патриции отражали ее коллективность, будучи обеспечены и коллективной, родовой землей, и, главное, гарантированы от материальных катаклизмов возможностью всячески использовать общенародную землю, а плебеи - ее частнособственническое начало.

В принципе, античный полис и на греческой и на римской почве - это явление однотипное, что не исключает разнообразия конкретных

вариантов. Ведь и греческие полисы не являются слепком друг с друга. Достаточно назвать такие своеобразные центры, как демократические Афины и олигархическая Спарта. Если идти по пути сравнения Рима с Афинами, что часто делается, то бросается в глаза разница их политического строя. Афины и в этом случае остаются эталоном демократизма. Но аристократический характер Римской республики уживается с такой силой демократической тенденцией, какая афинянам и не снилась. Внутри себя, т.е. в узких пределах своего гражданства, афиняне были предельно демократичны. Однако за редчайшим исключением они не допускали в свои ряды даже тут же вместе с ними живших чужаков, метэков. Отнюдь не только аристократическая верхушка афинского народа, но весь державный демос (*populus*) был для чужаков закрыт.

Иное дело в Риме. Чужаки древнейшей эпохи, т.е. первые плебси, будучи отторгнуты от участия в управлении римской общиной, не были совсем лишены земли. И это сделало их более жизнеспособной, более социально устойчивой группой, чем метэки. Принятие по крайней мере состоятельных плебеев Сервием Туллием в войско сделало их если и не полноправными, то все же гражданами. Это обстоятельство способствовало жизнестойкости плебса и позволило ему добиться учреждения плебейского трибуната, поистине уникального явления. С помощью такой магистратуры римские плебеи, чуждые римской гентильно-куриатной организации, добились в конце концов включения в курии и в *populus*. И хотя только часть плебса обрела равноправие с патрициатом, объективные успехи плебейской борьбы сделали доступными полисные блага для значительно более широкого круга, чем в Афинах. Рим развивался как более открытое общество, чем афинское. Римляне охотнее делились правами своего гражданства, чем афиняне. Именно это и позволило Риму преодолеть полисную узость и, сохранив полисные принципы, т.е. гарантии для граждан, свойственные их *civitas*, построить мощное централизованное государство. Таким образом, тезис об аристократичности, олигархичности Рима нуждается в поправочном коэффициенте. Открытость общества - своеобразное проявление его демократизма.

С расширением территориальных захватов, увеличивавших земельный фонд римлян, хозяйственное освоение которого в тогдашних условиях требовало дополнительной рабочей силы, развивалось рабовладение. В процессе роста производства и, следовательно, средств потребления, росло значение частной собственности. Земельные владения семей и затем индивидов внутри рода превращались в частные, собственнические участки. Это сокращало сектор коллективной, гентильной, но в рамках ранней Республики пока еще не общенародной

земельной собственности. Ведь фонд *ager publicus* постоянно пополнялся за счет войн. Это сохраняло основу социального баланса в Риме.

Такое положение для римлян достигалось, однако, за счет сокращения общенародных земель побежденных италийских общин. Ведь города Италии к интересующее нас время развивались в направлении полиса.

Подчеркнем, что наличие *ager publicus* составляло определенные социальные гарантии для граждан римского полиса даже при отсутствии равенства в его использовании. Вот почему римляне так заботились о приобретении новых земель, а война была постоянным элементом полисной жизни. Стержнем патрицианско-плебейских противоречий был вопрос о равном праве на общенародную землю. Сложившаяся в Риме практика землепользования конституционно не оформлялась, а досталась римлянам в наследство от их родоплеменного прошлого, руководствовавшегося не писанным, а обычным правом.

Пока полис существовал, он составлял надежный фундамент всей античной культуры в широком смысле этого слова. Существеннейшим элементом культуры является идеология. Римляне создали и на всем протяжении античности воспевали идейные основы своей *civitas*. Они включали в себя признание полиса как главной для человека ценности. Отсюда следовали патриотизм, необходимость жертвовать собой и близкими во имя Родины, обязательность участия в производительном труде, честность, неподкупность, непритязательность в быту. Всеми этими качествами обладали персонажи, с которыми нас познакомили исторические памятники. Только сначала носителями полисных добродетелей выступали патриции, а по мере трансформации римского общества в число героев включались и плебеи. И Маний Курий Днетат напоминает Луция Квинция Цинцинната, а Деции Мусы - Горация Коклеса и Юния Брута не потому, что древние авторы не знали своей истории и заполняли лакуны в своей осведомленности дублированием фактов и персонажей. Они ее знали и не придумывали героических предков и события по модели более поздних, известных им времен, как внушали читателям гиперкритики. Сходство исторических деятелей объясняется тем, что идеалы полиса, сложившиеся в V в., были, естественно, унаследованы членами римской патрицианско-плебейской *civitas*.

Полис - всегда самодовлеющая, автаркичная, замкнутая организация. Для обеспечения минимума необходимых средств существования полис должен был ограничивать численность своего народонаселения. Отсюда - необходимость колонизации. При этом колонии воспроизводили в себе ту же полисную структуру, какую оставили в Риме. Полис был для античного человека естественной, привычной формой общественного и политического бытия. Римские колонии всех типов, таким образом, представляли собой полисы, подобно тому как сохраняли

полисную сущность и связанные союзом с Римом муниципии. Но и те и другие теряли одну из сущностных характеристик *civitas* - независимость во внешней сфере. Одновременно и Рим утрачивал в ходе покорения Италии сущностную черту *civitas*, но уже другую, т.е. полную замкнутость, так как допускал в ряды гражданства покоренных. Таким образом, Рим и ставшие от него зависимыми союзные города оставались полисами, но в несколько преобразованном виде. И это гарантировало Риму и за временными пределами ранней Республики, т.е. Римской державе, и, в конце концов, Империи, сохранение и развитие традиций античного мира.

В современной, особенно отечественной, исторической науке была сделана огромная полезная работа по выяснению сущностной характеристики античности. Усилиями ученых доказано огромное значение рабовладельческих отношений в Риме, показан рабовладельческий характер римско-италийского общества. Но для адекватного его изображения следует подчеркнуть наличие в нем полисных структур. Ведь рабский труд, государственное или частное рабовладение, рабовладельческий уклад были известны и на древнем Востоке, и в пиратских государствах средневековья, и на Руси, и в новой Америке, и в недавнем прошлом - в фашистских лагерях германского рейха и в гуглаге. Но нигде они не дали даже скромных ростков античной культуры, потому что там не было и не могло быть полиса.

Полисные и рабовладельческие начала развивались в Риме в диалектической связи. Проследить этапы их взаимодействия - задача новых исследований. Что же касается ранней Республики, то можно констатировать наличие *civitas* уже в самом ее начале. Однако социальное содержание ее за время с конца VI по начало III в. до н.э. менялось. В науке, особенно в труде Ференчи, справедливо отмечалось, что до середины V в. до н.э. римское государство носило патрицианский характер. Уточним, что это было время римского патрицианского полиса, когда *populus* (народ) возглавлялся *patres* (отцами-сенаторами) и фактически был еще идентичен патрициям. Запрет смешанных браков в законах XII таблиц явился попыткой патрициев закрепить свою исключительность, свою замкнутость. После закона Канулея о браках (445 г. до н.э.) началось проникновение плебеев в ранее закрытый для них "народ". Процесс этот интенсифицировался в IV в. до н.э. Но, видимо, тогда же патриции, переставшие олицетворять *populus*, стали восприниматься как знать. Поскольку только они замещали почетные должности, после чего становились сенаторами, знатные, или патриции, идентифицировались с *patres*.

Далее, в ходе IV в. до н.э., после законов Лициния и Секстия (367 г. до н.э.) Рим с изменившимся составом *populus*, с усложнившейся структурой управления и сложившимися принципами гражданства превра-

щался в патрицианско-плебейскую *civitas*. Видимо, именно в это время получили официальное признание плебейские роды, так что плебеи обрели доступ к терявшим политическое значение куриатным комициям, а после закона Гортензия (287 г. до н.э.) плебеи полностью вошли в состав *populus*. Гражданство стало идентичным народу.

В силу этих процессов среди знаменитых римлян заблистали имена талантливых полководцев, "новых" людей, выходцев из плебейской среды, добившихся высокого положения в обществе. Симптоматично, что образ высокой римской добродетели начиная с IV в. до н.э. воплощался уже не только в прославленных патрициях, Валериях, Горациях или Фуриях, но и в Дециях и Фабрициях.

Образцом римской доблести - отваги, патриотизма и скромности - в равной степени с патрицианскими стали и плебейские герои. Римские граждане, независимо от происхождения и положения, гордо носили теперь имя квиритов, отличавшее их от граждан соседних и дальних полисов Италии. Наследникам этих римлян предстояло распространить господство Рима не только над Апеннинским полуостровом, но и над всем Средиземноморьем, покончить с республиканским строем и создать мировую Империю, используя формы и методы социальной и политической жизни, созданные римлянами эпохи ранней Республики.

-----
¹ Маяк Л.И. Рим первых царей. М., 1983. С.23-28.

² Кошеленко Г.А. Предисловие // Античная Греция. Т.1. М., 1983; особо с.21,23.

³ Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46, Ч.1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ - Вестник древней истории
 ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения
 ПИДО - Проблемы истории докапиталистических формаций
 ANRW - Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. I. Berl.-N.Y., 1972
 RE - Real-Encyclopedie der Classischen Alterthumswissenschaft
 RIDA - Revue Internationale des droits de l'Antiquité
 SR - Studi roman!

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Acta fratrum Arvallum Annaeus Florus, L. Epitome rerum Romanorum Appianus. Bella civilia (BC) Appianus. Historia romana Asconius Pedianus, Quintus. In Ciceronis orationes Augustinus, Aurelius. De civitate Dei Aurelius Victor. Origo gentis Romanae Он же. De viris illustribus (Vir. ill.) Cato, M. Porcius. De agri cultura Catullus, G. Valerius Cicero, M. Tullius. De re publica (r.p.) Он же. De lege agraria II; III Он же. De Legibus (leg.) Он же. De officiis (off.) Он же. De senectute (sen.) Columella, L. Iunius Moderatus. De re rustica Corpus agrimensorum Romanorum (CAR) Digestae (Dig.) Dio Cassius Cocceianus. Historia Romana Diodorus Siculus. Bibliotheca historica Dionysius Halicarnassensis. Romanorum antiquitatum quae supersunt Festus, Sextus Pompeius. De verborum significatu Gai Institutiones (Inst.) Gellius, Aulus. Noctes Atticae (NA) Gromatici veteres Historicorum romanorum Fragmenta Horatius Flaccus. Carmina Он же. Epodoi Isidorus Hispalensis. Libri originum sive etymologiarum (Isid.)	Iustinianus. Institutiones Lapis Satricanus Leges XII tabularum (XII tab.) Lex agraria 111 a. Chr. Lex Iulia municipalis Livius, T. Ab urbe condita Macrobius, Ambrosius Aurelius, Theodosius. Saturnalia (Sat.) Martialis, Marcus Valerius. Epigrammaton libri Nonius Marcellus. De compendiosa doctrina Ovidius Naso, P. Fasti Paulus Diaconus. De verborum significatu Plinius. Naturalis Historia (NH) Plutarchus. Vitae parallelae Polybius. Historiae Pseudo-Asconius. Scholia In Ciceronis Verrinas Sallustius Crispus, G. Conluratio Catilinae Senatus consultum Claudianum Sententia Minuciorum Servius Honoratus, Maurus. In Aeneidem Strabo. Geographicon biblia Suetonius Tranquillus, G. De vita XII Caesarum Tabula Veleiata Tacitus, Cornelius. Annales Valerius Maximus. Dictorum factorumque memorabilium libri Varro, M. Terentius. De re rustica (R.r.) Он же. De lingua Latina (L.l.) Velleius Paterculus, G. Historia Romana Аппиан. Гражданские войны.

Варрон, Марк Теренций. Сельское хозяйство.
Вергилий Марон, Публий. Энеида.
"Дистихи Катона".
Катон, Марк Порций. Земледелие.
Колумелла, Л. Юний Модерат. Сельское хозяйство.
Ливий, Тит. История Рима от основания Города.
Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы.
Овидий Назон, Публий. Фасты.
Плутарх. Изречения царей и полководцев.
Он же. Римские вопросы.
Он же. Сравнительные жизнеописания.

Саллюстий Крисп, Гай. Заговор Катилины.
Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двадцати Цезарей.
Страбон. География.
Цицерон, М. Туллий. Брут.
Он же. Вторая речь об аграрном законе.
Он же. О государстве.
Он же. О законах.
Он же. О старости.
Он же. Об обязанностях.
Он же. Об ораторе.

КРАТКИЙ СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. II. Спб., 1875.
Алаев Л.Б. Община // СИЭ. Х. М., 1967.
Античный полис. Л., 1979.
Андреев М. Недвижимая собственность в Риме до XII таблиц // ВД. 1955. N 1. С. 142-146.
Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976.
Баронас А.Г. Традиция и новаторство в первой пентаде "Истории Рима от основания города" Т.Ливия. Автореф. канд.дис. М., 1990.
Бартошек М. Римское право. М., 1989.
Бихерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
Боголепов А. Учебник истории римского права. М., 1958.
Бутинов Н.А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинее и северо-западной Меланезии) // Ранние земледельцы. Л., 1980. С.115-140.
Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локализация) // ПИДО. I. М., 1968. С. 89-155.
Гвоздева И.А. Типы полей у римлян по трактатам Юлия Фронтинуса // Вопросы аграрной истории Древнего Рима. Чебоксары, 1977. С. 11-24.
Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии III в. до н.э. - III в. н.э. М., 1972.
Гревс И.М. Очерки по истории римского землевладения // ЖМПН. 1978, сент. с.2-40.
Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме // ВДИ. 1959. N 1. С. 52-83.
Дьяков В.Н. История римского народа в античную эпоху. I // Учен. Зап. МГПИ. 46. Вып. 2. М., 1947.
Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII-III вв. до н.э. М., 1964.
Жебелев С.А. Древний Рим. I. Пг., 1922.
Зворыкин Н.Н. Классический опыт аграрных реформ. Краткий очерк землеустройства у древних римлян. Спб., 1906.
Историография античной истории. Под ред. В.И.Кузищина. М., 1980.

- История Европы. I. М., 1988.
- История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
- Кнабе Г. С. Древний Рим. История и повседневность. М., 1986.
- Ковалев С. И. Проблема происхождения патрициев и плебеев // Труды юбилейной научной сессии. Секц. ист. наук. Л., 1948. С. 202-244.
- Козлов А. И. Законы XII таблиц. Автореф. канд. дис. М., 1991.
- Контев А. В. Характер родовой организации в древнем Лации // Античность и современность. М., 1992. С. 153-155.
- Кофанов Л. Л. Долговой вопрос в раннем Риме. Автореф. канд. дис. М., 1991.
- Кофанов Л. Л. Законы XII таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 15-21.
- Кофанов Л. Л. О датировке, сущности и значении закона Петелия // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С. 17-32.
- Кофанов Л. Л. Социальные реформы Сервия Туллия // Античность и современность М., 1922. С. 155-161.
- Кошеленко Г. А. Введение // Античная Греция. I. М., 1983. С. 9-36.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кудрявцев О. В. Эллинистические провинции Балканского полуострова во II в. н.э. М., 1954.
- Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье (II в. до н.э. - I в. н.э.). М., 1976.
- Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.
- Культура Древнего Рима. I. М., 1985.
- Леонтьев П. М. О судьбах земельных классов в Древнем Риме // Русский вестник. 31. 1861. С. 5-92.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 46. Ч. I. С. 46-508.
- Мартынов Г. О начале римской летописи // Учен. зап. Моск. ун-та. 37. 1907. С. 1-53.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Машкин Н. А. Из истории римского гражданства // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. II. N 5. 1945.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1950.
- Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н.э. М., 1971.
- Маяк И. Л. Значение и роль *colonia romana* в распространении римской власти на Апеннинском полуострове / ВДИ. 1956. N 2. С. 145-153.
- Маяк И. Л. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // ВДИ. 1989. N 3. С. 94-97.
- Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис Римского полиса. М., 1983.
- Мейер Э. Римский плебс // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. Спб., 1899.
- Моммзен Т. История Рима. I. М., 1936.
- Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.
- Немировский А. И. К вопросу о рабстве в раннем Риме // Научн. доклады высшей школы. Историч. Науки. 1960. N 4.
- Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972.
- Нечай Ф. М. Рим и италийки. Минск, 1962.
- Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. Спб., 1897.
- Петер У. О выделении плебейской верхушки в Риме (до 367 г. до н.э.) // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 32-37.
- Радциг Н. И. Начало римской летописи // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд. ист.-филос. 32. 1904. С. 1-147.
- Савельев В. А. История римского частного права. М., 1986.
- Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима. I. М., 1938.
- Сидорович О. В. Гней Марций Кориолан: легенды и история // Античность Европы. Пермь, 1992.
- Сидорович О. В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней Республики. // Античность и современность. М., 1991. С. 75-77.

- Сидорович О.В. Структура римского патрициата ранней Республики. Автореф. канд. дис. М., 1982.
- Синайский В.И. Очерки по истории землевладения и права в Древнем Риме. Т. Юрьев, 1908. П. Киев, 1913.
- Синайский В.И. Подушный надел в Древнем Риме. Юрьев, 1907.
- Смирин В.М. Римская "familia" и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М., 1988. С. 18-40.
- Сморчков А.М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестн. Моск. ун-та. Сер.8. История. 1991. N 5. С.49-56.
- Сморчков А.М. Сакральные основы формирования римской civitas. Автореф. канд. дис. М., 1991.
- Токмаков В.Н. Военная организация Рима периода ранней Республики. Автореф. канд. дис. М., 1992.
- Токмаков В.Н. Луций Сикций Дентат и падение децемвиров // Античность и современность. М., 1992. С.162-168.
- Токмаков В.Н. Народ и армия // Античность и современность. М., 1991. С. 77-80.
- Трухина Н.Н. Политика и политики "золотого века" Римской республики. М., 1986.
- Утченко С.Л. Закон Лициния и Секстия de modo agrogum и его значение для истории аграрных отношений раннего Рима // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. С. 153-162.
- Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972.
- Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.
- Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность. VIII-II вв. до н.э. М., 1991.
- Федотов В.В. Организация сельской территории италийских civitas по данным Веллейской таблицы // Вопросы аграрной истории Древнего Рима. Чебоксары, 1977. С. 25-38.
- Фомичева Н.Г. Социальное развитие Рима в VII - нач. VI в. до н.э. Автореф. канд. дис. М., 1987.
- Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община Древнего мира. М., 1867.
- Хан И. Плебен и родовое общество // Studia Historica. 94. Budapest, 1975. С.5-31.
- Хвостов В.М. Новый труд по критике римской традиции. М., 1902.
- Хвостов В.М. Система римского права. М., СПб., 1908.
- Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.
- Штаерман Е.М. Еще раз к вопросу о римской сельской общине // ВДИ. 1978. N 2. С.89-110.
- Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. N 2. С.76-94.
- Штаерман Е.М. К проблеме эволюции Римского государства / Klio. 64. 1982. N 1. S. 99-115.
- Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1967.
- Штаерман Е.М. Римская собственность на землю // ВДИ. 1974. N 3. С.34-68.
- Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Энман А. Легенда о римских царях. СПб., 1886.
- Alföldi A. Ager Romanus antiquus // Hermes. 90. 1962. S.187-213.
- Alföldi A. Zur Struktur der Römerstaates im 5 Jahrhundert v. Chr. // Entretiens sur l'antiquité classique. 13. Geneve, 1966. S.223-290.
- Amirante L. Familla, libertà, città nell'epoca decemvirale // Società e Diritto nell'epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.67-84.
- Ampolo C. Rome archaïque: une société pastorale? (Cop. xer.)
- Bartoli A. I pozzi dell'area sacra di Vesta // Monumenti antichi della Accademia Nazionale dei Lincei. 45. R., 1961. P.1-49.
- Bartolini G. I Latini e il Tevere // Il Tevere e le altri vied'aqua del Lazio antico. R., 1986. P.98-110.
- Behrends O. Das nexum im Manicipationrecht // RIDA. 21. 1974.

- Binder J. Die Pless. Lpz., 1909.
- Bloch R. Les origines de Rome. P., 1971.
- Bloch R. The Live et les premiers siècles de Rome. P., 1965.
- Boscherini S. La lingua delle legge XII tavole // Società e diritto nell' epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.45-53.
- Broughton T.R. The Magistrates of the Roman Republic. I. N.-Y., 1951.
- Brunt P.A. Social conflicts in the Roman Republic. Lond., 1970.
- Burdese A. Studi sull' ager publicus. Torino, 1952.
- Capanelli D. Appunti sulla rogatio agraria di Spurio Cassio // Legge e società nella repubblica romana. Napoli, 1981. P.51-60.
- Capogrossi-Colognesi L. Storia delle Istituzioni Romane arcaiche. R., s.a.
- Capogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione del "lura praediorum" nell' età repubblicana. I. Milano, 1969.
- Capogrossi-Colognesi L. La Terra in Roma antica. Forme di proprietà e rapporti produttivi. I. R., 1981.
- Capozza M. Movimenti servile nel mondo romano in età repubblicana. I.R., 1966.
- Capozza M. Roma fra monarchia e decemvirato nell' interpretazione di Eutropio. R., 1973.
- Catalano P. Populus Romanus Quirites. Torino, 1974.
- Coarelli F. La Roma del V secolo C. // Società e diritto. P.33-34.
- Cornelius F. Untersuchungen zur früheren Römischen Geschichte. München, 1940.
- Cuno F. Vorgeschichte Roms. I. S.I., 1878.
- D'Agostino B. Grecs et indigenes sur la côte tyrrénienne au VII s // Annales. 1977. VI. P. 3-20.
- De Francisci P. La comunità sociale e politica romana primitiva // Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche. VII. Firenze, 1955. P. 61-166.
- De Martino F. Diritto e società nell' antica Roma. R., 1979.
- De Martino F. Storia della costituzione romana. I. Firenze, 1958.
- De Martino F. Storia economica di Roma. I. Firenze, 1980.
- De Sanctis G. Storia dei Romani. I.
- Di Porto A. Il coipo di mano di Sutri e il plebscitum de populo non evocando (a proposito della iex Manlia de vicensima manumissionum) // Legge e società nella repubblica romana. Napoli, 1981. P. 307-384.
- Diosdi G. Ownership in ancient and preclassical Roman Law. Budapest, 1970.
- Ducati P. Come nacque Roma. R., 1939.
- Ferenczy E. From the patrician state to the particlo-plebelan state. Budapest, 1976.
- Franciosi G. Matrimonio, conubium e classi sociali nel V sec. a D. // Società e diritto nell' epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.147-165.
- Gabba E. la Pastorizia nell' età tardo-imperiale in Italia. I.I. (Cop. xerogr.)
- Genz H. Das patrizische Rom. Berl., 1878.
- Guarino A. Rifflessioni conclusivi // Società e diritto nell' epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.296-302.
- Guarino A. Storia del diritto romano. Napoli, 1990.
- Günter R. Probleme der militärischen Demokratie im ältesten Rom // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. Berl., 1988. S.476-482.
- Gierstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. I. Berl.-N.-Y., 1972. S.136-188.
- Hanell K. Das altrömische eponyme Amt. Lund, 1946.
- Holkeskamp K-J. Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987.
- Jordan H. Topographie der Stadt Rom in Alterthum. II. Berl., 1871.
- Kaser M. Das römische Privatrecht. Munch., 1955.
- Kaser M. Die römische Rechtsgeschichte. Göttingen, 1950.
- Knoop R. Satricum a metà strada // Il Lazio antico dalla protostoria all' età medio-repubblicana. R., 1986. P.57-74.
- Köhn J. Römisches Frögrecht. Ein Beitrag zur Rechtsentstehung // Familie, Stadt und Gesellschaftsformation. Berl., 1988. S.483-496.
- Kornemann E. Römische Geschichte. I. Stuttgart, 1964.
- Kubler B. Gens // RE.7. Stuttgart, 1910. S.1176-1198.
- Kubler B. Patres, Patricii // RE. 18. Stuttgart, 1949. S.2222-2232.

- Kulturgeschichte der Antike II. Berl., 1978.
 Latte *Römische Religionsgeschichte*. Munch., 1960.
Lugli G. Roma antica il centro monumentale. R., 1946.
Mannino V. Auctoritas patrum. Milano, 1979.
Marquardt J. Privatleben der Römer. Lpz., 1886.
Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. I-III. Lpz., 1881-1885.
Mazzarino S. Dalla monarchia allo stato repubblicano. Catania, 1945.
Momigliano A. An interim report on the origins of Rome // JRS. 53. 1963. P.95-121.
Momigliano A. L'ascesa della plebe nella storia arcaica di Roma // Quarto contributo. R., 1969. P. 437-454.
Mommsen Th. Römische Forschungen. I. Berl., 1869.
Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. I-III. Lpz., 1887.
Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
Nagi F. Volksbegriffe in römischen Altertum. Populus und Plebs. Berl., 1965 // Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt. II.
Oberziner G. Patriziato e plebe nello svolgimento delle origine romane. Milano, 1912.
Neumann A.R. Feldmesser / Der kleine Pauly. 2. S.528-530.
Neumann K.J.L. Iunius Brutus der erste Konsul // Strassburger Fest-schrift. 8. 1901. S.309-331.
Niebuhr G.B. Römische Geschichte. Berl., 1853.
Nitzsch K.W. Die römische Annalistik von ihren ersten Anfänge bis auf Valerius Antias. Berl., 1873.
Palmer R.E. The archaic community of the Romans. Cambridge, 1970.
Pallottino M. Lo Sviluppo socio-istituzionale di Roma arcaica alla luce di nuovi documenti epigrafici // SR. 1979. N 1. P.12-14.
Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978.
Peruzzi E. Money in early Rome. Firenze, 1985.
Peruzzi E. On the Satricum Inscription // la Parola del Passato. 182. 1978. P.346-350.
Peruzzi E. Origini di Roma. II. Bologna, 1975.
Pignaniol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange // Suppl. XVI a "Gallia". P. 1962.
Ranoul P.-Ch. Recherches sur le patriciat (509-366). P., 1975.
Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe Romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plebéien. P., 1978.
Rouland N. Clientela. Aix-Marseille, 1977.
Rudorff A. Gramatische Institutionen // Schriften der römischen Feldmesser. II. Berl., 1852.
Saletta V. L'evoluzione della "civitas" nella "res publica" Romana. R., 1959.
Schulze W. Geschichte lateinischer Eigennamen. Berl., 1904.
Schwegler A. Römische Geschichte. I-II. Tübingen, 1870-1884.
Sereni E. Comunità rurali nell' Italia antica. R., 1955.
Serrao F. Individuo, familia e società nell' epoca decemvirale // Società e diritto nell' epoca decemvirale. Napoli, 1988. P.85-120.
Serrao F. Lotte per la terra e per la casa a Roma dal 485 al 441 a.C. // Legge e società nella repubblica romana. Napoli, 1981.
Serrao F. Patrono e cliente da Romolo alle XII tavole // Studi in onore di Arnaldo Biscardi. VI. Milano, 1987. P.293-309.
Ungern-Sternberg J. Überlegungen zur frühen römischen Überlieferung im Lichte der Oral-Tradition-Forschung // Colloquium Rauricum. I. Stuttgart, 1988. S.237-265.
Ungern-Sternberg J. Die Wahrnehmung des "Standekampfes" in der römischen Geschichtsschreibung // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Stuttgart, 1990. S.92-101.
Watson A. Rome of the XII tables. Persons and property. Princeton, 1975.
Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München, 1963.
Westrup C.W. Introduction to early Roman Law. I-V. 1939-1954.
Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912.
Zancan L. Ager publicus. Padova, 1935.
Zöllner M. Latium und Rom. Lpz., 1878.

- Авгуры, жрецы 14,55,87
 Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан, 1-й император (30 г. до н.э.—14 г.н.э.) 3,9,114
 Аврелий Виктор (IV в.), историк 5,64
 Агенний Урбик, агрименсор 112,114
 Агнаты 129
 Агнумен 73
 Агрименсоры, землемеры 112,114
 Азинии, римский род 107
 Акрон, легендарный царь Ценины 10
 Альбин, Луций, один из первых плебейских трибунов 72
 Анк Марций (639—616), 3-й римский царь 13—15,45,66—68,71,75
 Анней Флор см. Флор
 Аннии 107
 Античная форма собственности см. собственность
 Антонии, римский род 72
 Аполлон, бог 6,23,34
 Аппиан (II в.), греческий историк 5,121,137
 Апулей, Луций, плебейский трибун 34
 Аренда 131
 Асканий-Юл, легендарный сын Энея 9
 Асконий Педиян, Квинт (I в.н.э.), комментатор Цицерона 76
 Ассигнирование, ассигнация 120, 126—128,130
 Астарта, карфагенская богиня 19

 Беллона, римская богиня войны 47
 Бренн, галльский вождь 35,39
 Брут см. Юнии

 Валерии, римский род 27,89,104, 144
 В.Анциат (I в. до н.э.), историк 26
 В.Левин, Публий, консул 280 г. до н.э. 59
 В.Луций, консул 483 г.до н.э. 38,117
 В.Маний (?), диктатор 494 г. до н.э. 27—28
 В.Марк, брат Попликолы 25
 В.Марк, понтифик 343 г.до н.э. 53
 В.Максим (I в.н.э.), ритор 5
 В.Потит, Луций, консул 449 г.до н.э., внук Попликолы 28-31, 38,44,97
 В.Попликола, Публий, консул 509 г. до н.э. 6,21,24,25,30,45,72,78, 79,83,89,91,110
 В.Попликола, Публий, триумфатор 475 г.до н.э., сын Попликолы 26,44
 Валерия, дочь Попликолы 26
 В., сестра Попликолы 26
 Варрон, Марк Теренций (116—27 гг. до н.э.), писатель-энциклопедист 5,79,107,110
 Велейская таблица 129
 Велиана, Тефарий 19
 Великие игры 33,38,50
 Вергилий Марон, Публий (70-19 гг.до н.э.), поэт 9
 Вергинии, римские роды 72
 В. патриции 51,73,88
 В. плебеи 45,73
 Вергиния, патрицианка 69
 В., плебейка 45,72,73
 Веста, римская богиня 106
 Весталки, жрицы 39,98
 Ветурии, римский род 49
 Ветурия, мать Кориолана 49,50
 Вителлии, римский род 24
 Владение, владельцы 112,113,120—122,126,127,131,133,141 см. также *possessio*, *possessores*
 Воины, войско 25,27,32—34,43,54, 57,70,97,113,115,127,141
 Военнопленные 25,59,94,95,97,100
 Волеон, Публилий, плебейский трибун 472 г.до н.э. 84
 Волумния, жена Кориолана 50
 Вольноотпущенники 48,55,86,94,95,99
 Всадники, род войска, 14,16,26,91, 97
 В., всадничество, социальная группа 14,69,76,104,132
 Вулка, этрусский ваятель 20,88

 Гай (II в.), юрист 5,8,65,80,83, 95,96,112
 Гаруспики, жрецы 33,53,62
 Гегании, римский род 12
 Геллий, Авл (II в.), римский писатель 5,65,69,71,75,79—81,84
 Геминий Месций, тускуланец 42
 Генуции, римский род 125
 Г.Луций, плебейский трибун 342 г. до н.э. 125
 Г.Тит, плебейский трибун 476 г. до н.э. 117

Гердоний, Аппий, глава заговора 460 г. до н.э. 44,97
 Гердоний, Турн, арициец 18
 Герион, мифологическое чудовище 105
 Гераклес, римский адекат греческого Геракла 48,90,105
 Гигин Громатик 130,132
 Гораций, римские близнецы 12,30,32,144
 Г.Барбат, Марк, консул 449 г. до н.э. 28—31,44,97
 Гораций Коклес, Публий 30,31,122, 142
 Г.Пульвилл, Марк, консул 509 г. до н.э. 30,45
 Гортензий, плебейский трибун 287 г. до н.э. 8,61,80,81,144
 Гражданин, граждане 9,25,32,46,47, 49,63,65,66,79—82,84—86,99,112, 114,126,130,140
 Гражданство латинское 54
 Гражданство 71,75,79,83,84,91,92, 112,139—142
 Гракхи, Тиберий и Гай Семпроний, плебейские трибуны 133,123,122 г. до н.э. 113,117,126,132
 Громатики см. Агрименсоры
 Демарат, коринфянин 67
 Демос, гр., народ 141
 Деции Мусы, римская плебейская семья 51,87,142,144
 Д.М. Марк, участник I сецессии 51
 Д.М., Публий, герой I Самнитской войны 42,51,56,58,87
 Д.М. Публий, сын предыдущего, герой II Самнитской войны 54—56,87
 Децемвиры, коллегия 28—31,44,45,55, 60,73,97,117,124
 Диана, римская богиня 16,18
 Дигесты 5,65,80,95,96,112,113,128
 Диктатор, диктатура, должностное лицо, должность с чрезвычайными полномочиями 22,26,27,32—34,36,37, 40,41,45,46,49,60,90,91,119,124, 133
 Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), греческий историк, 116
 Дион Кассий Кокцеян (II в. н.э.), греческий историк 70
 Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.), греческий историк 4,8,43,51, 64—67,70,75—78,86,87,97,115,117, 118,121,125,132
 Диоскуры, мифологические герои, Поллукс и Кастор, сыновья Леды и Зевса, либо греческого героя Тин-

дарей, или один - Зевса, другой - Тиндарей 6,26,106
 Договор Кассиев (496 г. до н.э.) 37
 Договор римско-карфагенский I (508 г. до н.э.) 19
 Долги, должники 27,36,40,94,97,100, 123—125,127,132
 Должничество 94—96,99,125
 Дуумвиры, коллегия 55
 Евтропий (IV в.), историк 95
 Законы аграрные 43,76,113,114,117, 118,120,124,127
 Спурия Кассия (486 г. до н.э.) 37,116—118,120
 Ицилия (456 г. до н.э.) 72,118, 121
 Атерния-Тарпейя (454 г. до н.э.) 111
 Валерия о провокации 25
 Лициния-Секстия (367 г. до н.э.) 35,37,62,69,75,77,98,99,122,124, 125,127,129,133
 Аквилы (III в. до н.э.) 95
 Гракхов (II в. до н.э.) 113,116, 121,137
 Валерия-Горация (449 г. до н.э.) 61
 Гортензия 8,61,80,81,144
 XII таблиц 5,29,44,46,85,94—96,113, 118,124,129,132
 Закон Кануля (445 г. до н.э.) 92,99
 Клавдия (218 г. до н.э.) 48
 Манлия (357 г. до н.э.) 97,99
 Мэния (338 г. до н.э.) 60
 Огульниев (300 г. до н.э.) 55,87
 Петелия (327 г. до н.э. или 313 г. до н.э.) 100
 Публилия Волерона (471 г. до н.э.) 8,61
 Публилия Филона (339 г. до н.э.) 60,61
 Священный 28
 Фуфия-Каниния (2 г. до н.э.) 95
 Элия-Сентия (4 г.) 95
 Г.Юлия и П.Папирия (430 г. до н.э.) 111
 Юлиев о муниципии (I в. до н.э.) 130
 Земельный максимум 99,129,133
 Землевание коллективное 36,119, 128,133,140
 Землевание муниципальное 129,130
 Землевание общенародное 113,120, 121
 Землевание родовое 68,128—130
 Землевание частное 36,100,113,

- 119—121
 Земля коллективная 112, 114, 116,
 119—121, 128—130, 137
 Земля общенародная 113, 118, 121—123,
 125—127, 129—132, 140
 см. также: *ager publicus*
 Земля частная 113, 114, 124, 128—130,
 132, 141, 142
 Знатные, знать 11, 14—16, 46, 55, 60, 64,
 66, 70, 73, 90, 91, 100, 115, 127, 132
 Зонара, Иоанн (XI в.), византийский
 историк 70, 95
- Ингенуи 1) местные уроженцы 86, 87
 2) свободорожденные 86
 Исидор Севильский (600—636 гг.),
 епископ севильский, грамматик
 71, 86, 112
 Исополития, равенство гражданских
 прав между жителями разных госу-
 дарств 117
 Ицилии, плебейский род 72, 104, Иплейбей-
 ский трибун (456 г. до
 н.э.) 29, 31, 45, 72, 118
- Кабала, кабальные 94—96, 123, 124, 132
 см. также Долги
 Кавалерия см. Всадники
 Как, римский мифологический герой 105
 Кака, римская мифологическая героиня
 105
 Кальпурний Пизон Фруги, Луций, (II в.
 до н.э.), анналист 117
 Канулей, Гай, плебейский трибун (445 г.
 до н.э.) 44, 46
 Капитон, Квинт Атей (36 г. до н.э.—
 22 г. н.э.), римский юрист 65
 Каприлии, римский род 107
 Кассии, римский род 38, 73
 К.Гемина, Луций (II в. до н.э.),
 анналист 117, 126, 127
 К., Спурий, консул (486 г. до н.э.) 37,
 38, 116, 117, 125
 Кассиодор, Флавий Магн Аврелий, Гай
 (ок. 485—580 гг.), историк 109
 Катон Цензорий, Марк Порций (234—
 149 гг. до н.э.), политический
 деятель и писатель 131
 Квестор, почетная должность 60, 131
 Квинции, патрицианский род 38, 89
 К.Цинциннат, Луций, диктатор 458 г.
 до н.э. 89, 90, 119, 133, 142
 К.Цинциннат, Кезон, сын предыдущего,
 противник плебеев 90
 Квири, римский бог 11
 Квириды, римские граждане 78, 80, 81,
 84, 144
 Клавдии, римский род 42, 43, 46, 48,
 72, 73, 104, 119
 К.Аппий, Инрегилльский снователь
 династии 43, 67, 73, 119
 К.Аппий, консул 495 г. до н.э.
 27, 123
 К.Аппий, консул 471 г. до н.э.
 43, 84, 120
 К.Гай, консул 460 г. до н.э. 44—46
 К.Красс, Аппий, децемвир 29, 44—46,
 73, 97
 К.Марк, клиент Аппия, децемвира 45
 К.Пэк, Аппий, цензор 312 г. до н.э.
 46—49, 55, 57, 59, 73, 87
 Клавдии Марцеллы, плебейская ветвь
 73
 Клавс, Атта см. Клавдий Аппий Инре-
 гилльский
 Класс 93, 105, 134
 Класс-сословие 134, 140
 Клелии, римский патрицианский род
 12, 104
 Клелия, римская героиня 26, 31
 Клерухия, греческая колония граждан
 115
 Клиентела, клиенты 43, 49, 66, 67, 70,
 71, 77, 86—88, 91, 94, 97, 99, 100, 133
 Когномен 73, 75
 Колонизация 115, 116, 121, 126, 130, 142
 Колонии 54, 114—116, 119, 125, 126, 130,
 142
 Колонии римских граждан 114, 115,
 130, 142
 Колонии латинского права 54, 130
 Колонисты 75, 114—116, 130
 Колумелла, Луций Юлий Модерат (I в.)
 римский писатель, ученый 109
 Комиции, сходки, народное собрание
 18, 23, 31, 35, 41, 60, 61, 75, 77, 79,
 82, 85, 86, 99
 Комиции куриатные 8, 10, 13, 16, 23, 25,
 35, 61, 64, 68, 70, 71, 75—77, 83, 144
 Комиции трибутные 8, 61, 71, 77
 Комиции центуриатные 16, 21, 23, 25, 40,
 43, 45, 47, 61, 71, 75, 78, 79, 83, 87
 Комиций, место народного собрания
 на Форуме 30, 106
 Кондотьер, предводитель наемного
 отряда 15
 Конскрипты, категория сенаторов 69,
 70, 85, 104
 Консул, высшее должностное лицо 9,
 22, 23, 25—27, 30, 37—39, 41, 43, 46, 47,
 50, 51, 53, 56, 60, 69, 73, 77, 79, 87, 89,
 92, 97, 98, 118, 123
 Консидий, Квинт, плебейский трибун
 476 г. до н.э. 117
 Конции, сходки 79
 Концилии 79

Кориолан, Гней Марций, легендарный полководец (V в. до н.э.) 27, 49-51

Корнелии, римский род 42

К.Косс, Авл, консул 343 г. до н.э. 52

Корнелия, отравительница 98

Куреты, жители Курес 78

Куриации, альбанские близнецы 12, 30,31

Курии, плебейский род 57

Курий Дентат, Маний, герой III Самнитской и Пирровой войн 56-58, 119,142

Курион, старшина курии 106

К. великий, глава курионов 76

Курицы, члены курий 78,84

Курия 1) социальная группа 10,11, 14,16,66-68,70,71,75-78,81,87, 128,129,141

2) здание 17,18,50

Курции, римский род 29

К.Марк 11, 106

К. Меттий 106

К.Филон 106

Ларции, римский род 29

Латиний, Тит, римский плебей 50,97

Лектистернии, священный обряд 40

Лелий Феликс (II в.) римский правовед 80

Леторий, плебейский трибун 471 г. до н.э. 43

Либер, римское божество 108

Либера, римское божество 108

Ливий, Тит (59 г. до н.э.-17 г. н.э.), римский историк 4,8,35, 64,65,69,75-77,79,83,85,87-91, 95,97,98,104,105,109,115,116, 118-121,124-126,131,132

Ликторы, почетная стража 25,27, 29,44,45,75

Личинии, римский плебейский род 72,74

Л.Вары 72

Л.Крассы 30,72

Л.Лукуллы 72

Л. Спурий, плебейский трибун 482 г. до н.э. 117

Л. Столон, плебейский трибун 367 г. до н.э. 74,92,99,119,133

Лукреции, римский род 24,51

Л.Трипитидин, Луций, консул 509 г. до н.э. 29

Лукреция, супруга Коллатина 20,21, 89

Лукумон, этруское имя (титул) 13, 67,68

Мамиллии, римский род 32,71

М.Октавий, тускуланец 18

Манлии, римский патрицианский род 38

М.Империз, Луций, диктатор 363 г. до н.э. 40-42

М.Капитолийский, Марк, защитник Капитолия, консул 392 г. до н.э. 35,39,40,118,121,124

М.Торкват, Тит, сын Империза 40-42,51

М.Торкват Младший 42

Марс, римский бог 6, 54, 108

Марции, римские роды 49 см. также: Кориолан

М.Тремул, Квинт, консул 306 г. до н.э. 58

Матрона, мать семейства, остававшаяся под властью отца, а не мужа 45,69,98

Мелии, римский плебейский род 74, 132

М.Капитолин, Публий, консул. трибун 400 и 396 гг. до н.э. 74, 132,133

М.Квинт, консул. трибун 320 г. до н.э. 133

М.Спурий, плебей-богач 69,74,132,

Менений Ланат, Агриппа (нач. V в. до н.э.), политический деятель 27,28,72,111

Менений Ланат, Тит, консул 477 г. до н.э. 111

Метилий, Марк, плебейский трибун 417 г. до н.э. 118,125

Меценат, Гай Цильний, сподвижник императора Августа 3

Мецилий, плебейский трибун 417 г. до н.э. 118,125

Минерва, римская богиня 20

Минуции, римский род 129

М., арбитры 117 г. до н.э. 129

М.Луций, консул 458 г. до н.э. 74,90

М.Луций, распорядитель продовольственного снабжения 439 г. до н.э. 74

Минуция, весталка 98

Муниципий, городская община 54,142

Муций Сцевола, Гай, легендарный борец против Порсенны 31,122

Навий, Атт, авгур (VII в. до н.э.) 14

Навций, Гай консул 458 г. до н.э. 90

Народное собрание см. Комиции

Нобили, нобилитет, знать 60,72

Новые люди 56,144

Ноний Марцелл, грамматик (III, IV в)
75,110,126,127

Нума (717-673 гг. до н.э.), 2-й
римский царь 11,13,108

Нумидий, Гай, римский воин 57

Община 8,10,11,54,61,66,68,75,77,
94,112,130,139,141

Община гентильная (родовая) 10,59,
75,128,139

Община гражданская античная 54,61,
62,128-130,139 см. также полис,
civitas

Община соседская 10,68,128,139

Община территориальная 10,68,128

Овация, малый триумф 38

Овинии, римский род 107

Огульнии, Квинт и Гней, плебей-
ские трибуны 300 г. до н.э.
55,87

Оккупация, занятие общенародной земли
98,121,122,126,131,132,134

Октавии, римский род 69,105

Октавиан Август см. Август

Оптиматы, сторонники политического
движения "добропорядочных"
в эпоху Поздней республики 8

Отцы 1) семейства, 45,85,86,96,113

2) сенаторы 13,17,27,76,85,

86,88 см. также: senatores

Павел Диакон (720-799 гг.),
ученый монах, историк 5,70,71,
79,82,119

Папирий, Марк 39

Парилии (Палилии) празднество 107,
108

Патриции 4,14,18,20,23,24,25,
27-29,30,36-38,40,42,43,45-48,
51,55,63-74,76-79,83-87,89,91,
92,98-100,104,105,111,115,118,
120,123,126,131,133,134,137,
140,142,144

Патронат, патроны, покровительство,
покровители 49,66,68,99

Петелии, римский плебейский род 118
П., плебейский трибун 442 г. до н.э.
118

Пинарии, римский род 90

Пирр, царь Эпира, предводитель
наемного войска 48,57,59

Пиррова война (280-272 гг. до н.э.)
57,109

Плебеи, плебс 4,13,14,17,20,21,25,
27-31,33-38,43-47,51,54-57,60,
61,63-75,77-84,86-88,90-92,94,
97,99,100,104,105,111,113,
115-127,131-134,137,140-142,144

Плебисцит, решение плебейских
сходов, с III в. до н.э. прирав-
нен к законам 29,61,80-82

Плиний Старший, Гай (23-79 гг.),
энциклопедист 5,59,109,110

Плутарх (46-120 гг.), греческий
писатель, философ 4,32,37,57,
64,70,85,88,89,95,104,122,137

Полис 59,61,62,71,129,130,139,140,
142,144

Помпей великий, Гней (106-48 гг.
до н.э.) 30

Помпоний, Марк, плебейский трибун
362 г. до н.э. 41

Понтий Коминий, римский герой 35

Понтифики, жрецы 6,22,28,48,53,
55,56,98

Понтифиций, Тиберий, плебейский
трибун 400 г. до н.э. 72,117

Попликола см. Валерий Попликола

Порсенна, правитель этрусского
г.Клузий 26,30,31,97,122

Порции, римский род 107 см. также
Катон

Посессоры 113,120 см. также
владение, possessores

Постумий, Публий, диктатор 496 г.
до н.э. 29,49

Потиции, римский род 90

Претор, должностное лицо 22,23,
36,37,41,46,47,60

Претор городской 22,37

Претор peregrinский 37

Принцепс, первоприсутствующий
сенатор, титул императора 8,
60,129

Провинции, внеиталийские покорен-
ные Римом территории 93

Пролетарии 16

Простолюдины 20,21,24,27,66,67,70,
88

Публилии, плебейский род 8,104

Рабовладение, 92-94, см. также
кабала

Рабовладельцы 45,90,98-100,134,
141

Работоторговля 97

Рабство 8,16,33,45,48,50,62,84,
90,92-100,126-128,134

Р.должничество 54,125,132

Р.иноплемеников 100

Регия, здание
106

Рем, легендарный герой, брат
Ромула 9,10

Рогация, предложение закона маги-
стратом народу 79,116,118

- Род, родичи 10,11,13,16,24,26,
30—32,43,44,46,48,57,59—61,64—68,
70,71—75,77,85,86,88,89,91,93,
104,105,107,108,119,128,129,
133,140,141, см. также gens
- Ромул, легендарный основатель
Рима 9,11,25,64,66,70,75,
85—87,104,119,133
- Ростовщики, ростовщичество 123,125,
132
- II Самнитская война (327—304 гг.
до н.э.) 54
- III Самнитская война (298—290 гг.
до н.э.) 56,57
- Сатурналии, римское празднество
16,59
- Сатурн, римский бог 6,16,25,97
- Секстий Латеран, Луций 76,99
- Семья, см. также фамилия 23,30,
49,60,61,68,72,73,75,85,89,
96,119,120,133,141
- Сенат высший совет 10,11,13,15,
18,23,25,27—29,31,35,43,
45,50,53,56,57,60,61,68—70,
74,76,83,85,86,90,104,115,
117—119,123,124,126,140
- Сенатконсульт, постановление се-
ната 117
- Сенаторы 11,13,17,18,24,25,30,38,
40,43,48,60,65—69,76,85,86,91,
104,105,120,123—125, см. также
patres
- Сервий Туллий (578—535 гг. до н.э.),
6-й римский царь 14—17,22,61,
69,70,80,85,87,105,109,112,128,
139—141
- Сервилии, римский род 12,51,67,71
- Сервилий Агала, Гай, начальник
конницы, убийца Сп.Мелия 74
- Сервилий Приск, Структ, Публий,
консул 495 г. до н.э. 27,123
- Сергия, матрона-отравительница 98
- Сивилины книги, сборник проро-
честв 55
- Сикул Флакк (II в.), агрименсор 114,
122
- Сицинии, плебейский род 29
- С., плебейский трибун 494 г. до
н.э. 29,72
- С., Гай, плебейский трибун 449 г.
до н.э. 29
- С., Луций, плебейский трибун 387г.
до н.э. 118
- Собственности античная форма 62,
131,139,140
- Собственность 48,54,104,111,113,
122,129
- С. гентильная, родовая 46,128,142
- С. коллективная, общественная 121,
128,140,141
- С. общенародная 121,125,127,128,
140,141 см. также: ager publicus
- С. общественная, коллективная 121,
125,128,140,142
- С. общинная 140
- С. частная 46,112—115,119—122,126,
128,131,140
- Сословие 63—65,70,104,105,134
- Союз (федерация) латинских городов
54
- Старейшины 10,60,66
- Стольщики, комиссия 51
- Сулла, Луций Корнелий (138—78 гг.
до н.э.) 114
- Таврии, римский род 107
- Талассий, легендарный сподвижник
Ромула 88
- Танаквиль, жена Тарквиния Приска
13,14
- Тарквинии, этрусский род 17,24,26,
37,44
- Т., Аррунт, сын Т.Гордого 17,23
- Т.Древний, Приск (617—578 гг. до
н.э.) 8,13—15,17,20,55,67—69,
75,104
- Т.Гордый (535—510 гг. до н.э.)
последний царь 17—22,25,55,
69,72,78,88,89,91,104,110
- Т.Коллатин, консул 509 г. до н.э.
20,23,24,72
- Т.Секст, сын Т.Гордого 17,19—21
- Т.Тит, сын Т.Гордого 23
- Тарквиний, Луций, бедный патри-
ций 91
- Тарпея, легендарная римлянка 10
- Таций, Тит, легендарный сопра-
витель Ромула 11,89
- Тацит, Публий (?) Корнелий (55—120
гг.) римский историк 8
- Терентий Арса, плебейский три-
бун 462 г. до н.э. 90
- Триба гентильная, родовая, племя
10,15,67,68,71
- Т.территориальная, округ 15,30,
43,47,48,55,61,76,84,88,128
- Трибуны военные, высшие коман-
диры 41
- Трибуны консулярные, должностные
лица 32,47,75,118,132
- Трибуны плебейские, плебейские
должностные лица 27,28,30,34,
35,40,43—48,50,51,55,57,60—62,
71—74,76,77,80,83,87,99,116,
118,120,122,124,125,133,134,141

Триумвиры, коллегия из трех мужей
60,72,113,115

Триумф 10,25,30,34,38,47,90,115

Троянцы, легендарные предки рим-
лян 9

Тулл Гостилий (672-641 гг. до н.э.)

3-й римский царь 11,13,30,67

Туллий, Аттий, знатный волеус 50

Туллий Сервий (578-535 гг. до н.э.),

6-й римский царь см. Сервий

Туллий

Туллия Кроткая, младшая дочь Сервия

Туллия 17

Т. Свирепая, старшая дочь Сервия

Туллия 17,18,21

Уни, этруская богиня 19

Фабии, римский род 35,42,51,69,
74,88

Фабий Амбуст, тесть Лициния Сто-
лона 92

Ф.Кезон, квестор 486 г. до н.э.
38

Ф.Кезон, консул 479 г. до н.э.
88,117

Ф.Максим, Квинт, Курульный Эдил -
331 г. до н.э. 98 Ф.Рудлиан, Квинт, герой
II Самнитской войны 55,56

Фабриций Лусцин, Гай, герой III Сам-
нитской и Пирровой войн 57-59,
144

Фавны, мифическое италийское пле-
мя 10

Фамилия 73,93,96,119 см. также
семья

Фасты, римский религиозный ка-
лендарь 6,28

Ф.консульские, списки консулов 6

Ф.триумфальные, списки триумфа-
торов 6

Фест, Секст Помпей (II или III в.),
грамматик 5,65,70,79-83,85,
86,104,110,112,119,122

Фециалы, жрецы 12,13,32

Фила, греч. племя. округ см. Триба

Флавий Гней, волеоноотпущенник (IV в.
до н.э.) 48,55

Фламины, жрецы 71,75

Ф.младшие 75

Флор, Луций Анней (II в.), римский
историк 31,42,57

Фратрия, греч. см. Курия

Фурии (=Фузии), римский род 32,144

Ф.Камилл, Марк (447-365 гг. до
н.э.) римский политический
деятель и полководец 32-37,
40,124

Ф. Спурий, отец отряженный 32

Цари римские 9,11,13,14,18,20,22,
23,47,49,67-69,75,128,140

Ц.латинские 11,13,22,49

Ц.этрусские 15,17,18,22,31,89,93,

Педидий, Квинт, центурион 35

Ц., Марк, плебей 39

Цезарь, Гай Юлий (100-44 г. до н.э.),
диктатор 3,73,74,91,105,130

Ценз 15,16,23,47,68

Цензор, цензура, почетное долж-
ностное лицо, должность 39,
46-48,55,60,73,76,132

Центурия, войсковая и голос.
единица 16,80

Цинциннат см. Квикции

Цицерон, Марк Туллий (106-43 гг.
до н.э.), римский оратор,
юрист, философ, политический
деятель 3,5,32,48,57,64,69,76,
77,80,85,120,139

Эвокация, обряд вызывания богов 34

Эквиты, римская семья 107

Эдилы, почетные должностные лица
36,37,60

Э.курульные 36,37,55,84

Э.плебейские 62,83

Эмилии, римский патрицианский род
42,51

Э.Мамерк, Луций, консул 470 и
467 гг. до н.э. 115,117,120

Энеида, поэма Вергилия 9

Эней, легендарный троянский герой 9

Югер, мера площади в 0,25 га 75,99,
113,119

Юлии, римский род 12,32,67,71,104

Ю.Фронтин, Секст (I в.), агрименсор
114

Ю.Цезарь, Гай см.Цезарь

Юнии, римский род 21,72,73,91

Ю.Бубульки 91

Ю.Брут, Луций, консул 509 г. до н.э.
23,24,72,78,91,142

Ю.Сцеувы 91

Ю.Брут, Марк, претор 44 г. до н.э.
73,91

Юнона, римская богиня 20,33,34,38,
39

Юпитер, римский бог 11,12,14,20,38,
40,50,97,106,108

Юстиниан, византийский император
IV в. 5,65,66,82,86,95,129

Ютурна, римская нимфа 106

Янус, римский бог 16,86,106

- Adlecti 70
 Adsignatio 137
 Aes grave 109
 Aes rude 109
 Aes signatum 109
 Ager censorius 133
 Ager occupatorius 131, 133
 Ager privatus 130
 Ager publicus 37, 98, 113, 117-122,
 125-132, 134, 137, 140-142
 Ager Romanus 128
 Ager quaestorius 131, 133
 Assignatio *см.* adsignatio
 Auctoritas patrum 60, 76, 83

 Bina iugera 119

 Capitis deminutio 74
 Civitas, римская гражданская
 община, полнота гражданских
 прав 54, 59, 61, 62, 65, 66, 84,
 85, 91, 129, 130, 139-142
 Cives, граждане 65, 82, 83, 85, 86,
 92
 Coetus 79
 Cognatio 71
 Comitia, народное собрание 79
 Comitatus 78
 Concilium 78, 79
 Conscripti 69, 104
 Consul suffectus 23
 Contio 79

 Divide et impera 54
 Dominium 111, 113, 114
 Dominus 96, 113

 Erectum 111

 Familia 111, 113
 Famulus 95
 Fas 6
 Fascii 25

 Gens, gentiles 10, 65, 69, 71, 75,
 87, 129
 Genus 71

 Heredium 119
 Imperium 23
 Ius 8, 12, 25, 28, 96, 117
 Ius auxilii 28
 Ius commercii 8, 117
 Ius conubii 8, 12
 Ius gentium 96
 Ius provocationis 25

 Lex 80-82
 Lex agraria 117-119
 Lustrum 47

 Magister, magistratus 15
 Manceps 132
 Mancipium 8, 111
 Munus 54

 Nexi, nexum 93-96, 100, 123, 132
 Nobilitas 84
 Nomen 26, 74
 Nota pecudum 110
 Occupatio 112, 137
 Ordo equester 104, 105, 132,

 Pars 65, 79
 Pater 66
 Pater patratus 32
 Patres (senatores) 13, 66, 69,
 76, 80-83, 85-88, 91, 120, 121,
 125, 133
 Patricia 69
 Patricii 69, 81, 82
 Pecunia 111, 113
 Piebei, plebs 80-85, 104, 116, 117
 Piebiscita 80
 Pluritas 66, 104
 Populus 21, 24, 64-66, 78, 79, 81-88,
 91, 92, 127, 129, 140, 141, 144
 Populus Romanus Quirites
 (Quiritium) 78
 Possessio 113, 120, 133
 Proprietas 111, 113, 114
 Praetor 37
 Privati 125
 Proles 16
 Provocatio *см.* ius
 provocationis

 Res mancipi 132
 Rex 10
 Rex sacrorum 22

 Scita 80-83
 Senatus consultum 60, 82
 S. sententia 82
 S. populusque Romanus 61, 83
 Seniores 66
 Sententia Minuciorum, надпись
 117 г. до н.э. 129, 137
 Servitia, servitium 95, 96
 Servus 8, 14, 93-97
 Suffragium 81, 82

 Transio ad plebem 74

Tributum 123
Tribuni militum consulari
potestate 47

Usus 111

Veto 28,40
Viritim 75,133
Virtus 32
Vulgus 66

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

απόροι 95
δανείσωνται 95
δῆμος 65, 117, 121
δημοσία γῆ, χώρα 117, 121
δημοσιχά 65
θεράποντοι 95
ἰσόψηφοι 87
κύριοι 121
οἰκέτοι 95
ἐχλός 66

παιδίσκαι 95
παιρίκιοι 69
πένητεῖς 87, 95
πλήνοthetthos 65
συμβалόντοι 95
Φράτρα, Φρατρία 67
Φυλῆ 67
χρέα 95

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
От царей к консулам	9
Глава 2	
Рим ранней Республики и его герои	22
Глава 3	
Народ и гражданство	63
Глава 4	
Патриции и плебеи	104
Заклучение	139
Список сокращений	145
Список основных источников	145
Краткий список основной литературы	146
Указатель античных имен и предметов	151
Указатель латинских терминов	158
Указатель греческих терминов	159

Научное издание

Ия Леонидовна МАЯК

РИМЛЯНЕ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Зав. редакцией

Г.М. Степаненко

Редактор

Л.В. Кутукова

Художественный редактор

Л.В. Мухина

Обложка художника

В.В. Гарбузова

Технические редакторы

Т.А. Корнеева, З.С. Кондрашова

Дизайнер

Н.А. Бойкова

Корректоры

Е.Н. Павлова, В.В. Конкина

ИБ N 6108

ЛР N 040414 от 27.03.92. Сдано в набор 10.03.93. Подписано в печать 25.10.93.
Формат 60х90 1/16. Бумага офс. кн.-журн. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл.
печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 11,23. Тираж 1000 экз. Заказ № 1235. Изд. №2628. Ордена "Знак
Почета" издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена "Знак Почета" Изд-ва МГУ. 119899, Москва, Воробьевы горы

РИМЛЯНЕ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ
